

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИИ

МОНОГРАФИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИИ

МОНОГРАФИЯ

Москва – СПб – Брянск

2016

УДК 811.161.1'276
ББК 81.033
С 56

Рецензенты:

Байрамова Л.К. – доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Поликарпов А.М. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск.

Садыкова А.Г. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РТ, директор Института филологии и межкультурной коммуникации имени Льва Толстого, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

С 56

Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленкова, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.П. Василенко. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – 200 с. : ил.

ISBN 978-5-9908370-0-3

Монография дает представление о состоянии и развитии современной отечественной фразеологии, о тенденциях и инновациях в различных направлениях фразеологической науки.

Книга может быть полезна исследователям в области германской и славянской фразеологии, преподавателям высшей школы, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 811.161.1'276
ББК 81.033
С 56

ISBN 978-5-9908370-0-3

© Алефиренко Н.Ф., Зимин В.И.,
Василенко А.П., Федуленкова Т.Н.,
Добровольский Д.О., Мелерович А.М.,
Мокиенко В.М., 2016
© ООО «Новый проект», 2016

*Том посвящается
доктору филологических наук профессору
Т.Н. ФЕДУЛЕНКОВОЙ
по случаю юбилея*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой результат совместного научного труда лингвистов – специалистов по общей, частной и сопоставительной фразеологии, объединяемых прямой или косвенной принадлежностью к признанной мировой лингвистической общественностью отечественной фразеологической школе, у истоков которой стояли выдающиеся языковеды В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.В. Кунин, и к известной типологической школе, инициированной В.Д. Аракиным и А.Д. Райхштейном и интенсивно развиваемой в настоящее время.

Для данной коллективной монографии характерен полипарадигмальный подход к изучению фразеологии: исследование ведется на пересечении плоскостей антропологического, когнитивного, лингвокультурологического и структурно-типологического анализа.

Монография состоит из двух частей, и первая из них включает пять глав.

В Главе 1 (д.ф.н. проф. Н.Ф. Алефиренко) вводится понятие «фразеоморождающий потенциал когнитивно-провербиального кода» и проводится дифференциация когнитивно-провербиальных структур конвергентной природы: логэпистем, лингвокультурем, прецедентных структур и концептов.

В Главе 2 (д.ф.н. проф. В.И. Зимин) рассматриваются основные роли образа в семантической структуре фразеологизма в трех аспектах: ономазиологическом, аксиологическом и в лингвокультурологическом. Автор настаивает на необходимости разграничения эмоциональности и эмотивности.

В Главе 3 (д.ф.н. проф. А.П. Василенко) разрабатывается концепция многоступенчатости сопоставительного анализа во фразеологии и предлагаются следующие виды межязыковых фразеологических эквивалентов: *макросимметричный, десимметричный, квазисимметричный, микросимметричный, асимметричный*.

В Главе 4 (д.ф.н. проф. Т.Н. Федулenkova) проблема варианта фразеологизма рассматривается через призму компонента фразеологической модели. Сопоставительный анализ грамматических структур ФЕ и применение методики фреймовых моделей на материале трех германских языков подтверждает гипотезу о том, что варианты одной и той же ФЕ всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную, которые в абстрагированном виде представляют инвариант ФЕ.

В Главе 5 (д.ф.н. проф. Д.О. Добровольский) предлагается дифференцированный подход к фразеобразовательному моделированию в зависимости от задач исследования, что позволит в значительной степени преодолеть то сопротивление языкового материала, с которым сталкивается каждый лингвист, занимающийся практической рубрикацией фразеологии.

Все главы Части II написаны в соавторстве д.ф.н. профессором А.М. Мелерович и д.ф.н. профессором В.М. Мокиенко. В данном разделе работы излагается опыт фразеографической фиксации и систематизации фразеологии в художественном и публицистическом дискурсах русской речи.

В Главе 1 рассматривается ряд важных вопросов: назначение и задачи словаря, принципы отбора фразеологических единиц и источники словаря, принципы и способы толкования фразеологических единиц, стилистическая характеристика ФЕ, требования к иллюстративной части словаря, историко-этимологические сведения в словаре, словарная статья и расположение в ней фразеологических единиц, а также определение компонентного состава фразеологизмов, описание зафиксированных в словаре преобразований фразеологических единиц и фиксация фразеологических конфигураций.

В Главе 2, посвященной фразеологии в школьном словаре «Жизнь русской фразеологии в художественной речи», внимание уделяется важнейшим задачам словаря и принципам отбора фразеологических единиц.

В Главе 3, посвященной опыту фразеографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии, формулируются задачи и принципы построения словаря «Фразеология в русской поэзии».

Отражая тенденции и инновации в развитии современной фразеологии, книга будет интересна специалистам в области как общей, так и частной, а также сопоставительной фразеологии.

В заключении выражаем искреннюю благодарность рецензентам монографии доктору филологических наук профессору Л.К. Байрамовой, доктору филологических наук профессору А.М. Поликарпову и доктору филологических наук профессору А.Г. Садыковой за внимание к нашей работе и ценные замечания.

Т.Н. Федуленикова

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

ФРАЗЕМОПОРОЖДАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНО-ПРОВЕРБИАЛЬНОГО КОДА

Николай Фёдорович АЛЕФИРЕНКО

Фраземопорождающий потенциал когнитивно-провербиального кода — *глубинные обновления и производные провербиальных архетипов* — находится в плоскости рассмотрения «культуры как некоторого семиотического механизма, имеющего целью выработку и хранение информации» [Лотман 2000: 485]. Поскольку их изучение только начинается, приходится оперировать, скорее, гипотезами и предположениями, чем достоверными истинами [см.: Лотман 2000: 483]. Впрочем, используемая Т.Н. Федуленковой научная метафора «Фразеология языка — зеркало истории и культуры его носителя» [Федуленкова 1996: 95; 1997: 81] схватывает сложно постижимую суть идиоматизированной репрезентации культуры (фразами и различными

паремиями). Принято считать, что провербиумы являются надежными хранителями этнокультуры [Алефиренко 2010: 405; Телия 2007: 433; Илюхина 2010]. С этим, собственно говоря, никто и не спорит. Однако в этой связи вызывает тревогу, что сами провербиальные единицы, если верить большинству научных исследований, практически выходят из активного употребления. Данную тенденцию, касающуюся такого рода формы речевой реализации провербиальных единиц, немецкий фольклорист Г. Баузингер комментирует следующим образом: «Das individualisierende Prinzip, das unser Reden und Handeln leitet, lässt die altvaterische Formel des Sprichwortes nicht mehr ohne weiteres zu» [Bausinger 1968: 91]. При этом Г. Баузингер вовсе не имеет в виду полное исчезновение пословиц из речи, а обращает внимание на имеющее в настоящее время стремление к различного рода лингвокреативной активности когнитивно-провербиального кода.

На наш взгляд, суть данной тенденции заключается не в вариативном обновлении «старых» пословиц, а в когнитивно-дискурсивной креативности *провербиального кода* (фрейма), той структуры, которая сохраняется в этнокультурном подсознании в качестве некоего когнитивного субстрата провербиальных единиц. Такие единицы являются генеративно-интерпретативным порождением их когнитивно-провербиального кода. Поэтому пословично-поговорочные высказывания не столько адаптируются к новым дискурсивным ситуациям, отклоняясь от узуса, сколько, актуализируясь в долговременной памяти народа, стимулируют активность деривационного потенциала провербиальных фреймов [см.: Алефиренко 2010: 71]. Этот феномен лежит в основе вводимого нами понятия «фраземопорождающий потенциал когнитивно-провербиального кода». Результатом такого семиозиса является возникновение когнитивно-провербиальных структур конвергентной природы: *логоэпистем, лингвокультурем, прецедентных структур и концептов*.

Конвергентная сущность провербиальных знаков обуславливается сопряжением в них когнитивного и языкового начала, поскольку провербиальный код состоит из информационного компонента (системы

единиц) и процедурного компонента (системы структурно-семантических моделей, по которым строятся провербиальные единицы) [см.: Кюрегян 2008]. Модели, входящие в состав процедурного компонента провербиального кода, в языковом сознании пребывают в отношениях взаимного пересечения и включения. Образуя таким образом глобальную иерархическую сеть, они представляют собой некие эвристические алгоритмы порождения когнитивно-провербиальных дериватов: логозпистем, лингвокультурем, прецедентных знаков и фразеопорождающих концептов.

Лингвокогнитивная природа провербиальных дериватов обуславливается двумя факторами: а) социокультурной средой и б) когнитивными потребностями. С одной стороны, социокультурная среда, создаваемая человеком в процессе познания окружающего его мира и его ценностно-смысловой интерпретации, предполагает обмен этой информацией, осуществляемый благодаря языку, его мыслеформирующей и коммуникативной функциям. С другой, – познание действительности (суть когнитивных потребностей человека) – осуществляется, как известно, благодаря процессам концептуализации и категоризации [Степанов, 1997; Попова, Стернин 2007; Колесов 2004; Кубрякова 2001; Ungerer, Schmid 1997 и др.]. Образующиеся в результате этого когнитивные форматы знаний (структуры провербиального кода), основной разновидностью которых выступают фреймы и концепты, аккумулируют и форматируют информацию об окружающем мире в её культурно-исторической обусловленности. При таком понимании провербиального кода, концепт предстаёт в вербальной репрезентации как *чистый смысл, первосмысл, первообраз, константа, архетип* лингвокультуры. Содержательными формами такой словесной репрезентации концепта выступают лежащие в основе лексического значения образы, обыденные понятия и символы [ср.: Колесов 2004: 56]. Вместе с тем вербализованность и ценностно-смысловая маркированность (а) отличают концепт от логического понятия, обычного предметно-чувственного представления и языкового значения и (б) обеспечивают ему статус основной единицы лингвокультуры. Ср.:

«труд»: *Золото познаётся в огне, человек – в труде*; «семья»: *В родной семье и каша гуще*; «любовь»: *Был бы милый по душе, проживем и в шалаше*. Сочетание в концепте элементов коллективного и личностного сознания делает его, с одной стороны, богаче личного, семейного, профессионального, классового, сословного и даже национального опыта отдельного человека, а с другой – обуславливает его лингвокультурную специфику: выступать ценностно-смысловым фильтром восприятия и понимания мира. Именно ценностно-смысловую перспективу, открывающуюся человеку единицами этносознания главным образом через лексикон, и следует называть концептосферой лингвокультуры. В силу её превосходства над аспектуальным мировосприятием она по своему ценностно-смысловому содержанию оказывается объёмнее и богаче этнокультуры, представленной в фольклоре, литературе или изобразительном искусстве. Её ценностно-смысловое содержание представляет собой весь исторический опыт нации, её жизненную идеологию и религиозное сознание.

Когнитивно-культурологическая информация разными науками форматируется в разные мыслительные «упаковки»: когнитивная лингвистика чаще всего использует два конструкта – прецедентный феномен и концепт, психолингвистика ограничивается концептом, лингвокультурология эксплуатирует понятие лингвокультуры, а лингвострановедение – логоэпистемы. При этом восприятие терминов, выражающих эти понятия, нередко усложняется двумя обстоятельствами: (а) тем, что они употребляются в как синонимы и (б) тогда, когда в один и тот же термин в разных исследованиях выражает разное значение.

Столь масштабный диапазон и различные форматы представления ценностно-смыслового пространства побуждают лингвокультурологов к поиску родственных концепту структур. В результате – появились такие понятия, как «логоэпистема», «лингвокультура», «ценностные доминанты», «прецедентные структуры»: «прецедентные ситуации», «прецедентные тексты», «прецедентные высказывания», «прецедентные имена» и др.

Признать целесообразность их введения в научный обиход – значит увидеть закреплённость за ними особого понятийного содержания. В противном случае пришлось бы признать их избыточными.

1. Под **логоэпистемой** (*логос* греч. – слово + *эпистема* греч. – знание = знание, хранимое в единице языка) понимаем двусторонний знак, занимающий пограничное положение между языком и культурой и сохраняющий знание, хранимое в языковом знаке, знание, «несомое словом как таковым – его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [Верецагин, Костомаров 1999: 7]. Когнитивная сущность логоэпистемы заключается в её предназначении служить *символом* информации, *сигналом*, заставляющим вспомнить некоторое фоновое знание или текст [Alefirenko 2015: 3]. И в этом плане логоэпистему следует отнести к единицам лингвострановедческого описания. Как и в любой знаковой единице, в логоэпистеме можно выделить *означающее* – лингвоструктурный репрезентант и *означаемое* – выражаемые им отраженные в сознании элементы культуры. Означающее логоэпистемы всегда стабильно, а означаемое с помощью ассоциативных импликаций с первоначальной ситуацией может относиться к новой денотативной ситуации. Так, со школы всем известно выражение «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?». Теперь оно глубоко вошло в русское языковое сознание как символический фрейм самого страшного – общественного мнения! Марья Алексеевна – его олицетворение. Для Фамусова и его круга оно свято, мнение света непогрешимо, поэтому страшнее всего. Однако только не для Чацкого, отстаивавшего свободу мыслей, мнений, признававшего за каждым человеком право иметь свои убеждения и открыто их высказывать. Архетип данного символического фрейма появился давно. Его мастерски использовал английский писатель Томас Мортон, создавший в пьесе «Подталкивай плуг» (1798) художественный образ влиятельной особы миссис Грэнди – законодательницы по части ханжеской обывательской морали. Её мнением очень дорожит аристократическая дама м-сс Ансфильд: «А что скажет м-сс Грэнди?». Структура и символический смысл данного

фрейма как раз и передаются А.С. Грибоедовым. Так что у «княгини Марьи Алексеевны» был достаточно известный прототип. К сожалению, наш мир по-прежнему устроен по принципу «что станет говорить княгиня Марья Алексеевна». Не потому ли символический фрейм теперь широко бытует в сходных дискурсивных ситуациях и сегодня, когда требуется вырваться из оков всё ещё живучей фамусовской морали ханжества. Вот фрагмент беседы психолога с пациентом: «Стоит задать себе вопрос: для кого вы живете – для окружающих или для себя? Ответ становится очевидным. Так что не думайте о том, что «станет говорить княгиня Марья Алексеевна», ваша жизнь принадлежит только вам, а не вашим родственникам, соседям, коллегам. И только вам решать, как жить дальше. Не бойтесь принимать решения и следовать им – жить нужно, ориентируясь на свои вкусы, взгляды и потребности». Такой же шлейф фоновых знаний тянется за многими устойчивыми выражениями типа «И я там был, мед-пиво пил» (Конец сказок); «Карету мне, карету!» (Конец монолога); «*Народ безмолвствует*» (Конец трагедии); «*Как ныне собирается...*» (Начало стихотворения); «*Скажи-ка, дядя ...*» (Начало стихотворения); «*Ай, Моська, знать, сильна*» (Конец басни).

Характеризуется логоэпистема одновременно с двух сторон: лингвистической и культурологической. Её языковая ипостась обладает следующими признаками:

- может быть выраженной в слове, в словосочетании, в предложении и в сверхфразовом единстве;
- относится к конкретному языку;
- указывает на породившие её текст, ситуацию, знание, информацию, событие, факт;
- обладает воспроизводимостью;
- подвергаясь в речевом акте различным вариациям, но, оставаясь при этом опознаваемой, она способна брать на себя текстообразующую функцию.

Обычно, логоэпистемами являются фраземы, афоризмы, цитаты, прецедентные имена, за которыми нередко стоят тексты. Так, за логоэпистемой «*Люблю тебя, Петра творенье!*» стоит текст поэмы А.С.

Пушкина «Медный всадник»; за логоэпистемой «*Все смешалось в доме Облонских*» – текст романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Культурологическая ипостась логоэпистемы выражается в её способностях:

- быть знаковым воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений;
- хранить и выражать особенности национального характера;
- обладать семиотичностью и символичностью.

Им свойственны:

- герменевтичность: для её понимания требуется соотнесение с другими текстами;
- дидактическая направленность: логоэпистемы служат средством «врастания в культуру»;
- аксиологичность: способность вызывать определённые эмоции, соотносить текст с высшими человеческими ценностями.

Согласно Ю.Е. Прохорову, дискурс является экстравертивной фигурой коммуникации [Прохоров 2004: 27], которая наряду с фигурами текста и действительности является неотъемлемой составляющей процесса общения. Можно сказать, что логоэпистема выполняет функцию «скрепы» коммуникации, которая соединяет текст и дискурс. В письменном тексте логоэпистемы играют роль маркеров, которые, вплетаясь в смысловую композицию речевого произведения, стимулируют и направляют развитие дискурса читателя, влияют на осмысление концепта текста. «Логоэпистема, – в понимании Е.В. Ивановой и З.З. Чанышевой, – является средством измерения концентрации культуры за счёт соотнесённости с другими культурными предметами» [Иванова, Чанышева 2010: 105]. В этом, по их мнению, состоит специфика эвристического потенциала логоэпистемы.

Таким образом, логоэпистема – это знание, хранимое в языковом знаке, некий символ, сигнал, знак культурных артефактов; языковое выражение, символизирующее в культурной памяти народа результаты постижения носителями языка духовных ценностей этноса.

2. **Лингвокультурема**, в отличие от логоэпистемы, является исключительно принадлежностью культуры. Она сочетает в себе свойства знака, значения и представления о классе культурных денотатов. Частично лингвокультурема, конечно, связана с семантическим пространством языка, но её главным предназначением является фокусирование знаний о широко понимаемых предметах материальной и духовной культуры. Тем самым она входит не столько в языковые, сколько в глубокие «внеязыковые» парадигмы и «синтагмы», оказываясь вследствие этого элементом тех или иных классификационных систем, способом э к ф о р и и – оживления накопленного опыта *по одной детали*, герменевтическим средством одухотворения соответствующих предметов и явлений действительности [ср.: Воробьев 2008: 101]. Набор признаков, фокусируемых семантикой лингвокультурем как особых культурно-маркированных единиц является национально-специфичным.

Ярким примером лингвокультуры в русском этноязыковом сознании может служить «медведь». Россию, Русь издревле называли страной медведей. Ведь географически Россия связана с лесной зоной. Неслучайно медведя – хозяина лесов можно увидеть на гербе многих российских городов. Медведь не обойден вниманием русской художественной культуры: ни об одном звере (лиса еще может составить конкуренцию) не сложено столько песен, пословиц, загадок, сказок. Однако медведем (едящим мед) – типичным именем-заменой животного называли редко, боясь потревожить дух грозного зверя. Народом придумано множество кличек этому животному: *хозяин, дремучий, грязный, косолапый, костоправ, косматый, куцый, лешак, лесной черт, ломака, ломыга, мохнач, черная немочь*, а также *Михайло Иванович Топтыгин, Михайло Потапыч* и т. д. Символическое значение, присваиваемое этому животному в русской культуре, также многозначно: *медведь* – символ добродушия, обжорства, бескультурья, ярости, богатырской силы, жестокой примитивной силы, неуклюжести, лени, нелюдимости, нежных материнских чувств.

В Библии описываются лохматые медвежата, облизываемые матерью, ставшие символом язычников, нуждающихся в духовной опеке

Церкви. И на гербах городов медведь с ошейником – это символ усмирённого христианством язычества.

В русском языке возникло не одно новое название на основе зоонима *медведь*. Медведем называли: а) особый барабан для укатывания мостовых, в мельницах, в мюль-машинах и т.д.; б) (просторечн.) смесь разных вин или смесь вина с небольшим количеством чая, кофе; в) двуручный плотницкий струг; б) телегу для перевозки судов волоком; в) бочарный верстак; г) подъемник наподобие домкрата и т.д. На основе зоонима *медведь* возникли такие фразеомидные названия явлений природы и растений как: *медвежье солнышко* (луна), *медвежий корень*, *медвежья ягода*, *медвежья лапа*, *медведка*. Лингвокультурема «медведь» послужила основой возникновения (а) прозвищ, а затем и многих русских фамилий: *Медведев*, *Медведицын*, *Медведков*, *Медведников*, *Медвежатников* и т.д.; (б) русских фразем типа *медведем глядеть* (*смотреть*) – ‘угрюмо, злобно смотреть, быть, казаться нелюдимым, угрюмым’: *Глядит медведем, так и хочет съесть* (А. Островский. Воевода); *медведь на ухо наступил* – ‘об отсутствии музыкального слуха’; *два медведя в одной берлоге не уживутся (не живут)* – ‘не может быть двух хозяев в одном доме, двух главных в одном деле’.

Основным принципом выявления смыслового содержания лингвокультуры должна выступать не его всеохватность, а ценностно-смысловой принцип: выделение социокультурных констант этноязыкового сознания. Этим лингвокультурема, собственно, и отличается от концепта вообще и художественного концепта в частности. Если художественный концепт характеризуется ярко выраженной предметной отнесенностью к породившему ее культурному контексту, то лингвокультурема, совмещающая в себе языковую и внеязыковую (культурную) информацию, отличается отсутствием в своем содержании авторских образных коннотаций и ассоциативных связей [Быкова 2009: 201].

В своей совокупности лингвокультуры образуют лингвокультурологическое поле. Как и любое поле, оно делится на ядро, центр и периферию, что не может не вызвать вопрос: не дублирует ли этот

термин семантическое поле? В принципе это разные феномены: первый – принцип организации ценностно-смыслового пространства, а второй – единица лингвокультуры. От семантического поля лингвокультурема отличается двухслойностью содержания, обусловленной синтезом языкового и культурного содержания.

Итак, лингвокультурема – это абстрактная структура этносознания, репрезентантом которой служит фразеологизм или слово двухслойной смысловой структуры, включающей в себя не только языковое значение, но и связанные между собой культуроносные семы, выражающие определенные культурные коннотации. Вслед за В.Н. Телия, под культурной коннотацией мы понимаем интерпретируемое содержание результатов соотнесения смысловых составляющих (сем) значения языковой единицы с тем или иным культурным кодом [ср.: Телия 1996: 214]. Иными словами, культурная коннотация выступает связующим звеном между значением языкового знака и знака культуры. Культурная коннотация, а точнее культурно-национальная коннотация основывается на ассоциациях, образах, сформированных под действием национальных стереотипов, установок, эталонов и воплощенных в лингвокультуремах. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о соотношении лингвокультуремы и концепта. Поскольку лингвокультурема представляет собой симбиоз лексем и культурно маркированного денотата, мы склонны полагать, что концепт в своём смысловом содержании содержит несколько лингвокультурем. Примером тому может служить концепт «хлеб» – один из центральных феноменов русской материальной и духовной культуры, входящий в ядро концептосферы русского языка. Количество и качественный состав этого концепта зависит от традиции словесно-семасиологической интерпретации концепта «хлеб»: (1) античной; (2) библейской; (3) предметно-денотативной; (4) сигнификативной (абстрактно-обобщенной) и (5) биструктурной: *хлеб-соль, хлеб да вода, хлеб да квас, хлеб да живот*.

В античной и библейской традициях феномен хлеба, пожалуй, самого необходимого продовольственного продукта, в обыденном

сознании существовал как общее (абстрактное) представление пищи. В древнегреческой традиции концепт «хлеб» включал в себя 6 основных лингвокультурем: (1) хлеб на корню, хлебные злаки; (2) хлеб, хлебные изделия, печеный хлеб; (3) пища, еда; (4) продовольствие; 5) корм; (6) пособие неимущим. В римской лингвокультурной традиции концепт «хлеб» содержит всего две лингвокультуремы: (1) хлеб, простой хлеб; (2) масса в форме хлебного каравай, кусок. Концепт «хлеб» в библейской лингвокультурной традиции представлен широким набором лингвокультурем: (1) хлеб как жизнеобеспечивающее средство существования; (2) как продукт, спасающий от голода, способствующий преодолению критических жизненных ситуаций; (3) как манна небесная; (4) как приношение в ветхозаветных ритуалах.

Словарные статьи лексемы *хлеб* позволяют выявлять предметно-денотативную и сигнификативную представленность данного концепта. В словарных представлениях русского слова *хлеб* В.П. Синячкин [2003: 120], например, выделяет несколько реально-предметных лингвокультурем: (1) культурные зерновые растения, злаки (хлеб на корню); (2) скошенный, но не обмолоченный хлеб (хлеб в снопах); (3) зерно (обмолоченный хлеб); (4) хлебопродукты (пшеничная мука, крупа); (5) пищевой продукт, выпекаемый из муки. Существуют также и абстрактно-обобщенные лингвокультуремы: (1) пища, пропитание и (2) средства к существованию.

Анализируя русские и болгарские фраземы с компонентом *хлеб*, С. Георгиева доказывает, что хлеб у русских и болгар – больше, чем пропитание, он – с и м в о л пропитания [Георгиева 2007: 64]. Ср.: *давам / дам хляб (а) някому* (букв. даю хлеб кому-л.) – ‘обеспечить чье-л. пропитание’; *за единия хляб / за хляба* (работать) (букв. работать, чтобы получить только хлеб – ‘работать почти без платы, получать очень маленькую зарплату’. Однако, поскольку человек нуждается в разнообразном питании, концепт «хлеб» может оппозитивно включать и культурему «голод»: рус. *посадить на хлеб и воду* кого – ‘наказать голодом’, болг. *ям хляб и сол* – ‘жить очень бедно’. Ср. также: концепт «хлеб», включающий культурему «средство к существованию»: рус. *хлеб*

наш насущный, не хлебом единым; болг. *досяждам си / доям си хляба* (букв. хлеб кончается) – ‘перестать существовать’; *има хляб в / у нещо или някой* (букв. хлеб остался у кого-, чего-либо – ‘кто-л. здоров, может работать, либо что-л. годится ещё в употреблении’; рус. антоним: *няма хляб* (букв. нет больше хлеба) – ‘кто-, что-л. не годится к работе’. Концепт «хлеб» – культурема «независимость»: *на своих хлебах жить*; болг. *вадя си хляба* – ‘существовать на свою зарплату’; *иметь кусок хлеба* – болг. *изкарвам си хляба с ръцете* – ‘добывать своим трудом средства для существования’. Концепт «хлеб» – культурема «дружеские отношения»: *водить хлеб-соль с кем, делить хлеб-соль с кем, подносить хлеб-соль, встречать с хлебом-солью*; болг. *с хляб и сол* (приемам, посрещам) – ‘гостеприимно приветствовать, выражать дружеское расположение к кому-л’.

3. **Прецедентные структуры** – стихийно или сознательно отобранные текстовые фрагменты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре и которые допускают в этой связи особые формы их использования. Они являются важнейшим когнитивно-культурным компонентом этноязыкового сознания, служащим созданию ярких, содержательных и выразительных фрагментов картины мира [Алефиренко 2009: 5]. К прецедентным структурам относятся «прецедентные ситуации» и «прецедентные знаки» («прецедентные высказывания» и «прецедентные имена»).

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. Ярким примером может служить ситуация изгнания из рая Адама и Евы, предательства Иудой Христа (поцелуй Иуды, 30 сребренников – эталон предательства вообще: подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство). К прецедентным ситуациям можно отнести также известные сцены из мультфильма: 1) фея превращает лежащую у ног Шрека луковицу в роскошную карету, а мышей – в прекрасных коней, после чего Шрек и его невеста Фиона отправляются в свадебное путешествие (сюжет заимствован из сказки «Золушка») и др.

Означающим прецедентной ситуации могут быть *прецедентное высказывание* (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*) или *прецедентное имя* (*Илья Муромец*) или *прецедентный феномен* (*Куликовская битва, семь гномов, Белоснежка, отравленное яблоко, хрустальный гроб*).

4. **Прецедентные знаки** подразделяем на *прецедентные высказывания* и *прецедентные имена*. Первые являются законченным продуктом речемыслительной деятельности, сложными знаками, сумма значений которых не равна его смыслу. Ими могут быть: (а) цитаты – фрагмент текста литературного произведения: *А воз и ныне там. Все флаги в гости. Вся наша жизнь – бюджет*; (б) название произведения: *Не думай о «Газелях» свысока», «Важней всего погода в доме», «Собака бывает кусачей»*; (в) полное воспроизведение текста (художественного произведения, песни, кинофильма) представленное одним или несколькими высказываниями. Прецедентными высказываниями являются также народные афоризмы: 1) пословицы и поговорки (устные краткие изречения, восходящие к фольклору), крылатые слова образные выражения из литературных источников, изречения исторических лиц (*И ты, Брут*); 2) призывы, девизы, лозунги: *Учиться, учиться, еще раз учиться! Свобода, равенство, братство*. Как несложно заметить, прецедентные высказывания представляют из себя репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченные и самодостаточные структуры предикативного или непредикативного характера.

Прецедентным именем выступает оним, связанный или (1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Тарас Бульба, Обломов, Плюшкин, Анна Каренина*), или (2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Данко, Прометей*). В состав прецедентных имен входят также *имена-символы*, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Павлик Морозов, Баба Яга, дядя Стёпа, мальчик-с-пальчик*).

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, *Печорин, Теркин*) или с

прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин, Стаханов*). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно референту, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. Так, *Остан Бендер* (употр. шутливо-иронично или осуждающе) – главный герой романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» обладает целой обоймой таких признаков:

Обманщик – тот, кто обманул или обманывает; мошенник – нечестный человек, плут; плут – ловкий и хитрый обманщик, нечестный в отношениях с людьми человек; мошенник; плутоватый человек – склонный к плутовству, обману, хитрости; пройдоха – пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек.

При этом ПИ обозначает один концепт (см. далее). В нашем примере – «прохиндей». В этом понятии интегрируются все выделенные выше признаки данного ПИ, ядром которых являются: ‘мошенник’, ‘жулик’, ‘ловкач’.

Высоким информативным статусом обладают имена собственные, в которых отражена система национально-культурных или интернациональных, общечеловеческих ценностей. Информация, стоящая за этими именами, передается из поколения в поколение.

Между разными типами прецедентных образований нет закрытых границ. Например, прецедентные высказывания, отрываясь от своего прецедентного текста, могут становиться автономными и сами переходить в разряд прецедентных текстов, т.е. прецедентный текст может «этимологически» восходить к прецедентному высказыванию (*Как хороши, как свежи были розы; Счастливые часов не наблюдают*).

Все названные феномены тесно взаимосвязаны. При актуализации одной из прецедентных структур может происходить актуализация сразу нескольких остальных. Как культурно маркированные образования, связанные общностью происхождения, они могут служить символами друг друга. Этот превращает такие слова и выражения в особую коммуникационную модель, интегрирующую индивидуальные сознания в единое смысловое пространство культуры. Его функция связана с

«интеграцией коллективного сознания в рамках единого смыслового пространства» и с «пределной индивидуализацией смысловых „миров“» [Даренский 2004: 85-93].

Всё это осложняет постижение смыслового пространства изучаемого чужого языка. Камнем преткновения служит тот скрытый смысл, который несут в себе такого рода культурно маркированные слова и выражения. Он всегда понятен «среднему» носителю языка, обуславливает особенности его социального поведения, но в межкультурной коммуникации языковыми единицами, отражающими особенности национальной культуры и специфику поведения, оказываются трудно преодолимыми. Дело в том, что культура, а значит и язык культуры, имеет только персонифицированное состояние [Суханцева 2006], когда каждый ныне здравствующий член этнокультурного сообщества берет на себя гигантский груз памяти. Именно память культуры делает каждого из нас неотъемлемой частицей родного ценностно-смыслового пространства. Культура и трагедия, культура и память, культура и выбор пути образуют концептосферу лингвокультуры.

5. Что представляет собой **концептосфера лингвокультуры** – систему концептов или семантическое пространство языка?

Выделим базовые компоненты словарного состава языка. Они в нашем представлении располагаются на трёх уровнях: 1) лексико-фразеологическом (совокупности всех имеющихся в языке лексем и фразем); 2) семантическом (его конституируют лексические значения); 3) лингвокогнитивном – сети вербализованных концептов. Данное триединство, отражая культурно-исторические, религиозные и житейские жизнесмыслы, образует концептосферу лингвокультуры. При таком понимании репрезентантов лингвокультуры вытекает, что концептосфера лингвокультуры объективируется сопряженными усилиями когнитивных структур и языковой семантики. Когнитивные структуры образуют ценностно-смысловое содержание концептосферы лингвокультуры, а семантика языковых единиц служит средством её знаковой

репрезентации. Поэтому концептосферу лингвокультуры можно назвать ценностно-смысловым пространством этноса в его языковом выражении.

Поскольку языковой знак, будучи средством репрезентации концепта, является одновременно и знаком мысли говорящего и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерения сообщения, постижение семантического пространства [см.: Попова, Стернин 2007: 11] языка осуществляется главным образом через исследование его основной единицы – значения. В когнитивной лингвокультурологии оно, в конечном итоге, подчиняется выявлению и структурированию концептосферы. В свою очередь решение этой задачи предполагает анализ основной единицы концептосферы – концепта, по ряду параметров отличающегося от понятия. Понятие и концепт – явления, разумеется, однопорядковые, сравнимые, но не равнозначные. Концепты, конечно же, – лишь наиболее сложные и непременно обыденные (житейские) понятия, являющиеся важными элементами соответствующей концептосферы языка и этнокультуры. Однако это лишь весьма обобщенное суждение, которое предполагает поиск культурологической специфики концепта. В противном случае возникает вопрос, нужен ли концепт лингвокультурологии? Ответ на него может дать сопоставление концепта и понятия. Вот некоторые его результаты.

Для академика Д.С. Лихачева взаимопроникновение этих феноменов настолько естественно, что он счел возможным их отождествить: «Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачев 1983: 284]. Такое понимание взаимодействия концептосфер языка и культуры обуславливает определение концепта у Ю.С. Степанова: «Не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, – нет, это «пронизывание» более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований – концептов. Концепты – как бы сгустки культурной среды в сознании человека», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40] и в языковую семантику в виде ее культурного компонента.

Нередко концептам приписывается в качестве их категориального признака абстрактность. Это справедливо только в том отношении, что концепт – это *и д е я*. Однако это идея, включающая в себя не столько абстрактные, сколько и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. «Концепты не только мыслятся, они *п е р е ж и в а ю т с я*» [Степанов 1997: 41]. Понятие же не переживается, это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки.

По Д.С. Лихачеву, концепт следует понимать как средство замещения значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте [Лихачев 1983: 281], это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения. На наш взгляд, если принять положение о том, что концепт замещает значение слова в индивидуальном сознании и в определенном речевом контексте, может произойти отождествление концепта и смысла слова.

В некоторых определениях концепт считается объективно существующей в сознании единицей. Ср.: «Концепт – это объективно существующее в сознании человека чувственно воспринимаемое и переживаемое познание (знание) динамического характера в отличие от понятий и значений – продуктов научного описания (конструктов)» [см.: Залевская 2000: 39]. Соглашаясь с общим подходом, все же нужно сделать два уточнения. Во-первых, нежелательно рассматривать значение наряду с понятием, продуктом научного описания; во-вторых, концепт не объективно, а субъективно существующая в сознании человека единица, тем более, что, как справедливо утверждается, это перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера.

Неприемлемо для лингвокультурологии и отождествление концептов с понятиями. Ср.: «Концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия» [Соломоник 1995: 246]. В нашем понимании, все наоборот: концепт – житейское (обыденное) понятие в своей субъективной конкретности, которое в определенных условиях может преобразоваться в абстрактное

научное понятие. Понятия – то, о чем люди договариваются, конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью уверенности [Демьянков 2001: 45].

Согласно теории В.В. Колесова, концепт – не понятие, а сущность понятия. Первая часть данного суждения бесспорна. Однако вместо утверждения «концепт – сущность понятия» мы говорим, что он представляет собой допонятийный, предметно-образный этап формирования понятия. При определенных условиях концепт может стать основой формирования понятия и даже преобразоваться в символ. Тогда становится понятной и та часть определения, где концепт истолковывается как «сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе» [Колесов 2004: 19]. И все же, учитывая принятую ранее точку зрения о структуре концепта, было бы более корректно говорить об образе, понятии и символе не как о формах явленной сущности концепта, а как слоях, ярусах его смыслового содержания. Споры нет: «понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его содержательных форм» [Колесов 2004: 19-20]. Если придерживаться такой логики, становится понятным следующее суждение В.В. Колесова: «Концепт – и ментальный генотип, атом генной памяти, ... и архетип, и первообраз...» [Там же]. В этом отношении можно провести параллель с мудрым высказыванием П. Абеляра: концепт – производное возвышенного духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы, тогда как понятие рассудочно и связано с рациональным знанием (цит. по: [Неретина 1994: 31]).

В нашей концепции, концепт – продукт метафорического мышления и уже поэтому не может быть отождествлён с понятием. На первый взгляд, с таким утверждением не согласится основатель русской школы концептологии Ю.С. Степанов. В недавно вышедшей книге «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» учёный пишет: «Концепт можно определить как понятие, но понятие, расширенное...» [Степанов

2007]. Однако не последнее по смыслу здесь занимает определение «расширенное». «Понятие без такого расширения, – пишет автор, – это предмет науки логики, описание наиболее общих и существенных признаков предмета» [Степанов 2007]. Иными словами, концепты – это смысловые кванты человеческого бытия. В зависимости от конкретных условий такого рода смысловые кванты способны превращаться в различные специализированные, жизнесмысловые «гештальты».

По своей сути концепты характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры. Понятие же – лишь один из модусов концепта (его сторона, ипостась, аспект). К концепту можно подняться дискурсивно (через рассуждение) и недискурсивно (через образ, символ, участие в осмысленной деятельности, эмоциональное переживание).

Все сказанное объясняет, почему понятие открыто для определения, а концепт определяется с трудом. Дело в том, что в связи с послойной организацией концепты по природе своей не могут быть простыми. Их составляющими являются разного происхождения слои. Не может быть концепта, состоящего из одного лишь слоя, как не может он иметь сразу все составляющие. В таком случае он бы превратился в хаос. Это относится и к концептам-универсалиям, которые также должны выделяться из хаоса, чтобы очертить и конкретизировать порождающие его фрагменты действительности (созерцание, рефлексия, коммуникация или – шире – дискурсию). В силу такого строения, концепт лишен симметрии; у него, по мнению Делеза и Гваттари, неправильные очертания, определяемые шифром его составляющих. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что концепты – не жестко структурированные образования. В основе возникновения и существования концепта лежит некая идея. Причем каждый концепт не столько выражает какую-то идею, сколько отсылает к ней. Без такой генетической связи с идеей концепт, с одной стороны, не имеет смысла, а с другой – осложнен множественностью субъектов, их неоднозначными взаимоотношениями, их взаимопредставлениями. Неоднозначность концепта образуется его «извилистой» эволюцией, что обуславливается

порой неожиданными пересечениями с разноплановыми идеями, порождающими другие концепты. Это особенно остро ощущается, например, при необходимости определить фразеомобразующий концепт. Идиома *колокола лить* представляет концепт «вымысел» или «слухи», чучело гороховое – концепт «посмешище» или «безвкусица».

Концептосфера представляет собой некий континуум – сплошную в виде непрерывного множества когнитивную среду, свойства которой изменяются в непрерывном пространстве сознания. Поэтому каждый концепт, как правило, включает в себя микрофрагменты из других концептов, представляющие другие идеи и предполагающие другие планы. Такова сущность концепта, который по природе своей предназначен осуществлять новое членение ценностно-смыслового пространства и в связи с этим принимать новые очертания. Каждый концепт как бы должен быть заново активирован или заново выкроен.

Вместе с тем, чтобы из совокупности концептов возникла концептосфера (открытая, самоорганизующаяся система), каждый концепт подвергается системообразующему давлению и устанавливает необходимые для самоорганизующейся системы связи и отношения с другими концептами. В итоге в составе концептосферы концепты оказываются в достаточно гармоничном сочетании.

Концепт – это гетерогенезис, т.е. упорядочение составляющих по их смежности. Он представляет собой интенционал, присутствующий во всех его составляющих (интенционал – в данном случае содержание обыденного понятия в отличие от его объема). Непрерывно активизируя свои составляющие, концепт находится по отношению к ним в состоянии парящего полета. «Парение» – это состояние концепта, характерная для него бесконечность. В этом смысле концепт есть не что иное, как мыслительный акт, причем мысль действует здесь с бесконечной скоростью.

Концепт непосредственно соприсутствует во всех своих составляющих или вариациях. Он не телесен. Если использовать термины знаковой структуры, то его можно сравнить с означаемым, лишенным означающего. Поэтому, как и все идеальное, концепт нуждается в своей

материальной репрезентации с помощью слов, фразем, словосочетаний и даже микротекстов. Так, концепт утро можно выразить словом, словосочетанием и даже стихотворением. Ср.: *утро, рождение дня* и стихотворение «*Утро*».

Вместе с тем следует помнить, что концепт принципиально не совпадает с тем состоянием предметов, в котором осуществляется. Лишенный пространственно-временных координат, он имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет энергии – есть только интенсивность (энергия – это не интенсивность, а способ ее развертывания и уничтожения в экстенсивном состоянии предметов). Вот почему концепт – это не сущность и не предмет, а некое «чистое» событие. При этом предмет (вещь), став знаком события, может превратиться в концепт, т.е. лишиться пространственно-временных координат, энергии и представлять некую идею. Даже образ конкретной вещи может стать концептом, если он будет мыслиться как событие. Вспомним голубую чашку в одноименном рассказе А. Гайдара. Соответственно, концепт одновременно абсолютен и относителен.

Он относителен:

- к своим собственным составляющим, к другим концептам;
- к плану, в котором он выделяется;
- к проблемам, которые призван разрешать.

Вместе с тем концепт абсолютен:

- благодаря осуществляемой им конденсации (сгущению смысловых элементов);
- по месту, занимаемому им в концептосфере;
- по условиям, которые он предписывает соотносимой с ним идее.

Итак, концепт амбивалентен (двойственен, противоречив): абсолютен как целое, но относителен в своей фрагментарности. Он бесконечен в своем парящем полете, но конечен в том движении, которым описывает очертания своих составляющих. Он реален без актуальности, идеален без абстрактности. Концепт *автореферентен* (греч. *autos* – сам, *referens* (*referentis*) – предмет знакообозначения), так как, будучи творим, он одновременно представляет и себя, и свой объект.

Наконец, концепт недискурсивен (лат. *discursus* – в данном случае 'беседа, разговор'), так как не выстраивает пропозиции. Только отождествляя концепт и пропозицию, можно верить в существование научных концептов. Пропозиции наряду с категориями, понятиями – единицы научного мышления, концепт же – не пропозиционален. Соответственно пропозиция – не концепт, поскольку она никогда не бывает интенционалом, представляющим собой сущность концепта. Кроме того, пропозиции определяются референцией, которая не связана с событием – базовым субстратом концепта. Наконец, независимость переменных в пропозициях противостоит вариативной целостности концепта.

Выделенные свойства и признаки концептов обусловлены тем, что возникают они в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический. Всё это делает фраземопорождающий потенциал когнитивно-провербиального семиозиса практически неисчерпаемым.

Библиография

Алефиренко Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова // Научные ведомости Белгородского университета. Серия «Гуманитарные науки». № 14 (69) 2009. – Вып. 4. – С. 5-7.

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

Алефиренко Н.Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 1. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. 2010. – S. 405-424.

Быкова О.И. Этноконнотация как способ отражения национального сознания в семантическом пространстве языка // Теоретические проблемы современного языкознания. – Воронеж: «Истоки», 2009. – С. 201-210.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.

Георгиева С. Фразеологическая активность концепта «хлеб» в русском и болгарском языках // Культурные концепты в языке и тексте / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко: Сборник науч. трудов. Вып. 2. – Белгород, 2007. – С. 64-71.

Даренський В.Ю. Евристичність концепції «протоформ» мислення у дослідженні діалогічних процесів // Філософські дослідження: Зб. наук. праць Східноукраїнського національного університету імені В. Даля. – Луганськ, 2004. Вип. 5. – С. 85-93.

Демьянков В.З., Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. – С. 35-47.

Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 39-54.

Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. – Уфа: РИЦ Башкирского университета, 2010. – 366 с.

Илюхина И.А. Когнитивные основы формирования культурной коннотации отрицательной фразеологической семантики (на материале рус. языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2010. – 23 с.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.

Кюрегян А.Л. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского провербиального кода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 21с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия лит и яз. 1983. Т. 52. №1. – С. 3-9.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.

Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – 216 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – 314 с.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Наука: Флинта, 2004. – 224 с.

Синячкин В.П. Лингвокультуремы концепта ХЛЕБ в русском языке и культуре // Русское слово в мировой культуре: сб. докл. X Конгресса МАПРЯЛ: пленарные заседания. В 2-х т. – СПб, 2003. – Т. 2. С. 120-128.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

Суханцева В. Метафизика культуры. – Киев: Факт, 2006. – 368 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Телия В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболарий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: Сборник науч. трудов памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 435-445.

Федуленкова Т.Н. Генетический прототип – основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1997. – Вып. 4. – С. 81-88.

Федуленкова Т.Н. Фразеология языка – зеркало истории и культуры его носителя // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Ч. II: Язык в социально-культурном пространстве: Материалы Всероссийской науч. конф. – Томск: Томский гос. пед. ун-т, 1996. – С. 95-100.

Швачко С.О., Кобякова И.К. Экстериоризация когнитивного опыта (на материале номинаций природных явлений) // Культура народов

Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», № 82, т. 2, 2006. – С. 238-240.

Язык культуры: семантика и грамматика / Отв. ред. С.М. Толстая. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996). – М.: «Индрик», 2004. – 496 с.

Alefirenko N.F. Linguistic world picture: Logoevisteme – Domain – Linguocultureme // Theory and Practice in Language Studies, 2015, V.1, №1, pp. 1-17.

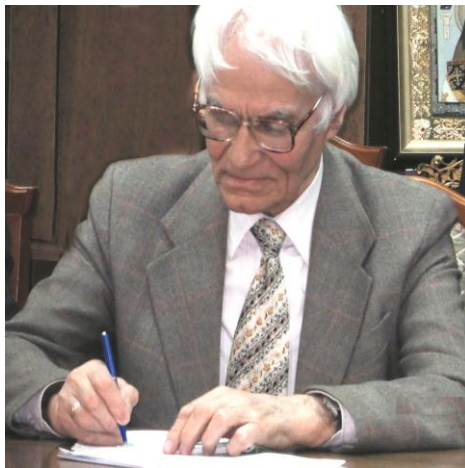
Bausinger H. Formen der Volkspoesie. – Berlin, 1968. – 130 S.

Ungerer F., Schmid H. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – L. and N.Y.: Longman, 1997. – 599 S.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ РОЛИ ОБРАЗА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Валентин Ильич ЗИМИН

Абсолютное большинство фразеологизмов в период своего становления представляет собой образ, организующий значение фразеологизма. Иными словами образ фразеологизма – это образная внутренняя форма, в ономаσιологическом аспекте его можно рассматривать как самый основополагающий компонент семантики фразеологизма. Можно думать, что без образа, т.е. без внутренней формы, нет значения фразеологизма, как нет и самого фразеологизма. «Поэтому фразеологические единицы не могут успешно выполнять свою коммуникативную функцию при утрате внутренней формы, так как между внутренней формой, значением и функционированием фразеологизма наблюдается тесная связь, когда одно явление не может существовать без другого» [Обдуллаев 1996: 129].

На основании изучения многочисленных работ по фразеологии различных языков полагаем, что основные роли образа в семантике и

функционировании фразеологизмов следующие: 1) образ мотивирует реальное значение фразеологизма, 2) образ «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма, 3) образ является носителем культурной коннотации фразеологизма. Этим ролям образа фразеологизма уделим основное внимание.

1. Образ мотивирует реальное значение фразеологизма.

Рассмотрение этого вопроса претерпело значительные изменения в процессе развития фразеологии. Ранее (во времена господства во фразеологии фразеологической доктрины. В.В. Виноградова) понимание образа или внутренней формы фразеологизма связывалось с возможностью / невозможностью вывести значение фразеологизма из значений составляющих его слов-компонентов. См., например, что писал Л.И. Ройзензон: «Внутренней формой фразеологизма мы называем ту связь, которая существует между фразеологическим значением оборота и реальными (современными или историческими, древними значениями компонентов (всех или хотя бы одного), из которых оборот состоит. Следовательно, внутренняя форма фразеологизма есть наличие мотивированности в устойчивом обороте. Например, *сесть в лужу, взять в свои руки, взять за горло* и т.п.» [Ройзензон 1965: 66]. Сразу же скажем, что понимание образа фразеологизма в зависимости от переосмысления значения компонентов является довольно ограниченным и по существу неверным. «Постулат о том, что в основе идиоомообразования лежит процесс переосмысления слов в данной конструкции, является крайне обедненным» [Рысева 1990: 20]. Понимание того, что фразеологизм образуется посредством переосмысления компонентов исходного сочетания, неверно по существу. Невозможно раскрыть механизм этого (покомпонентного) переосмысления. Если думать, что компоненты фразеологизма переосмысливаются, то надо бы показать механизм этого переосмысления. А это обычно не делается. Например, как переосмысливался компонент *стена* во фразеологизме *лезть на стену* и какие признаки стены перешли к значению всего фразеологизма «приходить в крайнее раздражение, исступление». Никакие. Но *стена* не исчезла. Она вошла в состав образа, который лежит в основе мотивации

реального (современного) значения фразеологизма. Мотивация же всего фразеологизма объясняется не покомпонентно, а тем образом, который лежит в основе значения фразеологизма: фразеологизм *лезть на стену* зародился, очевидно, в рядах русских ратников. Ранее города и крепости окружались высокими обычно каменными стенами. Чтобы их штурмовать, приходилось делать широкие и длинные (чем длиннее, тем лучше) деревянные настилы с крючками, набрасывать их на стены и по ним бежать с копьями, мечами т.п., со стен крепости атакующих встречали копьями, мечами, стрелами, лили горячую воду или смолу, бросали камни и т.п. В общем, чтобы атаковать такие стены, долго думали, готовились, могли долго стоять у этих стен. Тогда некоторые ратники не выдерживали длительного ожидания и бросались на стену с одним мечом, проявляя чудеса храбрости, но и безумства. Именно о таком «настроении» этих ратников и говорится во фразеологизме. Здесь существенным будет добавление, что весь образ фразеологизма не является наглядно зримым, в его состав входят и «невидимые» признаки, такие, как поведение, настроение человека и т.п. В описании образа фразеологизма очень важным является обязательное описание таких признаков. Еще пример: *шля под хвост попала кому-либо* – о неуравновешенном, взбалмошном поведении кого-л. «Значение выражения мотивируется тем, что у лошади под хвостом (у самого начала хвоста) есть место, не покрытое шерстью. Лошадь очень боится щекотки в этом месте. Если туда попадает шля (ремень сбруи), режет вожжа, тогда всё выражение звучит *вожжа под хвост попала*, лошадь начинает беситься, может понести, разбить повозку и т.п. С таким поведением лошади и сравнивается поведение человека» [Зимин 212: 48]. Указание на невидимое место у лошади под хвостом является основным мотивационным признаком значения фразеологизма.

Образ, мотивирующий значение фразеологизма, далеко не всегда является самоочевидным, наглядно представимым, как, например, *повернуться спиной к кому-либо*, *грести деньги лопатой* и т.п. Часто образ фразеологизма приходится раскрывать этимологическим путём. Приведём некоторые примеры. Вот фразеологизм *мастер на все руки* –

человек, искусный в любом деле. Он не вполне понятен современным людям, они задаются вопросом – на какие такие руки? Но всё объясняется просто: происхождение фразеологизма связано с поточным производством, в котором работы разбивались на операции, исполнители операций соответственно назывались: первая рука, вторая рука и т.д. Первую операцию выполнял мастер высокой квалификации. Отсюда и пошло выражение *мастер первой руки*. Заключительную операцию выполняла *последняя рука*. Но выражения *мастер последней руки* нет. Есть сочетание *последняя рука*, закрепившееся в пословице *Последняя рука хуже дурака*. Почему так говорят? Потому что на последнюю руку сваливали недоделки всех предыдущих рук. Эту операцию раньше не каждому доверяли, да и сейчас тоже. Например, в бухгалтерии при составлении годового отчёта роль последней руки обычно выполняет старший или главный бухгалтер. Мастер высокой квалификации, способный выполнять любую операцию в поточном производстве, это и есть *мастер на все руки*. Так и ныне называют мастера-универсала, способного квалифицированно выполнять многие операции. *Мозги набекрень* у кого-либо – кто-либо с причудами, со странностями. *Собств. русск.* Долгое время головной убор, надетый набекрень, т.е. набок, вызывал насмешки: это было отклонением от правил ношения головных уборов. Поэтому человек, носивший шапку набекрень, казался не вполне здравомыслящим. *Троянский конь* – обманчивый дар, коварная услуга. *Калька*. Из описания в «Илиаде» (около IX – VIII вв. до н. э.; перевод Н.И. Гнедича, 1829 г.) эпизода войны. Греки, сделав вид, что они отказываются от осады Трои, отошли от неё, оставив у ворот огромного деревянного коня. Троянцы втащили его в город. Из коня ночью вышли греческие воины и открыли ворота города для греческого войска. *Фиговый листок* – лицемерное прикрытие постыдного, лицемерная маскировка неблагоприятных намерений. *Калька*. Адам и Ева после грехопадения устыдились своей наготы и опоясались листьями фигового дерева. В античной скульптуре фиговый листок использовался на изваяниях нагих фигур. *По первое число* (всыпать) – сильно, строго (наказать кого-либо). *Собств. русск.* В старых школах учеников пороли,

независимо от того, виноват или не виноват ученик, каждую неделю. Если пороли сильно, то этой порки хватало на последующие недели, вплоть до первого числа следующего месяца.

При этимологическом раскрытии мотивации значения фразеологизмов неизменно возникают некоторые проблемы и трудности. Вот что пишут А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский: «В отличие от актуального значения, которое должно быть единым или очень близким у разных носителей языка, понимание внутренней формы менее унифицировано. Это и составляет одну из проблем в описании семантики идиом. Выявление инварианта внутренней формы и фиксация этого инварианта в модели значения идиомы – одна из важнейших задач семантического описания фразеологии» [Баранов, Добровольский 2009: 22]. Мы поставим эту проблему в несколько иную плоскость и назовём её верификацией гипотез происхождения фразеологизмов [см. нашу статью: Зимин 2011: 17]. Основные требования к верификации гипотез происхождения фразеологизмов таковы: в образе фразеологизма должны содержаться и должны быть четко указаны признаки, мотивирующие выводное значение фразеологизма. Между образом и выводным (актуальным, современным) значением должно устанавливаться смысловое отношение, понятное в настоящее время современным носителям языка. При этом должны быть учтены и приняты во внимание не только внутриязыковые, но и многие внеязыковые явления, в частности, исторические, этнические, социальные, культурные и другие условия происхождения фразеологизмов, существующие в художественной литературе примеры употребления анализируемых фразеологизмов, которые бы показывали правомерность изложенного толкования и этимологического пояснения. В случае изложения нескольких этимологических версий происхождения фразеологизма, предпочтение необходимо отдать той, которая наилучшим образом согласуется с реальным механизмом порождения фразеологизма [см.: Жуикова 2007]. Чтобы это положение не было чисто декларативным, приведем хотя бы несколько примеров верификации гипотез происхождения фразеологизмов. *Биться как рыба об лед*. Значение этого

фразеологизма толкуется следующим образом: «О безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 616; Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 17]. Приводится две этимологические версии происхождения этого фразеологизма: 1) основой фразеологизма является сравнение с пойманными рыбами, брошенными на лёд (изложено Н.М. Шанским, В.И. Зиминим, А.В. Филипповым), 2) выражение возникло на основе уподобления рыбам, которые при длительном покрытии реки льдом страдают от нехватки кислорода и беспокойно бьются об лёд, чтобы проломить его (эта версия происхождения идиомы впервые была изложена А.С. Спириным). На наш взгляд, надо отдать предпочтение второй версии. В первом толковании (об уподоблении рыбе, выброшенной на лёд) не содержится указания на длительность усилий, стараний: рыба, выброшенная на лёд, бьётся лишь некоторое время, а потом её мучения кончаются, она «засыпает». Во фразеологизме же говорится о длительных стараниях человека добиться чего-либо с большим трудом, и тут подходит больше образ поведения рыбы, приведенный во втором этимологическом толковании. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* – «выражение разочарования из-за неудачи в каких-либо непредвиденных обстоятельствах». Есть две версии происхождения этого выражения: 1. В осенний Юрьев день (26 ноября по старому стилю) крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому (за неделю до Юрьева дня и неделю после него). В 1581 году царь Иван IV, временно запретив переход крестьян в Юрьев день, способствовал тем самым прикреплению крестьян к земле помещика. Окончательное закрепление крестьян за определенным помещиком произошло при Борисе Годунове, в 1607 г. Тем самым крестьяне лишились даже минимальной свободы и превратились в крепостных. В этот период и возникла поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*. 2. В осенний Юрьев день хозяева при расчёте обманывали своих работников; последние надеялись получить что-либо за свои труды, а не получали. С этим днём связано и возникновение слова *объегорить* с известным значением «обмануть»: Юрий, Егорий, Георгий – это варианты одного имени. Возможно, эти две

версии происхождения данной поговорки наслаивались друг на друга. Мы больше верим второму варианту этимологии данного выражения: обман помещиками и другими богатеями своих работников при расчёте, надо думать, было распространено гораздо больше, чем переход крестьян от одного помещика к другому: хороших помещиков было немного, земля кормила крестьян. Вторую версию происхождения данной поговорки убедительно поддерживает слово *объегорить* с чёткой семантикой «обмануть», что подкрепляет правомерность второй этимологической версии. *И волки сыты и овцы целы*. Обычно эта поговорка толкуется так: «Обе стороны довольны результатом дела» [см. например: Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 114]. Есть две версии происхождения этой поговорки: 1. Поговорка исконно славянская, известная русскому литературному языку с XVII в. (др.-рус. *Волки бы сыты, а овцы бы целы*. ...Образ пословицы прозрачен, ибо отталкивается от хорошо известного в фольклоре метафорического противопоставления хищного волка и кроткой овцы, что способствовало её популярности. ...Поскольку примирение волка и овцы принципиально невозможно, то ситуация, отражённая поговоркой, означает стремление к исключительно трудному (часто неосуществимому) компромиссу. 2. Объясняется тем, что прежде пастухи намеренно занижали приплод в стадах помещичьих овец. После пригона овец с пастбищ это помогало им отчитаться перед помещиком; хотя волки за лето поедали часть овец, но количество их оставалось прежним [Зимин 2009: 36]. В этой поговорке очень многое остается неясным. В первом этимологическом толковании говорится, что «...поскольку примирение волка и овцы принципиально невозможно, то ситуация, отраженная поговоркой, означает стремление к исключительно трудному (часто неосуществимому) компромиссу». Что сказать? Компромисс между волком и овцой никогда не осуществится. А как быть с толкованием «обе стороны довольны результатом дела». Если говорить о волке и овце, то этого тоже никогда не может быть: волк-то будет доволен, съев овцу, а овца... Нам кажется толкование поговорки говорит о помещиках и пастухах: они действительно могут быть довольны (пастухи наверняка довольны, помещики вроде бы довольны). То, что в

поговорке изначально был заложен обман помещиков пастухами, забылось, на это наталкивает только этимологический анализ поговорки (вторая версия), который в какой-то мере проясняет суть «довольства» обеих сторон. *От ворот поворот* – категорический отказ, отрицательный ответ на чью-либо просьбу, обращение. По поводу происхождения этого выражения также имеется две версии: 1. Выражение собственно русское, восходит к старинному русскому обычаю сватовства. Если предложение принимали, сватов приветливо встречали и сажали за стол, угощали. При заранее обдуманном отказе приехавших свататься не пускали в дом, и они вынуждены были «поворачивать от ворот». 2. Оборот образовался от пословицы *От чужих ворот не стыдно делать поворот*. Во втором толковании никак не объясняется идея отказа, а общий контекст (стыда) не лежит в основе этого оборота. Надо отдать предпочтение первому этимологическому толкованию выражения.

Заметьте, что во всех случаях толкуется (раскрывается, анализируется, показывается) именно образ фразеологизма, лежащий в основе реального значения: настолько велика его организующая и мотивирующая роль в семантике фразеологизма.

2. Образ «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма.

Образны ли фразеологизмы? Абсолютное большинство фразеологов уверены, что фразеологизмы – это (в основном) образные структуры. В этом современные фразеологи убедились, рассматривая проблему образования идиом. Идиомы не мотивированы значениями компонентов, они в абсолютном большинстве своем мотивированы образом фразеологизма (ассоциативно-образным комплексом признаков, по В.Н. Телия). Каковы особенности образа фразеологизма? Есть разные типы образов. Образ – результат восприятия человеком предмета реальной действительности (зримо представимый образ), образ – второсигнальный, по И.П. Павлову, т.е. остающийся после услышанного слова, образ эйдетический (эйдос – греч. образ) – «разновидность образной памяти в идеалистической философии Гуссерля – учении о «чистых сущностях» или «идеальных формах», разновидность образной

памяти, заключающаяся в способности сохранять яркие образы предметов долгое время спустя после исчезновения их из поля зрения» (Словарь иностранных слов 1980). Эйдетические образы часто бывают болезненными. Сущность фразеологического образа заключается в том, что это образ не отдельного предмета, а целостной ситуации. Как говорил А.М. Бабкин, фразеологизм не означает определенное явление реальной действительности, а изображает его. Здесь проявляется изобразительная сила именно образа фразеологизма. Мы уже говорили, что образ фразеологизма либо виден в синхронном плане, либо проясняется этимологическим путём. Но важнее другое: образ фразеологизма является источником мотивации семантики фразеологизма, оценочности, эмотивности и т.п. «Образ влияет как на состав развивающихся у идиомы значений, так и на характер этих значений. К настоящему времени «во фразеологии отсутствуют какие бы то ни было инструменты, которые позволяли бы предсказывать и объяснять хотя бы на относительно регулярной основе связь между внутренней формой и актуальными значениями идиом» [Баранов, Добровольский 2009: 27]. Говоря о «возбуждении» оценки и эмотивности во фразеологизмах, мы имеем в виду прежде всего наглядное, живое представление отражаемого во фразеологизме фрагмента (ситуации) реальной действительности. Восприятие этого фрагмента обязательно сопровождается его оценкой. Оценка понимается как информация о ценности того, что отображается в денотативном содержании идиомы. При этом обычно субъект соотносит с ценностной картиной мира, уже сложившейся в определенном социуме, всё, что случается или происходит в мире и отражено в идиомах.

Оценка действует в контексте мнения (говорящий выражает оценку, как бы говоря суждение «и это хорошо» или «и это плохо» и «встраивая» оценку в семантику идиомы. Оценка действует в диапазоне «хорошо – плохо». Оценочная шкала «хорошо – плохо» является основой той модальной рамки, которую оценочность задает высказыванию.

Оценка не однозначна. Есть много видов оценки [Кунин 1980: 158; Fedulenkova 2014: 34]. Надо различать оценки этические, эстетические,

гедонистические, утилитарные, базисные и др. (см. о типах оценки: [Романовская 2014 и др.]). Мы скажем об этом очень кратко.

1. Этическая оценка.

Этические оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства. Объектом этических оценок являются поступки, поведение человека, в соответствии с которыми оценивается и сам человек.

Оценка в соответствии с этическими параметрами выносится на основе его отношений с другими людьми, соблюдения общепризнанных норм морали [см. тж. Федуленкова 2005: 218]. Положительная этическая оценка относится к людям добрым (*Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу*), чистосердечным, откровенным (*без задней мысли*), прямодушным, искренним (*душа нараспашку*), доверчивым, кротким (*мухи не обидит*). Нравственные нормы осуждают людей пассивных (*палец о палец не ударит*), наглых (*врёт как сивый мерин*), нахальных (*ни стыда ни совести*). Этическая оценка отличается неградуальным измерением: невозможно быть чересчур честным, излишне справедливым, избыточно ответственным и т.п.

2. Эстетическая оценка.

Эстетические оценки формулируются в терминах «прекрасное» и «безобразное». Они приписывают своим объектам эстетические ценности. Под эстетической ценностью понимается «самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность». Это определение отражает субъективную и объективную стороны эстетической ценности. Объект, носитель эстетической ценности, должен обладать определенными естественными свойствами и благодаря этим свойствам быть способным удовлетворять определенные запросы субъекта. Иными словами, объект, носитель эстетической ценности, характеризуется «способностью производить эстетически приятные впечатления». Способность предметов или явлений удовлетворять или не удовлетворять эстетическим требованиям может проявляться в различной степени, вследствие чего эстетическая оценка может приобретать различные оттенки отрицательного или положительного характера – от осуждения до восхищения.

Оценка на основе эстетических критериев базируется на внешних признаках индивида, квалифицируя его с позиций красиво / не красиво, модно / не модно. По отношению к внешности можно судить о внутренних качествах личности. Положительно характеризуется человек, который внимательно к себе относится, следовательно, требует к себе уважения (*прекрасный пол, писаная красавица, кровь с молоком, в полном параде*) и т.д. И, наоборот, вызывают насмешку и неуважение неопрятные люди (*синий чулок, драная (ободранная) кошка, кожа да кости, руки в брюки*) и т.д.

3. Гедонистическая оценка.

Гедонистическая оценка – это наиболее персонализированный вид оценки. В гедонистических оценках на первое место выступают ощущения субъекта, а объект, источник этих ощущений, отодвигается на второй план. В оценочных суждениях такого вида «хороший» означает примерно то же, что и «доставляющий удовольствие». См. такие примеры, как (*как*) *гора с плеч (свалилась), в розовом цвете* и т.д. и наоборот «нехороший» – *с тяжелым сердцем, (сам) не свой, в черном цвете, как в воду опущенный* и т.д. Семантическое значение «хороший / плохой» выполняет функцию выражения, указывая на определенное эмоциональное состояние субъекта оценки. Эти оценки не являются ни истинными, ни ложными. «Они ничего не описывают, ничего не утверждают, являясь всего лишь словесными выражениями определенных психических состояний» [Ивин 1970: 36]. Гедонистические оценки, связанные с чувственным опытом человека (физическим и психическим), ориентируют его в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфортности. Они обычно не мотивируются, поскольку прямо проистекают из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек.

4. Утилитарная оценка.

Утилитарные оценки связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Они основаны на выборе того, что может быть полезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи. Основное отличие

утилитарных оценок от других в том, что они, приписывая объекту положительную ценность, не говорят о том, что данная вещь является хорошим представителем вещей этого класса [Медведева 2001], но может «хорошо служить с точки зрения реализации рассматриваемой цели и обладает в силу этого утилитарной ценностью» [Ивин 1970: 36]. Утилитарная оценка употребляется для «характеристики практической значимости предметов, их воздействия на организм человека или его мироощущения. При этом имеется в виду какое-то определенное свойство предмета, которое в нём существует как потенциальная возможность и проявляется при использовании его человеком» [Хрящёва 1992: 5]. Положительная утилитарная оценка выражается такими фразеологическими единицами как: *правая рука, старый воробей, денежный мешок*, и т.д. Отрицательная утилитарная оценка выражается такими фразеологическими единицами как *медвежья услуга, ахиллесова пята, бред сивой кобылы, змея подколодная* и т.д.

5. Базисная оценка.

Оценка, даваемая одним индивидом другому, на основании базисных признаков – это оценка того, насколько кто-либо состоятелен / несостоятелен как личность, что проявляется преимущественно в интеллектуальных способностях (кто-либо *с головой, ума палата*, см. оценочную характеристику типов характера: флегматик – *тянуть кота за хвост*; холерик – *загорается от всего, как спичка*; меланхолик – *видит всё в черном цвете*).

Таким образом, в аксиологическом фрагменте языковой картины мира фразеологические единицы являются активным выразителем субъективных оценок качественных характеристик предмета, связанных с признанием или непризнанием его ценностей с позиций определенных ценностных критериев.

Оценка в целом сложно взаимодействует с эмотивностью. Что есть эмотивность, эмотивный компонент семантической структуры фразеологизма? Эмотивность как компонент семантической структуры фразеологизма объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому. Эмотивность

проявляет своё действие на шкале «одобрение – неодобрение» [см. об этом: Телия 1990; Лукьянова 1986], [Матвеева 1986 и др.]. «Одобрение» и «неодобрение» – это крайние точки шкалы, между которыми располагаются другие характеристики типа презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, ирония и т.п. Например, идиома *вешать лапшу на уши кому* может быть записана (по мотивационному и по эмотивному компоненту) следующим образом: представь себе как если бы X вешал лапшу на уши Y-у, испытай пренебрежение к Y-у (кто же в самом деле допустит, чтобы ему вешали лапшу на уши, кроме совсем глупого человека), из подобной записи видно, что эмотивность «возбуждается» не денотативно-оценочной информацией, а ассоциативной связью с образом фразеологизма. При этом эмотивность представляет собой такую же модальную рамку, как и оценка, но вместо оценки мнения (*считай, что...*), эмотивность включается в контекст чувства-отношения (*испытай неодобрение / презрение / пренебрежение и т.п.*) Эмотивное отношение зависит от характера образного стимула, оно оформляет его в целом, как бы главенствует над ним.

Повторяем еще раз, что эмотивность в структуре семантики фразеологизма сложно взаимодействует с другими компонентами и прежде всего с денотативным и оценочным компонентом. И повторяем ещё раз, что эмотивность действует в контексте чувства-отношения (мы употребляем этот «сложный» термин в отличие от другого термина – чувство-состояние). Например, фразеологизм *камень лежит на душе* означает тяжелое настроение (это состояние), а к нему устанавливается эмоция-отношение – «неодобрительное» (вряд ли кто захочет одобрить такое состояние).

Считаем правильными следующие наши действия при описании эмотивности:

1. Надо указать, что оценка может обойтись без эмотивности в случае её нейтрально-логического выражения (см. например, *хороший, прекрасный, плохой, нехороший* и т.п. Эмотивность же всегда включает в себе и оценку.

2. Надо различать эмотивность и эмоциональность. Их давно уже (много лет) различают: различают в духе Ш. Балли [Балли 2001], который впервые ввёл эти сущности, а также других лингвистов, поддержавших разделение эти понятий [Ларин 1973], [Шаховский 1987], [Шингаров 1971], [Маслова 1991] и др.

3. Во фразеологических словарях (в словарях лексики тоже) не писать только краткие пометы эмотивности типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.*: это никак не способствует ликвидации эмотивной безграмотности, а надо показать структуру каждого вида эмотивности и это разместить во введении к словарю, а в тексте словаря писать не краткие пометы, а фразы «говорится с презрением», «говорится с пренебрежением» и т.п. Структуру же каждого вида эмотивности (в Машинном фонде это называлось «экстенсионалом») описываем с опорой на следующие «точки»: субъект, объект, основание эмотивности (оно может быть этическим, эстетическим, моральным, физическим и т.п.). Например, эмотивно-оценочное отношение презрения – это чувство-отношение, объектом которого выступает лицо (реже группа лиц или социальный коллектив). Это устойчивое, интенсивное эмоционально-оценочное отношение отрицательного спектра, возникающее только в связи со значимыми для субъекта людьми и событиями и вызываемое либо нарушением объектом оценки основных морально-этических норм субъекта (и общества) в сфере межличностных или социальных отношений, либо осознанием субъектом своего превосходства над объектом в силу принадлежности последнего к менее престижному социуму, нежели тот, членом которого он сам является [Графова 1991: 68]. Обратите внимание, что предметы мы почему-то не презираем. Например, *мозги набекрень, руки в брюки, держать нос по ветру, лизать пятки* и т.п. (ср. французский фразеологизм – *pisser au bénitier* (букв. помочиться в кропильницу) – «устроить скандал, учинить безобразия». У французов этот фразеологизм вызывает крайнее презрение.

Эмотивно-оценочное отношение пренебрежения – не такое «сильное», как презрение, оно гораздо «слабее». Экстенсионал, соотносимый с эмотивно-оценочным отношением пренебрежения можно

представить в следующем виде: субъект, переживающий чувство-отношение пренебрежения, может иметь в качестве объекта этого переживания как лицо или социальный коллектив, так и неодушевленный предмет, явление реального мира, предмет живой и неживой природы. Пренебрежение не может быть направлено на самого субъекта. Субъект эмотивно-оценочного отношения пренебрежения считает себя знатоком, образцом в данной области поведения, своеобразным экспертом, в то же время он считает, что объект не имеет для него ценности или значимости, недостоин его внимания и интереса, установления контакта с ним. Пренебрежение связано больше с личностными, нежели социальными нормами. Что касается фразеологических единиц, то они в абсолютном своём большинстве содержат эмотивно-оценочное отношение пренебрежения применительно к человеку, к лицу, к индивиду, а не к предмету. Это, очевидно, объясняется тем общеизвестным фактом, что вообще фразеологические единицы характеризуют чаще человека, его внешний вид, состояние, действия и поступки и т.п. Например, *стоять на ушах, от горшка два вершка, от земли не видно, без царя в голове, голова садовая, мелкая сошка, мелко плавать, ни рыба ни мясо, точить ляды* и т.п. Структура эмотивных экстенсионалов хорошо описана в разных работах применительно к лексике [Графова 1991] и фразеологии [Телия 1991].

Необходимо разграничивать эмоциональность и эмотивность (соответственно – эмоциональный и эмотивный). Эмоциональность свойственна человеку, лицу, он может быть эмоциональным, эмоциональность указывает на состояние психики человека. Эмотивность свойственна языковым средствам (слову, фразеологизму и т.п.), они могут быть эмотивными, выражающими в себе к.-л. эмоцию-отношение.

В свете сказанного выше нельзя приветствовать такие фразы в работах лингвистов как «эмоциональность как свойство языковых единиц». Нет, это эмотивность языковых единиц, а эмоциональность наблюдается у человека, лица.

Далее: как соотносятся меж собой образность, эмотивность, оценочность и т.п. Часто их называют смежными явлениями, но думается,

что их можно расположить в определенный кортеж на основе причинно-следственной зависимости (по крайней мере применительно к фразеологизмам). В основе всего лежит образ, образность, она «возбуждает» определенную оценку и эмотивность; а в конце «кортежа» оказывается экспрессивность, понимаемая как такая семантическая категория [см. Лукьянова 1986: 140], которая связывается с экспрессивной функцией языка и имеет систему средств выражения на всех уровнях языка. Думается, что введение в терминологический аппарат описания экспрессивности тех понятий, о которых мы только что сказали, выяснение их взаимодействия с другими понятиями могло бы в большей мере прояснить суть экспрессивности.

3. Образ является носителем культурной коннотации фразеологизма.

Лингвокультурология в части фразеологических единиц основана на рефлексии человеческого сознания именно на образ фразеологизма [см. тж. Федуленикова 1997; 2014: 178]. Этим она отличается от лингвострановедения, в котором описываются факты: так, во фразеологизме *первый блин комом* будет объяснено, что такое блины, с чем их едят (с маслом, сметаной, икрой, медом), когда едят (всегда, особенно на Масленицу). Часто в лингвострановедении содержатся намёки на социальное положение человека. Ср. например, выражение *по Сеньке и шапка* – каждому по достоинству. Здесь герой поговорки не назван уважительно Семеном Ивановичем, а назван пренебрежительно Сенькой, ему и шапка такая. А теперь сравните высокие боярские шапки, попробуйте на Сеньку надеть такую шапку или Сенькину – на боярина, пожалуй, скандал будет. А сейчас скажем о лингвокультурологии. На чём строится лингвокультурологический комментарий фразеологизмов? Главное здесь – принять какое-то (лучше более общее) понимание культуры: культура – это осознание мира, себя в мире, осознание себя относительно того социума, в котором ты живёшь или находишься в данный момент. Далее: учитывать этимологию, не отбрасывать лингвострановедение, оно поможет, и главное – разработать алгоритм собственно культурного комментария фразеологизмов. Такой алгоритм

был представлен В.Н. Телия и применён в «Большом фразеологическом словаре русского языка». Этот алгоритм включает в основном четыре шага: 1) обрисовка образа фразеологизма, 2) соотнесение образа фразеологизма с определенным пластом культуры (мифологическим, архетипическим, библейским, фольклорным, художественным, бытовым), 3) соотнесение образа фразеологизма с тем или иным кодом культуры (антропным, соматическим, зооморфным, временным, природным, ландшафтным и т.п., 4) раскрытие тропов (метафоры, метонимии, синекдохи, олицетворения и т.п.), скрепляющих образ и выводное (современное) значение. Представим хотя бы один пример культурного

комментария фразеологизма. *Вносить / вынести сор из избы*. В этом фразеологизме слово *изба* (ср. также *дом*) очень сильно окультурено. *Изба* (дом) символизирует «своё» персональное пространство. Угол в доме – означает «пристанище» (*Всякий человек должен иметь свой угол*). В доме все – «свои люди». Порог – это не планочка, лежащая поперёк двери. Нет, это граница между своими (в доме) и чужими (за порогом). Если русский человек говорит «Вот Бог (указывает на угол, где стоят иконы), а вот порог», то это значит, что он выпроваживает Вас за порог, как бы хочет сказать, что Вы чужой, идите за порог, туда, где находятся «чужие». Фразеологизм *вносить сор из избы* читается в контексте поверья о том, что по вынесенному мусору чужие люди, находящиеся за порогом, могут навести порчу на хозяина дома и на членов его семьи. Во избежание этого сложился ритуал-оберег – *Сор из избы не выноси, а топи в печи*. Он записан в словаре у В.И. Даля. Сор воспринимается как то, чем можно опорочить человека (ср. *облить грязью (помоями)*).

Всё, сказанное в этой главе, приводит нас к следующему выводу: для семантики фразеологизма самым важным является его образ, образно-ассоциативное основание. Образ фразеологизма в ономаσιологическом плане является мотиватором выводного значения фразеологизма, в аксиологическом аспекте он провоцирует определенную оценку в диапазоне «хорошо-плохо», в эмотивном аспекте он является «возбудителем» определенной эмоции-отношения (презрения,

пренебрежения, уничтожения, порицания и т.п.), в лингвокультурологическом аспекте образ фразеологизма является источником и носителем культурной информации; раскрытие культуры, заключенной во фразеологизме, начинается именно с образа: в нём заключены истоки культуры прошлого. Средством экспликации культурного содержания является культурный комментарий, применённый в полном объёме в «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (М., 2006).

Библиография

Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, № 6, 2009. – С. 21-34.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь // Под ред. д-ра филол. наук, профессора В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель-АСТ-Люкс, 2005. – 700 с.

Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – С. 67-99.

Жуйкова М.В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов. Монографія. – Луць: РВВ «Вежа» Волин, держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с.

Зимин В.И. Словарь синонимов и антонимов русского языка. – М., 2009. – 384 с.

Зимин В.И. Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов // Фразеология. Вчера, сегодня, завтра // Межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук, профессора В.Т. Бондаренко. – Тула. 2011. – С. 17-23.

Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 730 с.

Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.

Кунин А.В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Вопросы фразеологии: Сб. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1980. – Вып. 168. – С. 158-185.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Худ. литература, 1973. – 288 с.

Лосев А.Ф., Шестаков В.Р. История эстетических категорий. – М., 1965. – 374 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск, 1986. – 228 с.

Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 38-43.

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие по спецкурсу. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 92 с.

Медведева Н.Е. Аксиологический аспект современных французских арготизмов. Дисс. ...канд. филол. наук. – Белгород, 2001. – 154 с.

Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. – Ургенч, 1991. – 96 с.

Ройзензон Л.И. Вопросы фразеологии / отв. ред. Л.И. Ройзензон. – Ташкент, 1965. – 245 с.

Романовская О.А. К вопросу о патриотическом дискурсе: теория и эмпирика / Патриотизм в социальном пространстве // Материалы научно-практической конференции с международным участием. – Ульяновск, УлГУ, 2014. – С. 7-12.

Рысева Е.А. Тропеические механизмы идиоомообразования и их связь с языковой картиной мира // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Тезисы сообщений школы-семинара. 13-17 ноября. – Орёл, 1990.

Словарь иностранных слов. Издание седьмое, переработанное. – М.: «Русский язык», 1980.

Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 32-47.

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Механизмы создания языковой экспрессивности / Ин-т языкознания; отв. ред. В.Н. Телия. – М., Наука, 1991. – С. 36-67.

Федуленкова Т.Н. Генетический прототип – основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, 1997. – Вып. 4. – С. 81-88.

Федуленкова Т.Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М.Л. Ковшовой: индекс инновации // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – №. 4(43). – Том 2. – С. 178-182.

Федуленкова Т.Н. Стилистическая валидность фразеологической апокопы // Стилистика и теория языковой коммуникации: Материалы докл. междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. МГЛУ И.Р. Гальперина. – М., 2005. – С. 218-220.

Хрящева Н.П. Предложения с оценочным предикатом: дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1992. – 217 с.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987. – 237 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 190 с.

Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М., 1971. – 224 с.

Fedulenkova T. Basic Components of the Connotative Aspect in Phraseological Units: (As Seen by A.V. Kunin and his Disciples) // Phraseology in Multilingual Society / Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 34-47.

ГЛАВА III

ВИДЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В ДУХЕ ТЕОРИИ СИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (на материале русского и французского языков)

Анатолий Петрович ВАСИЛЕНКО

Сопоставительный анализ во фразеологии имеет свои особенности, вытекающие из структурной вторичности (производности) самих фразеологических единиц. Необходимость учета данных первичных систем (систем-мотиватов, явившихся стартовой площадкой для формирования внешнего / внутреннего оформления оборота, например: лексическая система, грамматическая, стилистическая и т.п.) придает сопоставлению многоступенчатый, усложненный характер.

Почему сопоставление характеризуется многоступенчатостью?

Есть немало факторов, среди которых семантизация (раскручивание значения) самого фразеологизма, способ названия сопоставительной единицы едины (сопоставительная номенклатура),

своеобразие фразеологизма в межъязыковом и внутриязыковом пространстве.

О СЕМАНТИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Известно, что значение фразеологизма не выводится из составляющих его компонентов. Например, в сочетании двух десемантизированных слов **железная дорога** (заметим, что количество компонентов может быть разным, например, см. работу [Структурно-грамматические свойства... 2002]), потерявших свою былую номинативную независимость, просматривается следующая алгоритмизация значения: 'X + Y не есть сумма XY, а есть некоторое F': **железная** (X) + **дорога** (Y) ≠ **дорога из железа** (XY), а есть 'вид транспортной системы для наземной перевозки пассажиров и грузов' (F).

Семантизация фразеологизма (т.е. выявление различными способами – индуктивным, историческим, эмпирическим, аксиологическим, языковым, прагматическим и др. – того, что обозначает фразеологизм) отчасти процесс творческий, индивидуальный. Подобная *self-concept* (=Я-концепция) со временем может приобретать фразеографированную форму (скажем, издание словаря) и, как результат, становиться общепринятым знанием (например, выражение *долгий ящик* [Фразеологический словарь ... 2003: 605] обычно используют тогда, когда говорят о том, что 'находится без внимания продолжительное время') либо оставаться как схема декодирования семантики фразеологизма (фразеологической единицы) в строго очерчиваемых границах индивидуального мышления или особое *to one's mind* (=собственное видение). Например, в работе П.А. Вяземского [1984: 260] тот же фразеологизм *долгий ящик* упоминается в необычном значении – 'гроб'.

В семантизации ФЕ два манифестанта – прозрачность и непрозрачность означаемого оборота – определяют возможность правильного восприятия устойчивой структуры в актах коммуникации.

Понятия *прозрачности* и *непрозрачности* ФЕ достаточно условны. Как правило, в любой ситуации общения можно обнаружить

минимальную смысловую транспарентность фразеологизма. Та же идиома *ворон считать* уже относительно прозрачна из контекста потому, что, допустим, учитель на уроке русского языка говорит ученику не *считать ворон*, а слушать объяснения нового материала. Разумеется, что никаких *ворон* поблизости нет, и никто им счет не ведет (если, допустим, ученик не находится на уроке математики). Да и вообще – причем тут *вороны*?!

Исходя из этого, ситуация ясна: ученик занят не тем, чем надо, а этого вполне хватает для фрагментарной передачи значения ФЕ *ворон считать* ‘быть невнимательным’ [Фразеологический словарь ... 2003: 82].

Как видно, денотат не всегда является ведущим в определении семантики ФЕ. Иногда достаточно незначительной доли эмоционально-оценочного понимания или понимания стилистической легитимности (пригодности либо удачности в заданном контексте) оборота, чтобы он был правильно принят участниками, – в этом случае срабатывает архетипический механизм биполюсного оценивания ситуации в целом: если она удобоварима, то всё окружающее является «+», если неудобоварима, то «–».

Полагаем, что *ворон считать* проходит под общим знаком «–», который правомочно и в минимально достаточном объеме организует понимание ФЕ без какой-либо необходимости обращения к денотату (о ценностно-эмоциональном содержании ФЕ см.: [Ковшова 2013: 5]).

ИЗВЕСТНЫЕ ЕДИНИЦЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В ходе сопоставления обычно прибегают к разным наименованиям того, что способно передавать идентичность явления искомого языка в языке сравниваемом. Среди наиболее распространенных формулировок можно назвать *тождество, эквивалент, соответствие*.

Тождество. При строгом подходе к этому термину говорят о совпадении, равенстве (тождестве) применимо к сопоставляемым фразеологическим фактам разных языков. Тождество – это совпадающий

(абсолютный) показатель при наложении друг на друга разноструктурных объектов.

Эквивалент. Ещё один термин из разряда 'равнозначность'. В большей степени термин *эквивалент* связывается с субституцией интересуемого параметра в одном языке параметрами другого языка. Речь идет не столько о факте наличия в языке, сколько о факте подходящего замещения одной языковой единицы другой единицей (или восполнения лакуны) при возникновении определенной речевой ситуации. Степень эквивалентности бывает разная.

Соответствие. Гармонический статус языковых объектов, согласование по каким-либо показателям. Соответствия определяются различной степенью наличия признаков, позволяющих сближать или удалять объекты.

Известен и такой термин – межъязыковой фразеологический параллелизм [Солодухо 2008]. Это не сосуществование и соизмерение отдельно взятых единиц (это есть в языке 1, а есть ли такое в языке 2?), а возможность стороннего наблюдения за отдельно протекающими языковыми процессами без нарушения их личного пространства (это есть в языке 1, это есть в языке 2), взгляд со стороны, невмешательство. Такой подход подразумевает указание на постулированное существование лингвистического знака и его непреложное принятие не на фоне другого языка, а в рамках независимо существующей системы, и сопоставление в этом случае – лишь констатация того, что есть этот лингвистический знак в синхронно-диахронном плане в пределах родного языка.

Нельзя говорить о достоинствах либо недостатках формулирования одного термина в сравнении с другим, необходимо определить, прежде всего, характер научного разыскания с тем, чтобы правильно подобрать соответствующую понятийную базу.

В любом случае следует безоговорочно принять мысль А.Д. Райхштейна о том, что взаимное соотнесение, сопоставление и противопоставление (или иное обозначение процесса – А.В.) единиц, форм, категорий и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, условие установления

существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их систем и подсистем [Райхштейн 1980: 6].

В нашей статье мы ограничиваемся примерами сопоставления фразеологических единиц французского и русского языков с целью выявления степени сходства оборотов.

Немного истории из исследований классиков.

Идеи о сопоставительной фразеологии стали появляться одновременно с развитием сопоставительной лексикологии и лексикографии. Однако как самостоятельная дисциплина сопоставительная фразеология стала оформляться лишь в первой половине XX века.

Например, о сопоставительной фразеологии как о самостоятельном направлении во фразеологии говорила И.М. Вульфиус [1929: 42-50], полагая, что сопоставление чрезвычайно важно для изучения природы фразеологизмов в целом, для выявления национально-культурного своеобразия фразеологии определенных языков и, естественно, для составления двуязычных фразеологических словарей.

В середине и во второй половине XX столетия проблемы сопоставительной фразеологии ставились в работах таких крупных лингвистов, как Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, А.В. Кунин, В.Г. Гак, Л.И. Ройзензон, А.Д. Райхштейн и др. В работах этих языковедов разрабатывались отдельные аспекты сопоставительной фразеологии. В.М. Мокиенко, в частности, изучал фразеологизмы главным образом в диахроническом сравнительно-сопоставительном аспекте. В работах Л.И. Ройзензона и Ю.Ю. Авалиани разрабатывались сопоставительные проблемы фразеологии различных языков.

В середине и во второй половине XX века сопоставительная фразеология уже набрала большую силу, стали появляться книги, посвященные сопоставлению фразеологизмов, двуязычные фразеологические словари, в которых сопоставлялись фразеологические системы различных языков ([Райхштейн 1980], [Кунин 1996], [Солодуб 2002], [Молотков, Жост 2001], [Французско-русский фразеологический

словарь 1963], [Новый Большой французско-русский фразеологический словарь 2005] и др.).

Основу нашего компаративного видения фразеологизма составляет понятие эквивалент, под которым в рамках указанного параметра мы имеем в виду устойчивую единицу языка, имеющую изначально заложенную при формировании образа ту или иную степень вероятности быть переданной и понятой в другой лингвокультурной среде, единицу, отражающую степень тождественности фразеологических картин мира сопоставляемых языков.

Считаем оправданным положить в основу разработки системы межъязыковых фразеологических эквивалентов те компоненты семантики фразеологизмов, которые были выделены и описаны в работах ученых, изучающих фразеологизмы на основе их функционально-параметрического описания (В.Н. Телия, Ю.П. Солодуб, Д.О. Добровольский, М.Л. Ковшова и др.).

СОБСТВЕННО О СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В духе теории симметрии и асимметрии как двух взаимосвязанных и взаимоисключающих проявлений системности языка и речи мы опираемся на общее определение *симметрии* как степени совпадения, соразмерности, одинаковости в расположении к.-л. частей относительно ч.-л. Тем самым мы подтверждаем мысль Ф. де Соссюра о том, что всякое различие в идее стремится выразить себя различными означающими [Ф. де Соссюр 1999: 121].

Говоря о языковой теории симметрии / асимметрии следует упомянуть и другие мнения. Так, Ш. Балли, отмечал, что «несоответствие между означаемыми и означающими является правилом» [Балли 2001: 21].

В известной работе «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [Карцевский 1965: 85-90] изложен парадигматический аспект асимметричных отношений между единицами плана содержания и единицами плана выражения: вариативность при

неизменном означаемом и вариативность означаемого при неизменном означающем.

Асимметрии рассматривается также в синтагматическом и семиотическом плане [Гак 1990: 47]. Рассматриваются проявления пять видов симметрии, суть которых сводится к тому, что 1) один знак может проявляться сочетанием двух (синтагматический план) и 2) наличие одного смыслового знака не есть обязательное наличие его формального аналога (семиотический план).

Приведем и другие точки зрения.

Знак появляется на стыке содержания и выражения, «у самого слова нет существования» [Пирс 2000: 213].

Неоднозначность вербального языка проявляется в его символичности, этот «символический язык... обладает множеством смыслов» [Барт 1989: 353].

«Один знак может нести несколько означаемых, и одно означаемое может выражаться несколькими знаками» [Попова, Стернин 2007: 178].

«Специфика знакового строения ... фразеологической единицы как особого лингвистического знака заключается в его асимметричности, разнообразии ситуативных смыслов в рамках общего абстрактного значения...» [Федуленкова 2006: 207].

Упомянем некоторые работы, связанные с симметрией / асимметрией: [Маковский 2014], [Пономаренко 2005], [Иванов 1999], [Кашкин 2009] и др.

Нас интересует общий подход к асимметрии знака – при одном означающем могут быть несколько означаемых. Такая точка зрения объясняет одновременно и явление полисемии, и явление омонимии.

Итак, изученная литература по сопоставительной фразеологии, а также функционально-параметрического отражения семантики фразеологизмов позволяет нам представить следующие типы межъязыковых фразеологических эквивалентов с опорой на априорную соизмеримость плана выражения и плана содержания в разных языках: *макросимметричный фразеологический эквивалент, десимметричный фразеологический эквивалент, квазисимметричный фразеологический*

эквивалент, микросимметричный фразеологический эквивалент, асимметричный фразеологический эквивалент.

Макросимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, совпадающий по всем компонентам семантической структуры с фразеологизмом другого языка.

Термин ориентируется на общее понимание *макросимметрии* в физике кристалла (в нашем случае – плана выражения фразеологизма), который представляет собой сплошную однородную среду (в нашем случае – план содержания фразеологизма).

Русские примеры: *рвать на себе волосы* – *s'arracher les cheveux*; *пускать пыль в глаза* – *jeter de la poudre aux yeux de qn*; *водить за нос кого* – *tenir qn par le nez*; *заткнуть рот кому* – *fermer la bouche à qn*; *око за око, зуб за зуб* – *œil pour œil, dent pour dent*; *иметь голову на плечах* – *avoir la tête sur les épaules*; *показать зубы (огрызнуться)* – *montrer les dents*.

Французские примеры: *sauver sa peau* – *спасать свою шкуру*; *tourner le dos à qn* – *вернуться спиной к кому-либо*; *prendre le taureau par les cornes* – *брать быка за рога*; *à toutes jambes* – *со всех ног*; *face à face* – *лицом к лицу*; *bâtir sur le sable* – *строить на песке*; *dorer la pilule* – *позолотить пилюлю*; *une tempête dans un verre d'eau* – *буря в стакане воды*.

Десимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, имеющий структурно-семантические совпадения с сопоставляемым фразеологизмом другого языка, но имеющий незначительные лексические, грамматические и лексико-грамматические различия.

Термин ориентируется на понятие *десимметрия тел* в геологии – ‘нарушенная или неполная симметрия форм земного рельефа’ (в нашем случае – плана выражения фразеологизмов).

Русские примеры: *говорить сквозь зубы* – *parler du bout des dents* (букв.: говорить кончиками зубов); *мерить на свой аршин* – *mesurer à son aune* (букв.: мерить на свой локоть); *делать большие глаза* – *ouvrir des yeux ronds* (букв.: открыть круглые глаза); *разевать рот* – *ouvrir la bouche*

toute grande (букв.: открыть рот совсем большой); *вскружить голову кому* – *tourner la tête à qn* (букв.: повернуть голову к.-л.); *говорить на разных языках* – *ne pas parler la même langue* (букв.: не говорить на одном и том же языке); *кричать на всех перекрестках* – *crier sur les toits* (букв.: кричать с крыш); *держат язык за зубами* – *tenir sa langue* (букв.: держать свой язык); *продавать шкуру неубитого медведя* – *vendre la peau de l'ours* (букв.: продавать шкуру медведя); *построить на костях* – *costruire qch sur des cadavers* (букв.: построить на трупах).

Французские примеры: *entrer dans une oreille et sortir par l'autre* (букв.: войти в ухо и выйти через другое) – *в одно ухо влетело, в другое вылетело*; *changer de musique* (букв.: сменить музыку) – *переменить пластинку*; *tenir sa langue en bride* (букв.: держать свой язык в узде) – *держат язык на привязи*; *saucer qn dans la boue* (букв.: обмакнуть к.-л. в грязь) – *втонуть в грязь*; *c'est écrit sur le visage de qn* (букв.: это написано на лице к.-л.) – *на лбу написано*; *lécher les bottes à qn* (букв.: лизать сапоги к.-л.) – *лизать пятки*; *casser les oreilles à qn* (букв.: сломать уши кому-либо) – *прожужжать все уши к.-л.*

Квазисимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, очень близкий по структуре фразеологизму другого языка, но имеющий заметные различия в сфере употребления, национальной культуры, образа жизни.

Структуры, вступая в эпидигматические отношения, проявляют псевдосходство, очевидна их межъязыковая омонимичность фразеологических параллелей (о межъязыковом фразеологическом параллелизме см. работу [Солодухо 2008]).

При переводе к ним надо относиться осторожно: они псевдоподобны, они – «ложные друзья переводчика».

Например, фразеологизм *подать голос* имеет значение ‘намеренно произносить, говорить что-либо, обнаруживая тем самым свое присутствие’, а его французский аналог *donner de la voix* (букв.: дать голос) означает просто ‘произнести вслух’, но не для того, чтобы заметили’. *Открыть огонь* ‘начать критиковать к.-л.’ – *ouvrit le feu* ‘(букв.: открыть огонь) – ‘первым взять слово’. *Держать речь* ‘взять

слово, высказаться' – *tenir sa parole* (букв.: держать свою речь) – 'сдержать своё слово'.

Микросимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, который связан по значению с фразеологизмом другого языка, но совершенно различается по образности внутренней формы, национально-культурным колоритом.

Это объясняется различными причинами, среди которых первейшую роль играет различное восприятие образов внутренних форм фразеологизмов, переосмысление семантико-фразеологических инвариантов, различное наличие этнокультурных элементов в структуре фразеологизмов русского и французского языков и т.п.

Термин ориентируется на понятие *микросимметрии* в физике кристалла. Микросимметрия кристалла связана с группами, имеющими область, куда входят точки пространства, которые распределяются по непересекающимся классам, но эквивалентным относительно группы.

Русские примеры: *белая ворона* – *un mouton à cinq pattes* (букв.: баран с пятью ногами); *водой не разольешь кого* – *être comme les doigts de la main* (букв.: быть как пальцы руки); *ни к селу ни к городу* – *sans rime ni raison* (букв.: ни рифмы ни смысла); *куда глаза глядят* – *aller le nez au vent* (букв.: идти нос по ветру); *лезть в бутылку* – *avoir la tête près du bonnet* (букв.: иметь голову перед чепчиком); *рубить сплеча* – *mettre les pieds dans le plat* (букв.: положить ноги в блюдо); *вот где собака зарыта* – *c'est là que gît le lièvre* (букв.: вот где лежит заяц); *я этим сыт по горло* – *j'en ai plein le dos* (у меня от этого полна спина).

Французские примеры: *payer trois francs six sous* (букв.: платить 3 франка и 6 су) – *дешево и сердито*; *attacher qn au carcan* (букв.: привязать к.-л. к железному ошейнику) – *выставить к позорному столбу*; *casser du sucre sur le dos de qn* (букв.: разбивать сахар на спине у к.-л.) – *перемывать косточки*; *être bon pour les chrysanthèmes* (букв.: быть хорошим для хризантем) – *песок сыплется*; *quand les poules auront des dents* (букв.: когда у кур будут зубы) – *когда рак на горе свистнет*; *avoir le bec gelé* (букв.: иметь замороженный клюв) – *язык проглотить*; *ni chair ni poisson* (букв.: ни мясо, ни рыба) – *ни богу свечка ни черту кочерга*; *il*

avalerait la mer et les poissons (букв.: он проглотил бы море и рыб) – *проголодаться как волк*.

Асимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, который не находит своего отражения во фразеологической системе другого языка. Однако безэквивалентные единицы (лакуны) не значит непереводимые.

Асимметричный фразеологический эквивалент обычно имеют ярко выраженную национально-культурную специфику. Здесь еще более возрастает роль разъяснения при описательном переводе. Если же при переводе хочется сохранить национально-самобытную окраску русского фразеологизма, то можно прибегать к дословному переводу (калькированию), вводить в текст перевода такие указания, как, например, «как говорят русские», «как гласит русская пословица», «как принято говорить в России» и т.п.

Каковы причины возникновения безэквивалентных фразеологических единиц? Основные причины безэквивалентности заключаются в том, что реальная действительность отражается по-разному в образах, лежащих в основании фразеологизмов, в сознании представителей того или иного культурно-языкового социума по-разному видятся природно-климатические, территориальные, общественно-исторические и культурные особенности жизни этноса и т.п. Различны и системы языков, наличествующие в них процессы идиоомообразования, закономерности сочетаемости слов и т.п. (см. об этом, например, [Гак 1966: 251-252]).

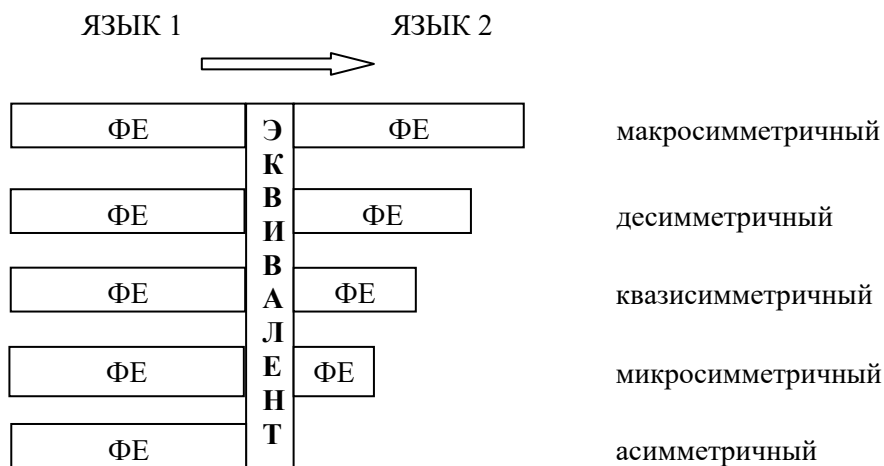
При передаче таких фразеологизмов приходится прибегать к описательному или семантическому переводу.

Русские примеры: *до зеленого змия* (напиваться, быть пьяным); *толочь воду в ступе, медвежий угол, казанская сирота, красная девица, подводить под монастырь, разводить тары-бары, бред сивой кобылы, попасть впросак* и др.

Французские примеры: *répondre en Normand* (букв.: ответить как Нормандец, в духе Нормандца) – ‘ответить уклончиво; ни да, ни нет’; *le jardin de la France* (букв.: сад Франции) – так во Франции говорят о

Турени (историческая область в западной части Франции); *parler le français comme une vache espagnole* (букв.: говорить по-французски как испанская корова); *aller à Cracovie* (букв.: ехать в Краков) – *αργο* ‘врать, завираться’; *gagner ses éperons* (букв.: достичь своих шпор) – ‘отличиться при первой представившейся возможности’; *mettre en jour* (букв.: положить в день) – *книжн.* ‘выделять подчеркивать важность ч.-л.’; *il faut aller le chercher avec la croix et la bannière* (букв.: за ним надо идти с крестом и хоругвями) – ‘его трудно уговорить на к.-л. дело’; *tirer sa voix de ses talons* (букв.: тащить свой голос от своих пяток) – ‘петь, говорить очень низким голосом’; *faire baisser le nez à qn* (букв.: заставить опустить нос к.-л.) – ‘пристыдить, осадить к.-л.’.

Сказанное о симметрии и асимметрии фразеологизмов в русском и французском языках можно представить схематично:

Таким образом, понятие межъязыкового фразеологического эквивалента как основы компаративного параметра семантики фразеологизмов является сложным ввиду сложности самого объекта рассмотрения – фразеологизма как результата совмещения языковых, национальных, объективных и субъективных показателей.

В этой связи, описание фразеологизмов в сопоставительном аспекте позволяет комплексно представить содержание устойчивой единицы одного языка (денотативное, грамматическое, оценку и эмоцию,

мотивационное основание и стилистический регистр) и характер его эквивалентного соответствия в другом языке.

С этих позиций можно предложить следующие типы межъязыковых фразеологических эквивалентов: *макросимметричный фразеологический эквивалент* (полное совпадение по всем макрокомпонентным параметрам), *десимметричный фразеологический эквивалент* (незначительные лексико-грамматические расхождения на компонентном уровне), *квазисимметричный фразеологический эквивалент* (абсолютно одинаковые в структурном исполнении, но разные в семантическом аспекте, называемые иногда «ложными друзьями переводчика»), *микросимметричный фразеологический эквивалент* (фразеологические варианты аналога с сохраненным значением оригинала, но отличной образностью), *межъязыковые фразеологические семантические корреляты* и *асимметричный фразеологический эквивалент* (описательный безобразный тип перевода (нефразеологические варианты) структур оригинала, являющихся лакунами в языке-приемнике).

Так или иначе образующееся несовпадение фразеологизмов (лексико-грамматический состав компонентов, образ, эмотивно-оценочный компонент, сфера употребления и пр.) объясняется большей частью несовпадением их культурного содержания, имеющегося во внутренней форме (образе) фразеологизма отдельно взятого языка. Анализ таких несовпадений позволяет говорить о раскрытии национально-культурного своеобразия фразеологизмов.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА ВО ВНУТРИЯЗЫКОВОМ И МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Национально-культурное своеобразие фразеологизма раскрывает специфическое мировидение этноса. Речь идет об отражении в образе устойчивого оборота преломленной реальности через фрагменты мифов и религиозных устоев, опыта народа, сложившегося представления о действительности (артефакты, архетипы), восприятия времени и

пространства. В образе фразеологизма е усматривает то, как относится народ к сказанному, что, во многом, указывает на причину появления оборота.

Фразеологизм *Золотое кольцо России*. Название туристического маршрута, который пролегает по древним русским городам, центрам народных ремесел, где сохранились уникальные памятники истории и культуры России. Автором термина считается литератор Юрий Бычков (конец XX в.), который однажды на собственном автомобиле, выехав из Москвы, объездил восемь городов к северо-востоку от столицы. По его мнению, именно там сохранилось больше всего достопримечательностей культурного прошлого страны.

Первым маршрут был таковым: Москва – Загорск (современный Сергиев Посад) – Переславль Залесский – Ростов – Ярославль – Кострома – Иваново – Суздаль – Владимир – Москва. Позже автор публикует в газете серию заметок с одноименным названием исследованного пути. Компонент *кольцо* – внешнее сходство. Если мысленно соединить линией на карте все города, посещенные литератором в указанной последовательности, то маршрут будет напоминать неправильной формы окружность, овал, кольцо.

Компонент *золотой* – метафора ‘прекрасный, замечательный’. Кроме того, во многих архитектурных строениях вышеупомянутых городов представлен драгоценный материал – золото, которое является не только украшением, но и символом достатка, стабильности, благонадежности.

Фразеологизм *berceau de Paris* (букв.: колыбель Парижа). Так французы называют исторический центр столицы, место ее основания – остров Ситэ (L'île de la Cité). В компоненте *berceau* отражен метафорический перенос ‘место, где что-то зародилось; появление, начало чего-либо’. С незапамятных времен на острове селились люди. Здесь же была основана столица кельтского племени паризиев – Лютеция, которая стала крупным политическим и религиозным центром. Самое известное сооружение острова, связанное с многочисленными историческими событиями, – собор Парижской Богоматери. Западная

оконечность острова почти целиком занята комплексом дворца Правосудия. Здесь же – Le pont Neuf (букв.: новый мост), который, несмотря на свое название, является самым старым мостом Парижа (более 100 лет), сохранившим былую прочность. Отсюда и фразеологизм *se porter comme le Pont-Neuf* (букв.: чувствовать себя как новый мост) – ‘быть в хорошей форме, здоровым как бык’.

Как видно национально-культурное содержание фразеологизма – это его внутренняя форма с указанием области культуры, которые явились источниками зарождения устойчивого оборота (*миф, легенда, фольклор, литература, история народа*), компоненты фразеологизмов, которые явились предметом культурного их осмысления (*антропоморфизмы, зооморфизмы, наименования растений, религия, единицы времени и пространства*), а также тропеические механизмы идиоомообразования (*метафора, символы, метонимия, синекдоха, олицетворение, гипербола, литота* и т.п.).

Такой набор предметов также позволяет рассматривать семантику фразеологизма и в сопоставлении. Сопоставление основывается на том, что раскрывается показатель культурной составляющей фразеологизма; указывается источник появления культурной составляющей; характеризуется культурный смысл; вскрываются тропеические механизмы идиоомообразования.

При компаративном взгляде на фразеологию изучается, прежде всего, внутренняя форма сопоставляемых структур. Образ внутренней формы лежит в основе мотивации значения фразеологизма и является источником культурной коннотации фразеологизмов, внутренняя форма провоцирует определенное эмотивно-оценочное отношение субъекта к содержанию фразеологизма, а также определяет стилистическую характеристику и особенности функционирования фразеологизмов в речи.

Межъязыковое изучение отчетливо выявляет национально-культурное своеобразие фразеологизмов, которое определяется разными причинами. Во внутренней форме содержатся элементы, непосредственно указывающие на национальную культуру; фразеологизмы соотносятся с

той или иной областью общественной жизни языкового коллектива (обиходно-эмпирический опыт народа, материальная культура, история, география и т.п.), а последние обычно несут в себе национально-культурное своеобразие.

Наконец, можно обнаружить во фразеологических единицах национальную культуру еще и потому, что значения фразеологизмов интерпретируются с позиций ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа, менталитет же всегда проявляется в рамках определенной национальной культуры.

Например, русский фразеологизм *белая ночь* и сопоставимый с ним французский *nuit blanche* (букв.: ночь белая). По компонентному составу приведенные структуры являются абсолютно идентичными, однако на уровне передаваемого ими значения определяется разница. В основу русского оборота положена особенность некоторых участков поверхности Земли, находящихся за Полярным кругом, где при определенном положении планеты относительно Солнца не наблюдается (или наблюдается частично) переход светлого времени суток (день) в темное (ночь).

Во французском языке *nuit blanche* предпочтительно употребляется со значением ‘бессонная ночь’, поэтому может возникнуть некоторое фактическое несогласование с русским ‘природный феномен’. Как видно, внешняя идентичная организация не всегда является показателем семантической тождественности. Русский фразеологизм обладает конкретным интенционалом, но узким экстенционалом по сравнению с французским, который может выражать не только значение ‘природный феномен’, но и значение ‘бессонная ночь’.

Фразеологизм *les chats ont la vie dure* – (букв.: кошки имеют жизнь трудную). Русские в подобных случаях говорят: *у кошки девять жизней* – имеется в виду, что кто-либо необычайно живуч. В общем, представление о живучести кошек возникло на базе пантеона египетских богов, в котором существовало три группы по девять богов в каждой. Поскольку египтяне покровительствовали кошке, то и возникла восточная мысль о девяти кошачьих жизнях.

Видение русского и французского народов отличается от Востока: кошка – это перевоплощенная ведьма, представительница нечистой силы (у кошки глаза светятся в темноте, она охотится ночью, падает с огромной высоты и не разбивается, излечивается сама и лечит других при помощи урчания). К тому же русский народ считал, что ведьма может превращаться в это животное лишь девять раз за всю жизнь (девять – число заверщенного цикла; сравним, к примеру, фразеологизм *за тридцать земель* – три раза по девять).

Отсюда французское «гонение» на кошку как ведьму (результат – *vie dure* – тяжелая жизнь), но русское «приписывание» человеку относительного бессмертия. Считается также, что кошка наделена девятью чувствами: осязанием, обонянием, вкусом, зрением, слухом, ощущением температуры, чувством равновесия, чувством места и времени. А еще русские говорят: *что человеку – смерть, кошке – еще одна жизнь*. Словом, кошка – животное загадочное.

Итак, межъязыковое и внутриязыковое сопоставление основывается на том блоке информации в значении фразеологизма, которая формирует и «запускает» анимационную картину (буквально прочтение) устойчивого оборота – *писать вилами по воде, толочь воду в ступе, водить за нос* и др.

Компаративная деятельность со стороны исследователя основывается на изначально заложенной в структуре устойчивого оборота одного языка возможности быть сопоставленным с единицей другого языка (или того же языка) по принципу соотнесения ассоциативно-образного начала оборотов.

В рамках родной линвокультуры данный параметр может быть неактивным, он актуализируется лишь при условии пересечения фразеосистем разных языков.

Считаем, что компаративное изучение фразеологизма раскрывает следующие принципы восприятия фразеосистем: *формальный* и *функциональный*.

Формальный состоит в том, что в случае сопоставления устойчивых оборотов как единиц языка с целью вскрытия денотативного

значения носитель рассматривает искомую единицу через призму другого языка. Если носитель рассматривает культурную составляющую, то фразеологизм из плоскости культуры одного народа переносится в плоскость миропонимания другого этноса. Оба принципа не пересекаются.

Функциональный принцип исходит из возможности одновременного толкования фразеологизма конкретного языка и культуры через призму другого языка и культуры.

Компаративное рассмотрение берет свое начало в трудах по сопоставительной фразеологии, которая формировалась на основе сопоставительной лексикологии. Как самостоятельное лингвистическое направление компаративистика начала складываться в 20-х годах XX столетия.

Намечаются некоторые основные устремления в разработке системы межъязыковых фразеологических эквивалентов: 1) разграничение межъязыковой фразеологической эквивалентности и типологической идентичности фразеологизмов разных языков; 2) выделение в семантике фразеологизмов основных компонентов, которые послужили бы основаниями для установления сходств и различий фразеологизмов разных языков; 3) особенности сопоставления фразеологических единиц разных структурно-семантических разрядов (идиом, фразеологических сочетаний, пословиц и поговорок и т.п.); 4) лингвострановедческий и лингвокультурологический аспекты сопоставительного анализа; 5) требование обязательно учитывать образно-ассоциативные особенности внутренней формы фразеологизмов при определении межъязыковых фразеологических эквивалентов.

Основу компаративного рассмотрения семантики фразеологизма составляет понятие *эквивалент*, под которым в рамках указанного параметра мы имеем в виду устойчивую единицу языка, имеющую изначально заложенную при формировании образа ту или иную степень вероятности быть переданной и понятой в другой лингвокультурной среде, единицу, отражающую степень тождественности фразеологических картин мира сопоставляемых языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считаем оправданным положить в основу разработки системы межъязыковых фразеологических эквивалентов те компоненты семантики фразеологизмов, которые были выделены и описаны в работах ученых, изучающих фразеологизмы на основе их функционально-параметрического описания (В.Н. Телия, Ю.П. Солодуб, Д.О. Добровольский, М.Л. Ковшова и др.), а также общие теоретические положения о симметрии языкового знака.

Мы предлагаем следующие виды межъязыковых фразеологических эквивалентов: *макросимметричный фразеологический эквивалент* (они совпадают по всем компонентам); *десимметричный фразеологический эквивалент* (при семантически соотносительном значении они могут иметь лексические, грамматические и лексико-грамматические различия разного рода); *квазисимметричный фразеологический эквивалент* (полные или очень близкие по структуре эквиваленты, которые могут иметь заметные различия в сфере употребления, национальной культуры, образа жизни, что обычно отражается во внутренней форме фразеологизмов); *микросимметричный фразеологический эквивалент* (они совпадают по семантике, но полностью различаются по лексико-грамматическому составу и особенностям внутренней формы, метафоризации, стилистической характеристикой и т.п.); *асимметричный фразеологический эквивалент* (они не имеют в другом языке семантически соотносительных фразеологизмов и поэтому переводятся посредством описательного толкования).

Считаем, что своеобразие фразеологизма во внутриязыковом и межъязыковом пространстве видится в пристальном изучении внутренней формы сопоставляемых структур. Образ внутренней формы лежит в основе мотивации значения фразеологизма и является источником культурной коннотации фразеологизмов, внутренняя форма провоцирует определенное эмотивно-оценочное отношение субъекта к содержанию фразеологизма, в конечном счёте, определяет

стилистическую характеристику и особенности функционирования фразеологизмов в речи.

Соотнесение межъязыкового пространства отчетливо выявляет национально-культурное своеобразие фразеологизмов. Национально-культурное своеобразие фразеологизмов определяется разными причинами: во внутренней форме содержатся элементы, непосредственно указывающие на национальную культуру; фразеологизмы соотносятся с той или иной областью общественной жизни языкового коллектива (обиходно-эмпирический опыт народа, материальная культура, история и т.п.), а последние обычно несут в себе национально-культурное своеобразие. Фразеологизмы соотносятся с отраженными в их образной структуре национально-культурными кодами (мифами, символами, архетипами, эталонами, ритуалами и т.п.).

Фразеологизмы, как правило, формируются на образно-метафорической основе, они «в обязательном порядке» участвуют в формировании языковой картины мира и тем самым являются по сути дела основаниями национальных культур.

Наконец, можно обнаружить во фразеологических единицах национальную культуру ещё и потому, что значения фразеологизмов интерпретируются с позиций ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа, менталитет же всегда проявляется в рамках определенной национальной культуры.

Библиография

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: URSS, 2001. – 416 с.

Барт Р. Критика и истина // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 319-384.

Вульфius И.М. К вопросу о классификации идиом // Русский язык в советской школе, 1929, № 6, с. 42-50.

Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 462 с.

Гак В.Г. Асимметрия в языке // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 47.

Гак В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М., 1966. – 335 с.

Иванов Вяч. Вс. Нечёт и чёт. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Том. I. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 381-604.

Карцевский С.И. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч.2. – С. 85-90.

Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. – Воронеж, 2009. – С. 32-37.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 456 с.

Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

Маковский М.М. Системность и асистемность в языке: опыт исследования антиномий в лексике и семантике. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. – 216 с.

Молотков А.И., Жост М.-Л. Учебный русско-французский фразеологический словарь. Около 1000 словарных статей. – М.: Астрель-АСТ, 2001. – 330 с.

Новый Большой французско-русский фразеологический словарь. Более 50000 выражений / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова, И.А. Будницкая, И.П. Лалаев, Л.С. Ковшова. – М.: Русский язык, 2005. – 1624 с.

Пирс Ч. Избранные произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.

Пономаренко И.Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста: Дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2005. – 322 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408 с.

Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. – М., Высш. шк. – 1980. – 143с.

Солодуб Ю.П. К проблеме сопоставительного исследования фразеологической картины мира различных народов // Фразеология и миропонимание народа: Матер. Международ. научной конф.: в 2-х частях. – Тула: ТГПУ, 2002 – Ч. 2. – Фразеология и межкультурная коммуникация. – С. 14-18.

Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп. – М: Изд-во ЛКИ, 2008. – 304 с.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М., 1999. – 272 с.

Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: коллективная монография / под рук. проф. А.М. Чепасовой. – Челябинск: ЧГПУ, 2002. – 263 с.

Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм аллегорических фразеологизмов в германских языках (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Вестник Оренбургского государственного университета, 2006. – Выпуск 11. – Т.61. – С. 203-207.

Фразеологический словарь русского языка. – СПб.: Виктория плюс, 2003. – 608 с.

Французско-русский фразеологический словарь / составители: В.Г. Гак, Н.А. Кунина, И.П. Лалаев, Н.А. Мовшович, Я.И. Рецкер, О.А. Хортик / под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Госиздат нац. и иност. словарей, 1963. – 1624 с.

ГЛАВА IV

ПРОБЛЕМА ВАРИАНТА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (на материале английского, немецкого и шведского языков)

Татьяна Николаевна ФЕДУЛЕНКОВА

1. Лингвистический статус фразеологического варианта.

Первые более или менее значительные научные труды, посвященные вопросам фразеологической вариантности, появились в середине XX века. С тех пор прошло всего несколько десятков лет, но проблема эта все еще далека от своего решения и с каждым годом привлекает внимание все большего и большего числа исследователей языка. «Сложность изучения проблемы вариантности», – утверждал Г. Глисон, – «обусловлена сложностью самого процесса лингвистического изменения, который

представляет собой не единый акт, а совокупный результат ряда совершенно различных процессов, протекающих более или менее независимо друг от друга» [Глисон 1959: 381].

Взгляды лингвистов на проблему вариантности подразделяются, в основном, на две группы. Одни исследователи рассматривают варианты как избыточную категорию в языке [Лукьянова 1970: 157], как недостаток естественного языка [Аврорин 1974: 6-12], как аномальное явление [Горбачевич 1975: 55]. Другие пишут о вариативности как о фундаментальном свойстве языка, присущем всем его единицам и уровням [Кодухов 1974: 187], подчеркивая, что способность к варьированию является неотъемлемым свойством функционирующего языка, без которого его изменение и развитие немыслимы [Болгова 1974: 20; Воронов 1976: 123].

Нельзя не согласиться с Ф.П. Филиным в том, что вариантность есть одно из важнейших условий развития языка, так как через изменение соотношений между вариантами происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях [Филин 2008]. Вариантность оценивается многими лингвистами как «имманентное функциональное свойство языка» [Абрамов 1982: 3], как «непременное условие функционирования языка» [Литвин 1988: 84], как «способ существования и функционирования всех единиц языка» [Солнцев 1982: 71].

Что касается динамики развития категории вариантности в целом, выявляемой при сравнении отдельных языковых систем, то здесь также не наблюдается единства точек зрения. Одни исследователи делают вывод о преходящем характере вариантности, утверждая, что вариантность в целом постепенно и окончательно убывает [Семенюк 1965: 157; Горбачевич 1978: 26]. Приверженцы отличной точки зрения склоняются к признанию прогрессирующего характера языкового варьирования, играющего большую роль в развитии языка [Краморенко 1962: 18; Супрун 1966: 77; Федосов 1974: 124; Воронов 1976: 111]. Полностью разделяя мнения лингвистов о непреходящем характере языкового варьирования, подчеркиваем, что без варьирования и вне варьирования невозможно себе представить изменение и развитие языка.

Все лингвисты, исследующие проблему фразеологического варьирования, тем не менее, отмечают чрезвычайную сложность этого явления. В самом деле, фразеологическая единица является такой структурой, в которой означаемое представлено, по терминологии А.И. Смирницкого [1998: 208], «специфически употребленными словами», или лексическими компонентами. Этот факт, естественно, и ведет к разнообразию фразеологической вариантности, так как позволяет фразеологической единице совмещать в себе все виды вариантности, присущие фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому и семантическому уровням анализа. Показательно в этом смысле наблюдение Э.А. Макаева, который утверждает, что «...по направлению от низших единиц к высшим, от низших уровней языка к высшим возрастает количество конструктивных единиц уровня, увеличивается архитектурная сложность данных единиц, возрастает сложность их парадигматических и синтагматических отношений, возрастает степень их вариативности» [Макаев 1962: 49]. Зависимость различительных средств от высоты уровня, в свою очередь, отмечается Н.Д. Арутюновой, которая пишет: «Чем выше уровень, тем разнообразнее его структура, тем сложнее устройство механизма дифференциации, поскольку в него вплетаются дистинктивные средства, возникшие в недрах предшествующих ярусов... Понятие плана выражения обогащается и в то же время расслаивается, переходя в понятие наборов дистинктивных средств каждого структурного уровня» [Арутюнова 1968: 76].

Аргументируя фразеологическую вариантность как частную проблему вариантности в языкознании, отмечаем, что для фразеологизмов, как единиц более сложных по сравнению со словом, проблема вариантности является особенно актуальной, поскольку с усложнением архитектуры языковой единицы возрастает многообразие видов ее варьирования. Действительно, если варьирование фонем, главным образом, проявляется в потенциальном присутствии фонологически несущественных признаков, варьирование морфем состоит в комбинаторике фонем, варьирование в лексике заключается в

семантически несущественных отличиях, то в фразеологических единицах объединяются все эти виды формального и формально-смыслового варьирования, не исключая варьирования на лексическом и синтаксическом уровнях.

Естественно, что вариантность в области фразеологии – это результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: адаптация к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, передача колорита времени, создание эффекта новизны единицы, а также стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции.

В середине двадцатого столетия фразеологические единицы как языковые знаки были отделены от переменных и устойчивых словосочетаний нефразеологического характера на том основании, что, они, подобно словам: а) обладают устойчивостью и воспроизводимостью в готовом виде (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, С.И. Ожегов), б) характеризуются цельностью номинации (В.А. Архангельский, А.В. Кунин, О.С. Ахманова) и в) могут идентифицироваться словом-синонимом (Ш. Балли, В.В. Виноградов). Эта дифференциация сыграла большую роль в формировании фразеологии как науки. Тем не менее, подчеркивание сходства между фразеологизмом и словом и недооценка имеющихся различий привели к односторонности фразеологического анализа. В этой связи характерным является высказывание Н.Н. Амосовой: «Обычно принято указывать на эквивалентность фразеологических единиц слову. Но если В.В. Виноградов подчеркивает относительный, ограниченный, односторонний характер этой эквивалентности, то многие из исследователей английской фразеологии, подхватив эту идею, абсолютизировали ее, не углубляясь в детали этого сопоставления» [Амосова 1963: 179].

Дело в том, что перенесение результатов лексикологического анализа вариантов в область фразеологии повлияло на взгляды на фразеологическую вариантность. Это влияние выразилось в том, что явление фразеологической вариантности связывалось многими исследователями с определением границ сохранения тождества. И,

следовательно, как в лексикологии, формально-структурные изменения допускались лишь в той степени, в какой оставалась выраженной материальная общность языковых единиц (*лексический инвариант, стабильная структура, схема отношений между элементами* и др.) и при этом сохранялось неизменным их значение. И даже те исследователи, которые признавали, что, в случае варьирования означающего фразеологических единиц постоянного элемента структуры может не оказаться (как, например, в ФЕ: *close/ shut the/ one's eyes/ ears to smb/ smth*), допускают возможность описания вариантности в области фразеологии по схеме решения проблемы отдельности и тождества слова [Толикина 1967: 209].

И в это время в сфере фразеологии начинает превалировать тенденция перенесения проблемы вариантности в план выражения. Сравним следующие определения фразеологического варианта:

«Структурными вариантами идиомы являются сочетания, допускающие известные формальные вариации второстепенного порядка, не отражающиеся ни на мотивировке идиомы, ни на характере ее реализации» [Амосова 1963: 100].

«Фразеологические варианты — это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [Кунин 1964: 442].

«Фразеологические варианты ... при общности значения характеризуются полным тождеством образной структуры и экспрессивно-стилистической окраски, что и создает возможность параллельного их функционирования в различных контекстах» [Авалиани, Ройзензон 1968: 72].

Сравнивая эти определения, отмечаем, что их объединяющей чертой является тезис, заключающийся в том, что вариантные формы лексем не несут дополнительной относительно друг друга информации.

Концепция фразеологической вариантности ощутила на себе также влияние дискуссии о возможности стилистической и экспрессивной дифференциации вариантов в результате формально-структурных изменений. Значительная часть исследователей фразеологии допускает возможность таких расхождений, включая их в определения фразеологической вариантности.

Интересен тот факт, что если в лексикологии проблемы вариантности и синонимии рассматриваются, с одной стороны, как смежные явления, а с другой стороны, проводится их принципиальное разграничение, то в сфере фразеологии, напротив, наблюдается единодушие исследователей, которое характеризует не столько определение диапазона варьирования и установление его критериев, сколько определяет общий подход к решению вопроса. В то время, как авторы некоторых работ в области лексикологии подчеркивают необходимость разграничения вариантности и синонимии как принципиально разных явлений, в исследованиях по фразеологии 60-х годов оба эти явления рассматриваются параллельно как смежные и взаимосвязанные, и вынесение фразеологической вариантности в план выражения не мешает исследователям рассматривать фразеологические варианты как потенциальный источник пополнения синонимических рядов. Тем не менее, для адекватного описания материала оказалось недостаточным разделение семантически равноценных фразеологизмов на варианты, характеризующиеся формально-структурными изменениями, нерелевантными для плана содержания, и на синонимы, характеризующиеся тождественными значениями, оформленными независимыми структурами и сформировавшимися на основе разных образов. Наряду с признанием в вариантах наличия формальных изменений, а в синонимах – семантических модификаций, исследователи вынуждены были выделять группу промежуточных явлений, совмещавших элементы формального и семантического варьирования, но не являвшихся ни тем, ни другим. Языковым единицам этой группы присваивались разные терминологические наименования, как-то: *структурные синонимы, синонимичные варианты, варианты-синонимы.*

Но независимо от названия суть их была одна: они призваны были снять противоречия в фразеологической теории, согласно которой изменения формального характера, или варианты, имеют выход в план семантический, или синонимию, и послужить своего рода переходной ступенькой, связывающей оба названные явления.

Анализируя взаимоотношения вариантности и синонимии в фразеологии и цитируя В.И. Свидерского, А.В. Кунин подчеркивает, что «суть диалектического отрицания состоит в том, что новое состояние, преодолевая старое состояние, включает в себя в снятом, преобразованном виде положительное содержание предшествующего состояния» [Кунин 1964: 559]. Подобную ступенчатость развития автор усматривает в переходе невариантных фразеологических единиц в варианты, а затем в структурные синонимы, где каждая стадия является более высоким уровнем развития по сравнению со старым состоянием. «Несмотря на избыточность фразеологических вариантов, – пишет далее А.В. Кунин», – «их широкое распространение, видимо, объясняется потребностью в разнообразных средствах выражения одной и той же информации». Структурная синонимия, по мнению автора, снимает избыточность, свойственную фразеологической вариантности, но эта избыточность может сохраниться и уживаться с новым качеством.

Итак, при описании вариантности фразеологических единиц большая часть исследователей руководствуется тремя направлениями: вариантность и инвариантность, вариантность и тождественность, вариантность и синонимия. Инвариантность при этом рассматривается как разного рода устойчивость, которая обеспечивает тождественность фразеологической единицы. Так, разрабатывая теорию фразеологической устойчивости, А.В. Кунин обнаруживает пять видов инвариантности, или микроустойчивости фразеологических единиц, а именно: 1) устойчивость употребления, 2) структурно-семантическая устойчивость, 3) семантическая устойчивость, 4) лексическая устойчивость и 5) синтаксическая устойчивость [Кунин 1972: 6-8]. То есть термин *инвариант* используется и в отношении постоянных лексических компонентов фразеологических единиц, и применительно к их

грамматической структуре, и к значению, а тождественность понимается как совокупность инвариантов.

Точка зрения А.Д. Райхштейна отличается оригинальностью: ученый отказывается от непосредственного противопоставления понятий *инвариант* – *вариант* и считает более последовательным сопоставление изменяемости и вариантности как способности фразеологических единиц к значащему и незначащему преобразованию формы. По мнению ученого, «инвариант – это двусторонняя единица более высокой ступени абстракции, представленная всеми формами изменения, получаемая путем отвлечения от некоторых их формальных и смысловых признаков и обобщающая их по содержанию» [Райхштейн 1974: 59].

Кстати, первые попытки определения вариантности фразеологических единиц на базе функционально-семантического тождества изменений ФЕ, различающихся по своему лексическому составу и/или грамматическому строению, принадлежат Э.С. Паулаускене. Эти попытки интересны тем, что в теоретическом плане связаны с системным подходом к проблеме тождества и различия языковых единиц. Автор отмечает: «Значение фразеологической единицы не исчерпывается одним ее словарным значением: она очень часто содержит в себе указание на родственные ряды фразеологических единиц и значений, она выражает отношение к другим словам, в окружении которых она находится» [Паулаускене 1957: 13]. Автор определяет варианты фразеологизмов как «разновидности устойчивых словосочетаний, образованные на основе одной и той же фразеологической модели, обладающие известными структурными различиями и воплощающими одни и те же образы, перенесенные из реальной действительности. Значения вариантов в целом, как и фразеологически связанные значения их компонентов, полностью совпадают, но одновременно некоторые варианты выражают определенные смысловые оттенки, которые, однако, не разрушают их единства. Одновременно имеются варианты, различающиеся по стилистическому употреблению» [Паулаускене 1957: 28]. Цитируемое определение показывает, что в основу определения вариантности

фразеологических единиц положена общность значения, единство которого поддерживается, по мнению автора, соотносительностью с материально выраженной общностью. При этом материально выраженная общность может иметь различия в грамматическом и лексическом наполнении, но эти различия не являются существенными, если слова-заменители совпадают по значению, и отклонения от фразеологической модели теряют свою значимость, не разрушая единства целого. По мнению автора, тождество вариантов основано не только на общности значения и фразеобразовательной модели, но и на единстве образа, положенного в основу фразеологизма, и совпадении значений отдельных компонентов ФЕ. В рассматриваемой работе, таким образом, функциональный критерий тождества дополняется и одновременно контролируется признаком, не имеющим функциональной значимости. В определение вариантов, кроме того, был введен признак совпадения фразеологически связанных значений компонентов, реально существующий лишь для определенных членов фразеологических сочетаний.

Как следствие, постановка проблемы вариантности фразеологизмов в плане функционального тождества выводит автора за рамки определения вариантов как абсолютно тождественных по смыслу изменений фразеологизма. Автор, по сути дела, расширяет понятие варианта за счет включения в категорию вариантности смысловых изменений, а также изменений в грамматическом строении фразеологических единиц. В своей работе Э.С. Паулаускене приходит к выводу, что такие чисто формальные признаки, как наличие общего лексического компонента и одинаковое синтаксическое строение не являются обязательными признаками фразеологических вариантов, поскольку у единицы в результате разных грамматических преобразований и лексических подстановок может нарушаться материальное сходство при сохранении тождества значения единицы.

Считаю, что наиболее последовательно принцип гомогенности объектов выдержан в трудах Г.И. Краморенко, посвященных вариантам идиом современного немецкого языка. Подход автора к исследованию

вариантности идиом основан на тезисе о широте, неконкретности значения фразеологического оборота за пределами контекста, что и порождает вариабельность его значения [Краморенко 1962: 40]. Изучение характера семантических отношений между вариантами ФЕ в целом и между их варьирующимися компонентами дает возможность автору сделать вывод о том, что любое изменение формы отражает изменение в смысловом содержании (лексическом или лексико-грамматическом), которое далеко не всегда свидетельствует о разрыве тождества. Автор отмечает, что в научной литературе вариантами считались только такие фразеологизмы, которые характеризовались постоянством смысла и неизменностью грамматической структуры, и, исследуя проблему фразеологического варианта, делает вывод, который заключается в том, что для отождествления вариантов ФЕ необходимо обращение к *функционально-семантическим критериям* – к общности значения, которое, как утверждает автор, поддерживается общностью лексического состава и единством образа, и с другой стороны – общностью конструктивно-семантических признаков, а именно: одинаковой сочетаемостью, управлением, регулярностью, или парадигматичностью, изменений по категориально-грамматическим признакам (время, вид, лицо, число, падеж и др.). По мнению Г.И. Краморенко, несоответствие этим признакам свидетельствует о разрыве тождества.

Отметим, что в отличие от Э.С. Паулаускене и Г.И. Краморенко, фразеологические варианты определяются А.И. Смирницким лишь только как формальные изменения, т.е. изменения по лексическому составу. А.И. Смирницкий в связи с этим утверждал, что признание тех или иных образований вариантами одного и того же слова требует следующих условий: а) «чтобы, различаясь, они имели общую корневую часть, а следовательно – материально, в звуковой оболочке выраженную лексико-семантическую общность», б) «чтобы, вместе с тем, не было соответствия между материальными, звуковыми различиями и различиями лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних». Резюмируя свои рассуждения, А.И. Смирницкий далее пишет, что «различие между вариантами, не являющееся различием

грамматических форм, может быть либо лексико-семантическим, не выраженным во внешней стороне слова, либо, напротив, внешним, но тогда не выражающим никакого лексико-семантического различия» [Смирницкий 1954: 135].

Взвешивая представленную концепцию вариантности, следует отметить, что такое сужение понятия вариантности предопределяется, с одной стороны, авторским отождествлением категориальных признаков вариантности слов и фразеологических единиц, и с другой стороны, подходом к проблеме вариантности с позиции синонимии.

Предложенная А.И. Смирницким концепция вариантности слова положена в основу определений фразеологических вариантов и рядом других исследователей фразеологии. В связи с этим к концу шестидесятых годов назревает необходимость детального рассмотрения специфических признаков фразеологической вариантности, которые демонстрируют его существенное отличие от вариантности слова. Фундаментальную попытку справиться с этой задачей делает В.Н. Телия, которая прежде всего отмечает качественное отличие морфологических вариантов слова и лексических вариантов идиом (частного случая фразеологических единиц) как варьирование означающего языковых единиц. Два слова, рассуждает автор, рассматриваются как варианты, если различие в аффиксах при наличии одной корневой морфемы не выражает никакой лексико-семантической дифференциации (ср. лиса – лисица). В распоряжении лексикологов при этом имеются регулярные парадигматические и синтагматические средства идентификации аффиксальных морфем как единиц морфологического уровня языка. Что касается фразеологических единиц, то в их составе далеко не всегда (если вообще возможно) выделить аналог корневой морфемы, «некий смысловой, семантический центр» или «семантически опорное слово». Доказывая неубедительность попыток выделить и определить эти понятия, В.Н. Телия обращается за подтверждением своей точки зрения к Н.Н. Амосовой, которая по этому поводу писала, что понятие «семантический центр» совершенно неприменимо к идиомам (все равно мотивированным или немотивированным). Принципиально неверно

наделять какой-либо элемент, формирующий целостное значение идиомы иллюзорно повышенным семантическим весом» [Амосова 1963: 156; Телия 1968: 195]. Продолжая отстаивать свою точку зрения, В.Н. Телия пишет, что составляющими («интегрантами») плана содержания идиом являются не единицы содержания нижележащего уровня, как, например, значения аффиксальных морфем являются составляющими плана содержания слова (вследствие чего они и признаются единицами морфологического уровня). Ими являются элементы лексических значений слов, слившиеся в той или иной степени, и вследствие этого слияния лексические компоненты идиом не могут быть идентифицированы как единицы лексико-семантического уровня. Варианты фразеологических единиц («идиом»), помимо того, что «корневая часть» в них, как правило, не может быть выделена, т.е. лексико-семантический стержень не выражен, могут не совпадать по материальному составу (ср. *ломать дурака*, *валять ваньку*). Эти рассуждения приводят автора к выводу о том, что критерий материальной (в звуковой оболочке, или точнее – в плане выражения) общности как показатель лексико-семантического единства не является релевантным признаком для фразеологических вариантов, тем более, что и синонимичные фразеологизмы могут иметь общность в лексическом составе и выявляют в определенных контекстах семантическую общность, что отнюдь не означает их тождественности (ср. *считать звезды* и *считать ворон*) [Телия 1968: 197].

Под влиянием неравномерности самого процесса фразеологизации («идиоматизации», т.е. слияния двух или более означаемых слов в одно означаемое фразеологической единицы) план содержания ФЕ может сохранить ту или иную степень мотивированности. Это значит, что сохраняются ассоциативные связи между элементами смысла и элементами плана выражения. При условии мотивированности различию в составе лексических компонентов может соответствовать смысловое различие, т.е. оттенок значения. Выраженность такого рода смыслового различия по существу отличается от выраженности типа *классный* и *классовый*, *заварить кашу* и *расхлебать кашу*, так как выражаются

различия, (а) не затрагивающие денотативного содержания фразеологической единицы, т.е. ее референтной соотнесенности, и (б) не совпадающие с различием между значением компонентов в их узואальном употреблении. В.Н. Телия поясняет это на следующем примере. В ФСРЯ приводится идиома *заронить искру / зерно / семя (чего)* со значением *возбудить, вызвать какое-либо чувство; дать основание, повод к чему-либо*. В единицах *заронить искру* и *заронить зерно / семя* наблюдается различие в субстантивных компонентах, чему соответствует и смысловое различие по интенсивности проявления чувства (связанное с составом ФЕ *заронить искру*). Этот оттенок значения невозможно обнаружить, сравнивая значения слов *искра* и *зерно / семя* в их обычном употреблении; он появляется за счет реализации в означаемом ФЕ смысла *начало, основание* в его ассоциативных связях с элементами означающего. Как утверждает автор, «спецификация означаемого *заронить искру* проявляется в невозможности употребления этого состава в контексте, значения ключевых слов которого несовместимы с интенсивным проявлением чувства... ср. неправильные сочетания *заронить искру скептицизма, непротивления, равнодушия и т.п.*» [Телия 1968: 200-201].

По мнению В.Н. Телия, именно такая трансформация компонентного состава фразеологической единицы, обуславливает возможность существования различий и в плане выражения, и в плане содержания ФЕ при наличии следующих условий: 1) эти различия не образуют самостоятельной знаковой функции, что приводит к распаду фразеологизма или уменьшению количества его компонентов, и 2) эти различия не разрушают тождества знака, т.е. не изменяют референтной отнесенности языковой единицы и ее системной значимости. Иными словами, специфика фразеологических единиц показывает, что определение вариантов слова, предложенное А.И. Смирницким, не может быть применено к фразеологическим вариантам без уточнений, вызываемых особенностями фразеологических единиц как структурных единиц языка.

Испытывая влияние идеи асимметричного дуализма лингвистического знака [Карцевский 1965: 85-90], В.Н. Телия делает попытку установить двустороннее варьирование фразеологической единицы и пишет, что намерена считать вариантами фразеологической единицы такие ее узуальные изменения, которые не изменяют референтной соотнесенности (объема понятия) означаемого и его лексико-грамматических свойств при возможных изменениях сигнификативного значения (содержания понятия), не нарушающих, тем не менее, системной значимости единицы, т.е. ее соотношения с другими единицами в синонимических и предметно-тематических отношениях, фразообразовательных отношениях, в антонимических противопоставлениях, а также синтаксическую эквивалентность вариантов. Таким образом, заключает автор, «если замена в одном из планов знака не вызывает изменения в другом из планов, т.е. не нарушает свойства инвариантности, а именно – тождества референтной соотнесенности единицы и ее значимости, а также и идентичности смыслоразличительных функций компонентов, то имеет место варьирование единицы в одном из ее планов, или в обоих вместе» [Телия 1968: 229-230].

Более того, в своей работе В.Н. Телия вводит понятие семантически выраженных вариантов, где наблюдается изоморфизм членения сторон знака. Например, в фразеологической единице *бередить рану (душу)* семантический вариант *волновать, тревожить, беспокоить* манифестируется лишь означаящим *бередить душу*. Смысловое варьирование, отмечает В.Н. Телия, является принадлежностью одного, отдельного значения фразеологической единицы и не должно смешиваться с лексико-семантическим варьированием в целом. Тем не менее, введение лексико-семантических модификаций и семантически отмеченных вариантов размывает границы варьирования и синонимии, что признает и сама В.Н. Телия.

В решении проблемы вариантности фразеологической единицы А.В. Кунин в качестве отправной точки принимает функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы

системы. Такой подход к объекту исследования обусловил выделение предложенных им критериев (см. [Кунин 1964: 342]), на основе которых предлагается следующее определение вариантов: «Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [Кунин 1964: 442]. Автор выделяет следующие типы фразеологических вариантов: 1) лексические варианты: big/ fat/ heavy/ long/ well-lined purse; 2) морфологические варианты: get into deep water/ waters; 3) синтаксические варианты: blow away the cobwebs / blow the cobwebs away; 4) позиционные варианты: dot the i's and cross the t's / cross the t's and dot the i's; 5) количественные варианты: keep your chin up / chin up [Кунин 1964: 445-491]. Исследователь предусматривает распад фразеологической вариантности в следующих случаях: а) в случае возникновения между вариантами тех или иных различий семантического или стилистического порядка или различий в сочетаемости фразеологических оборотов даже при тождественности значения; б) в случае устаревания варианта и превращения фразеологизма в безвариантную единицу; в) в случае утраты лексического инварианта и перехода фразеологизма в *переменно-устойчивые варианты*, или *структурные синонимы*.

А.В. Кунин считает, что «если у фразеологических единиц с частично различным лексическим составом имеется одинаковое число значений, но они не полностью совпадают, отличаясь оттенком, образностью, стилистической направленностью или сочетаемостью, то образуются структурные синонимы» [Кунин 1964: 442]. Следовательно, фразеологические единицы, которые характеризуются изменением лексического состава, противопоставляются как варианты, если они абсолютно тождественны по смыслу и валентности, и как структурные синонимы (некая промежуточная категория между вариантами и

синонимами!) – если отсутствует абсолютное тождество смысла и идентичный объем окружения.

Дифференциация формальных и семантических вариантов в классе идиом наиболее последовательно проводится В.И. Зиминым. В области семантического варьирования автор выделяет: а) семантические варианты полисемантического фразеологизма, б) функциональные семантические варианты одного и того же значения фразеологизма, иными словами, «варианты вариантов» [Зимин 1972: 70-82]. Критерии выделения первого типа сводятся к одинаковой понятийной соотнесенности, дистрибутивному окружению и однотипным связям со всей лексико-семантической системой языка. Преобладание в значении функционального фактора оставляет единицу на уровне *варианта вариантов*.

Существующие в научной литературе определения вариантов и их категориальных признаков свидетельствуют о том, что много противоречивых и спорных моментов заключает в себе проблема отождествления и идентификации фразеологических единиц, различающихся по лексическому составу, а также проблема разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов.

В последние десятилетия опубликован целый ряд работ, исследующих как общие, так и частные проблемы вариантности (Мокиенко 1974; Донской 1979; Диброва 1980; Прокопьева 1980; Солнцев 1982; Ширнина 1989; Мелерович 1992; Кунин 1996; Федуленкова 2014; и др.), анализ лингвистической позиции которых дает возможность сделать заключение, что современное состояние проблемы вариантности сводится к следующим положениям:

1) процесс варьирования в области фразеологических единиц рассматривается для плана выражения и для плана содержания в отдельности;

2) в плане выражения, т.е. формального или чисто структурного варьирования, согласно уровням системы, выделяются морфологические, лексические, синтаксические, позиционные, количественные варианты;

3) в плане содержания, т.е. семантического варьирования, выделяются (а) лексико-семантические варианты, или отмечается полисемия языковой единицы, и (б) функциональные варианты одного значения или одного из значений фразеологической единицы.

Проблема варианта как динамического компонента в структуре фразеологии, не противоречащего тождеству фразеологической модели, рассматривалась автором в ряде работ [см., напр.: Федуленкова 1998: 461; 2003: 248; 2012: 226; 2014: 53]. При решении проблемы вариантности фразеологической единицы в качестве отправной точки принимаем функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы системы. Именно такой подход к объекту исследования обусловил выделение ряда критериев [Кунин 1964: 442], на основе которых фразеологические варианты рассматриваются нами как разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов. Такое понимание вариантности ФЕ обеспечивает однотипный подход к выявлению изоморфных и алломорфных черт в структуре и семантике сопоставляемых фразеологизмов и их микросистем в трех изучаемых германских языках: английском, немецком и шведском.

2. Специфика фразеологического варианта в изучаемых германских языках. Варианты одной и той же ФЕ всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную [Федуленкова 2012: 64, 130; 2015: 43, 98]. Материал исследования позволяет выделить следующие типы вариантов в каждом из сопоставляемых германских языков:

1. Лексические варианты фразеологических единиц.

Лексическими вариантами ФЕ называем разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости

с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе [Fedulenkova 2000: 344-350].

а) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми глагольными компонентами:

англ. to pull (snatch) smb out of the fire – спасти кого-л. от неминуемого провала, выручить кого-л. из беды, to bear (carry) one's cross – безропотно переносить все превратности судьбы, to bend an ear to (give ear to, lend an ear to) – внимать, to open (incline) one's ears – прислушиваться, to bind (tie) smb hand and foot – связать кого-л. по рукам и ногам, ограничить свободу действий, to act (play) the fool – валять дурака, вести себя по-дурацки, делать глупости, to trample (tread) under foot – подавлять, тиранить, помыкать, расправиться с кем-л., попирать (чьи-л. чувства, человеческое достоинство и т.п.), to put (set) one's hand to the plough – начинать работу, приниматься за дело, приступать к чему-л., браться за что-л., to take (lay) smth to heart – принимать что-л. близко к сердцу, to bend (bow) the knee to smb – преклонить колена перед кем-л., покориться, подчиниться кому-л., to cast (throw) in one's lot with smb – связать свою жизнь с кем-л., разделить чью-л. судьбу;

нем. alles über einen Leisten schlagen (machen) – мерить всех одной меркой, стричь под одну гребенку, mit einem eisernen Stabe weiden (regieren) – деспотически править, держать в ежовых рукавицах, sich mit Händen und Füßen gegen etw sträuben (stemmen, wehren) – *разг.* отбиваться руками и ногами от чего-л., противиться всеми силами чему-л., die Karre in den Dreck fahren (schieben) – *разг. фам.* провалить дело, j-n auf den Leim locken (führen) – поймать на удочку, обмануть кого-л., etw ins rechte Licht stellen (setzen) – правильно осветить, описать что-л., sich gleich auf den Kopf stellen (setzen) – *разг.* сразу становиться на дыбы, легко впадать в амбицию, Kopf und Kragen aufs Spiel setzen (wagen) – рисковать головой, etw beim rechten Zipfel anfassen (anpacken) – умело взяться за что-л., unter die Räder kommen (geraten) – погибать, пропадать, разоряться, опускаться, Wurzel schlagen (fassen) – пускать корни, прививаться;

швед. att bli (komma, vara) på efterkälken (med ngt) – отставать, отстать, оказаться в хвосте, att fatta (visa) humör – разозлиться, att komma

(vara) i ropet – быть модным популярным, att komma (råka) ur gängorna – выбиться из колеи, быть в плохом настроении, att förbanna (förinta, utplåna) den dag han blev född – проклинать тот день, когда появился на свет, att skölja (två) sina händer – умыть руки, уходить от ответственности, att utforska (rannsaka) ngns hjärta – заглянуть к себе в душу, анализировать свои поступки, att se (beställa) om sitt hus – устроить свои дела, привести свои дела в порядок, att lägga (breda) ut ett nät för ngns fötter – стараться поймать кого-л. в свои сети, att valla (styra) ngn med en stav av järn (järnspira) – править, держать в ежовых рукавицах;

б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами:

англ. to nail one's colours (flag) to the mast – открыто отстаивать свое мнение, не сдавать своих позиций, to find favour in smb's eyes (sight) – заслужить чье-л. расположение, благосклонность, любовь, a fisher of men (souls) – ловец человеческих душ, проповедник, to go to heaven (kingdom-come) – отправиться на небеса, pride goes before a fall (destruction) – гордыня до добра не доведет, to lose the day (field) – проиграть сражение, to cross smb's hand (palm) – «посеребрить» ручку, idleness is the mother (the root) of all evil (sin, vice) – праздность есть мать (корень) всех пороков (грехов), [to be] a cool beggar (card, customer, fish, hand) – быть хладнокровным, трезвомыслящим человеком, to split hairs (straws) – вдаваться в чрезмерные подробности, проявлять педантизм;

нем. Gerstenbrote (Brote) und Fische – земные блага, ein Löwe auf dem Wege (den Gassen) – воображаемое препятствие, мнимая опасность, wie ein Blitz (Blitzschlag, Blitzstrahl, Donnerschlag) aus heiterem Himmel über j-n kommen – разразиться внезапно, j-m den Text (ein Kapitel, die Leviten, die Epistel) lesen – *разг.* отчитывать, журить кого-л., читать нотации, нравоучения кому-л., mir liegt ein Dreck (Quark) daran – *разг. груб.* мне на это наплевать, am Rande des Abgrundes (des Verderbens, des Unterganges, des Ruins) stehen – стоять на краю гибели, пропасти;

швед. att hänga sina lyror (harpor) i pilträden – перейти от веселья к унынию, att njuta av landets rikedomar (fetma) – жить припеваючи, att sätta sin lampa (sitt ljus) under sädessmättet (skäppan) – *книжн.* заглушать, не

давать развернуться таланту, att sätta foten på ngns nacke (hals) – поработать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л., inte vara värdig att knyta upp ngns sandalremmar (skorem(mar)) – быть недостойным (развязать ремень на башмаке кого-л.), [att se] flisan (grandet) i ngns öga – замечать сучок в чужом глазу, видеть чужой недостаток;

в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами:

англ. to have free (full) scope – иметь полную свободу действий, иметь возможность проявить себя, to have a biting (bitter, caustic, venomous) tongue – быть острым на язык, [to be] leading (shining) light – светило, знаменитость, to rule with a heavy (high, an iron) hand – деспотически править, держать в ежовых рукавицах, to have a good (great) mind to do smth – иметь твердое намерение сделать что-л., to be in a fine (pretty, sorry) pickle – *разг.* быть в полном беспорядке, вверх дном, в плачевном состоянии;

нем. eine lockere (lose) Hand haben – давать волю рукам, eine spitze (scharfe, beißende, giftige) Zunge haben – быть острым на язык, ein brennend (scheinend) Licht [sein] – знаменитость, eine kräftige (gute) Handschrift schreiben – иметь тяжелую руку, сильно бить, in guten (zuverlässigen) Händen sein – быть в надежных руках, böse (schlechte) Gesellschaft verdirbt gute Sitten – дурные примеры заразительны, eine andere (neue) Tour versuchen – *разг. фам.* использовать новый прием;

швед. brinnande (skinande) lampa – знаменитость, att ha en vass (elak, bitande, giftig) tunga – быть злым на язык, [att få] ett ogrumlat (friskt) öga – быть целеустремленным, честным, прямолинейным, att ha skuldlösa (rena, oskyldiga) händer – быть честным, незапятнанным, [att göra ngt] med redo (bägge) händer – усиленно, непрерывно (заниматься чем-л.), Mediens och Persiens orubbliga (oryggliga) lag – вечный, незыблемый закон, den ohederliga (orättrådiga) mammon – деньги, богатство, den inre (invärtes) människan – внутреннее «я», ум, душа, ngns finger är grövre (tjockare) än ngn annans länd – и мизинца не стоит, ничто в сравнении;

г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами:

англ. to live on (off) the fat of the land – жить в роскоши, припеваючи, как сыр в масле кататься, to have a millstone about (round, around) smb's neck – испытывать тяжелую ответственность, to go beyond (over) the mark – перегнуть палку, хватить через край, to tear the mask from (off) smb – разоблачить кого-л., to cast a spell on (over) smb – очаровывать кого-л.;

нем. ein gutes Geschäft mit (bei) etw machen – хорошо заработать на чем-л., vor (bei) j-m Gnade finden – удостоиться чьей-л. милости, угодить кому-л., Gnade vor (für) recht ergehen lassen – сменить гнев на милость, über Geschmack (den Geschmack) lässt sich nicht streiten – на вкус и цвет товарища нет, о вкусах не спорят, in die (zur) Grube fahren – разг. отправиться на тот свет;

швед. att vända den andra kinden mot (åt) ngn (till) – подставить другую щеку, [att bli] våt inpå (in, på) bara kroppen – промокнуть до нитки, att få bukt med (på) ngn, ngt – совладать, справиться с кем-л., с чем-л., att stanken från (av) ngt i näsan – вызывать отвращение, омерзение у кого-л., att kasta pärlor åt (för) svinen – метать бисер перед свиньями, ngns blod ropar från (utav) jorden – лежать на чьей-л. совести.

2. Грамматические варианты фразеологических единиц.

Грамматическими вариантами ФЕ называем разновидности фразеологической единицы тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант, но отличающиеся в морфологическом, синтаксическом или морфолого-синтаксическом отношении.

а) морфологические варианты ФЕ:

англ. incline one's ear (ears) – выслушивать, to make broad one's phylactery (phylacteries) – *книжн.* выставлять напоказ свою набожность, to lend an ear (ears) to smb – внимать, прислушиваться к кому-л., pride goes (or goeth) before a fall (pride will have a fall) – гордыня до добра не доведет;

нем. im Gang (Gange) sein – быть в полном разгаре, ein Haus, wenn es mit sich selbst uneins wird (ist) – раздор между своими, междоусобица, der Herr von dem Schaffen (des Schaffens) – *шутл.* «венец творения», мужчина, sein Gift (ver)spitzen – *разг.* изливать свою желчь, von etw die

Hände (weg)lassen – не впутываться во что-л., не связываться с чем-л., держаться подальше от чего-л.;

швед. att ropa ut (utropa) ngt från taken – провозглашать во всеуслышание, кричать на всех перекрестках, att bygga sitt hus på sand(en) – создавать, основывать что-л., не имея прочного фундамента, att mala (söndermala) de fattiga till stoft – жестоко угнетать, безжалостно эксплуатировать бедняков, flytta (förflytta) berg – горы сворачивать;

б) морфолого-синтаксические варианты ФЕ:

англ. to lie at smb's door (at the door of smb) – лежать на чьей-л. совести, [to be] clay in smb's hands (in the hands of smb) – быть послушным, податливым, to strengthen smb's hand (the hand of smb) – оказывать помощь, поддержку кому-л., укреплять чьи-л. позиции, to stink in smb's nostrils (in the nostrils of smb) – вызывать отвращение, омерзение у кого-л.;

швед. rubba ngns cirklar – нарушить чьи-л. планы, расчеты, att samla glödande kol på ngns huvud (på huvudet av ngn) – пристыдить кого-л., отплатив добром за зло, обезоружить кого-л. великодушием, förkorta ngns arm (förkorta arm av ngn) – ограничить чьи-л. возможности, slå blå dunster i ögonen på ngn (i ngns ögon) – говорить вздор, обманывать, пускать пыль в глаза; sätta foten på ngns nacke (på nacke av ngn) – всецело подчинять себе кого-л.

3. Квантитативные варианты фразеологических единиц [см. тж.: Fedulenkova 2003: 11-22].

Квантитативными вариантами ФЕ называем разновидности фразеологической единиц, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при различном количестве компонентов в результате усечения или расширения компонентного состава ФЕ, например:

англ. to see eye to eye with smb / to see eye to eye – разделять чьи-л. взгляды, сходиться во мнениях, to sell one's birthright for a mess of pottage / to sell one's birthright – продать свое первородство за чечевичную похлебку, to go through fire and water / to go through fire – выдержать

любое испытания, противостоять всем невзгодам, смело встречать все опасности и испытания, to bring smb's gray hairs with sorrow to the grave / to bring smb's gray hairs to the grave – свести кого-л. в могилу, to drain the cup of bitterness, humiliation, etc. to the dregs / to drain the cup to the dregs – испить чашу (горечи, унижения) до дна;

нем. in seine eigenen Hände spielen / in seine Hände spielen – прибрать к рукам что-л., für das Linsengericht j-s Erstgeburt verkaufen / j-s Erstgeburt verkaufen – продать свое первородство (за чечевичную похлебку), nicht der kleinste Buchstabe noch ein Tüpfelchen / nicht der kleinste Buchstabe – ни на йоту, ни капли, ganz groß herauskommen / groß herauskommen – разг. стать знаменитостью, стать большим человеком, Gift und Galle spucken / Galle spucken – рвать и метать, j-m eine bittere Pille zu schlucken geben / j-m eine bittere Pille geben – преподносить кому-л. горькую пилюлю, ganz aus der Reihe kommen / aus der Reihe kommen – разг. совершенно запутаться, сбиться с толку;

швед. att ta sitt kors på sig / att ta sitt kors – нести свой крест, att sälja sin förstfödsörätt för en linssoppa / att sälja sin förstfödsörätt – продать свое первородство (за чечевичную похлебку), att tömma kalken i botten till sista droppen / att tömma kalken i botten – испить чашу сполна, att driva en gammal far med sorg ner i dödsriket / att driva en gammal far ner i dödsriket – свести кого-л. в могилу (опозорив седины).

4. Комплексные варианты фразеологических единиц.

К комплексным вариантам относим ФЕ, совмещающие признаки разных вариантов (глагольно-препозитивные варианты ФЕ, глагольно-структурные варианты ФЕ, глагольно-квантитативные варианты ФЕ, лексико-грамматические варианты ФЕ, структурно-грамматико-квантитативные варианты ФЕ, лексико-морфолого-синтаксические варианты ФЕ и др.):

англ. to set (turn) one's face to (towards) smth – направиться, отправиться куда-л., to cry (declare, proclaim or shout) from (or proclaim upon) the housetops – провозглашать во всеуслышание, кричать на всех перекрестках, to bring (call) into question (call or put in question) – подвергать сомнению, относиться скептически, to have (put or set) one's

foot on smb's neck (or on the neck of smb) – поработать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л., to put (or set) one's (own) house in order – устроить свои дела, привести свои дела в порядок;

нем. eine (die) große Klappe riskieren (schwingen) – *груб.* разглагольствовать, выхваляться, wie (ein) Phönix aus der Asche erstehen (steigen) / sich wie Phönix aus der Asche erheben – *высок.* возродиться как феникс из пепла, mit j-m über(s) Kreuz sein (stehen) – *разг.* быть на ножах с кем-л., krumme Pfade wandeln (auf krummen Wegen gehen/ wandeln, krumme Sachen/ Dinge machen, eine krumme Tour reiten) – *неодобр.* заниматься темными делами, или махинациями, am Ende seines Lateins sein (mit seinem Latein am/ zu Ende sein) – стать в тупик, исчерпать свои средства, окончательно выдохнуться, дойти до точки;

швед. att fylla ngs bägare till brädden (låta ngsn bägare flöda över) – переполнять чашу терпения, att äta lättjans bröd (sitt bröd i lättja) – вести праздную жизнь, даром есть хлеб, att blåsa in liv i ngn (inblåsa livsande i ngsn näsa) – вдохнуть жизнь, придать смысл жизни, att slita hela dagen i solhettan (bära dagens tunga och solens hetta) – нести бремя ежедневных забот, att ställa färden (sin färd, sitt tåg, tåga) mot ngt направиться, отправиться куда-л., att råka ihop (att komma ihop sig) om ngt / råka sig i tvist med ngt – сцепиться, повздорить, поссориться с кем-л., att vara sin egen lag (sig själv en lag) – ни с чем не считаться, кроме собственного мнения, идти наперекор традициям, обычаям, общепринятым нормам, att släcka (utsläcka) den tynande lågan (en tynande veke) – *книжн.* заглушать, не давать развернуться таланту, att vara en dåre (handla i dårskap) – валять дурака, att gå (fara) till sitt eviga hem (sin eviga boning) – отправиться на вечный покой, att bygga (grunda) sitt hus på berggrund (hälleberget) – создавать, основывать что-л. не имея прочного фундамента и многие др.

Самостоятельное развитие вариантов фразеологических единиц в трех изучаемых языках, т.е. их алломорфизм, в рамках изоморфной ситуативной модели иллюстрируем следующими рядами ФЕ:

а) субстантивный вариант ФЕ в английском, морфолого-препозитивный вариант ФЕ в немецком, глагольно-препозитивный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to set the brand (mark) of Cain, нем.

ein (das) Zeichen an (von) Kain machen, швед. att sätta ett tecken på (till skydd för) Kain – отметить печатью Каина;

б) субстантивный вариант ФЕ в английском, глагольный вариант ФЕ в немецком, отсутствие варианта ФЕ в шведском языке: англ. to sift the grain (wheat) from the chaff, нем. die Spreu von Weizen sondern (trennen, scheiden), швед. att skilja agnarna från vetet – отделить плевелы от пшеницы, отсеять неважное, оставив суть;

в) структурно-грамматический вариант ФЕ в английском языке, количественный вариант ФЕ в немецком, глагольно-структурный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to lay smth to smb's charge (to the charge of smb), нем. es treten (gegen j-n) Zeugen auf, швед. att lägga ngn ngt till last (anklaga ngn för ngt) – обвинять кого-л. в чем-л., ставить что-л. в вину кому-л.;

г) глагольный вариант ФЕ в английском, отсутствие варианта ФЕ в немецком, глагольный вариант ФЕ в шведском языке: англ. chastise smb with scorpions (whips), нем. mit Skorpionen züchtigen, швед. att pryglä (tukta) ngn med skorpiongissel – книжн. сурово наказывать кого-л., терзать кого-л.;

д) морфолого-синтаксический вариант ФЕ в английском, глагольный вариант ФЕ в немецком, морфолого-синтаксический вариант ФЕ в шведском языке: англ. to heap coals of fire on smb's head (on the head of smb), нем. feurige Kohlen auf j-s Haupt häufen (sammeln), швед. att samla glödande kol på ngns huvud [på huvudet av ngn] – пристыдить кого-л., отплатив добром за зло, обезоружить кого-л. великодушием;

е) морфологический вариант ФЕ в английском, глагольный вариант ФЕ в немецком, структурно-глагольно-количественный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to open the door(s) to smth, нем. eine Tür j-m auf tun (öffnen), швед. dörren står på vid gavel (öppna dörren) för ngn – открыть путь чему-л., дать полную возможность;

ж) препозитивный вариант ФЕ в английском, функциональный вариант ФЕ в немецком, комплексные варианты ФЕ в шведском языке: англ. to shake the dust from (off) one's feet, нем. den Staub von j-s (den) Füßen schütteln, швед. att skaka dammet från (av dammet under) (att skudda

stoftet av) sina fötter – отрясти прах с ног своих, навсегда покинуть какое-л. место, отречься навеки от кого-л., чего-л., и пр.

Сопоставительный анализ грамматических структур ФЕ и применение методики фреймовых моделей [Федуленкова 2012: 131] на материале трех германских языков подтверждает гипотезу о том, что варианты одной и той же ФЕ всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную, которые в абстрагированном виде представляют инвариант ФЕ. Тем самым подтверждается мысль о том, что вариантная фразеологическая единица входит в язык как совокупность своих вариантов, что по сути своей может рассматриваться в качестве фразеологической универсалии.

Заключение. Изучение вопросов, связанных с определением лингвистического статуса фразеологического варианта, и исследование специфики фразеологического варианта в английском, немецком и шведском языках приводят к заключению о том, что вариативность есть фундаментальное свойство языка, присущее всем его единицам и уровням, вне которого невозможно себе представить изменение и развитие языка. Фразеологическая вариантность есть частная проблема вариантности в языкознании. Прогрессирующий характер варьирования в фразеологии обеспечивается асимметрией фразеологической единицы как языкового знака вторичной номинации.

Именно словный характер компонентного состава позволяет фразеологической единице совмещать в себе все виды вариантности, присущие фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому и семантическому уровням анализа.

Если вариант ФЕ – это разновидность устойчивых словосочетаний, образованных на основе одной и той же фразеологической модели, обладающих известными структурными различиями и воплощающими одни и те же образы, то инвариант – это особая модель, обеспечивающая объем вариантности в пределах тождества ФЕ. Для отождествления вариантов ФЕ необходимо обращение к следующим критериям:

а) к структурному критерию: к общности синтаксической структуры, которая поддерживается регулярностью, или

парадигматичностью, изменений компонентов ФЕ по категориально-грамматическим признакам,

б) к семантическому критерию: к общности значения, которое поддерживается общностью лексического состава и единством образа,

в) к функциональному критерию: к общности функции, которая поддерживается одинаковой сочетаемостью,

г) к семасиологическому критерию: к общности референтной отнесенности вариантов языковой единицы и их системной значимости; вариантные различия не образуют самостоятельной знаковой функции.

Несоответствие этим признакам свидетельствует о разрыве тождества фразеологической единицы.

Материал исследования позволяет выделить следующие типы вариантов в каждом из сопоставляемых германских языков:

А. Лексические варианты фразеологических единиц: а) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми глагольными компонентами, б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами, в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами, г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами;

Б. Грамматические варианты фразеологических единиц: а) морфологические варианты ФЕ; б) морфолого-синтаксические варианты ФЕ.

В. Квантитативные варианты фразеологических единиц.

Г. Комплексные варианты фразеологических единиц, совмещающие признаки разных вариантов (глагольно-препозитивные варианты ФЕ, глагольно-структурные варианты ФЕ, глагольно-квантитативные варианты ФЕ, лексико-грамматические варианты ФЕ, структурно-грамматико-квантитативные варианты ФЕ, лексико-морфолого-синтаксические варианты ФЕ и др.):

В рамках изоморфной ситуативной модели в каждом из трех изучаемых языков вариантность проявляет как изоморфные, так и алломорфные черты.

В результате исследования выявляем такие фразеологические универсалии, как: а) способность вариантов фразеологической единицы вписываться в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную, б) вхождение вариантной фразеологической единицы в язык в виде совокупности своих вариантов.

Библиография

Абрамов Б.А. Вариантность финитных конструкций // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. – М., 1982. – Ч. I-2. – С. 35-36.

Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: Материал 9-го Всесоюзного координационного совещания. – Баку, 1968. – С. 72.

Аврорин В.А. О предмете социальной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1974. – С. 6-12.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963. – С. 179.

Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968. – С. 73-89.

Болгова Л.А. Фразеологическая вариантность и механизмы фразеобразования (на материале периферийных слоев фразеологического фонда современного немецкого языка): Дис... канд. филол. наук. – М., 1974. – 168 с.

Воронов А.Л. Типология варьирования слова в немецком и русском языках // Нормы реализации. Варьирование языковых средств: Материалы науч. конф. – Горький, 1976. – С. 111-125.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. – М.: Иностранная литература, 1959. – 486 с.

Горбачевич К.С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен // ВЯ, 1975. – № 1. – С. 55-64.

Горбачевич К.С. Вариантность слов и языковая норма. – Ленинград, 1978. – 238 с.

Зимин В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Вып. 2. – Тула, 1972. – С. 70-82.

Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском: Дис... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1980. – 389 с.

Донской В.Ф. Вариативность как показатель системности фразеологического состава // Семантический анализ лексических единиц / отв. ред. Т.П. Теплякова. – Иркутск, 1979. – С. 86-94.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / отв. ред. Звегинцев В.А. 3-е изд. Ч. 2. – М., 1965. – С. 85-90.

Кодухов В.И. Общее языкознание. – М., 1974. – 300 с.

Краморенко Г.И. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка: Дис... канд. филол. наук. – М., 1962. – 16 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М., 1996. – 381 с.

Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис... д-ра филол. наук. – М., 1964. – 1229 с.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М., 1972. – 288 с.

Литвин Ф.А. Факторы, обуславливающие вариативность на разных уровнях системы языка // Проблемы вариативности в германских языках: Тез. докл. всесоюз. конф. / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 84-85.

Лукиянова Н.А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Синонимия в языке и речи: Материалы / АН СССР, Сиб. отд. ин-т ист., филол. и филос. – Новосибирск, 1970. – С. 151-163.

Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания, 1962, № 5. – С. 47-55.

Мелерович А.М. Варьирование фразеологизмов в художественной речи и принципы его лексикографической интерпретации // Ядерно-периферийные отношения в лексике и фразеологии: тез. докл. межвуз. науч. конф. – Н. Новгород, 1992.

Мокиенко В.М. Фразеологическая вариантность и некоторые аспекты проблемы «фразеологизм – слово» // *Rusky jazyk*. – 1974. – № 2. – С. 58-67.

Паулаускене Э.С. Варианты фразеологических единиц в современном английском языке: Дис... канд. филол. наук. – М., 1957. – 323 с.

Прокопьева С.М. Вариативность фразеологических единиц как прагматический феномен. – Дис... канд. филол. наук. – М., 1980. – 190 с.

Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1974. – 437 с.

Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // ВЯ, 1965. – № 1. – С. 157-179.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Уч. зап. МГУ. – М., 1954. – С. 135-149.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: МГУ, 1998. – 260 с.

Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. – М., 1982. – Ч. 2. – С. 71-73.

Супрун А.В. Варианты глагольных идиом // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. – М., 1966. – С. 77-89.

Телия В.Н. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Дис... канд. филол. наук. – М., 1968. – С. 195.

Толикина Е.Н. О критерии устойчивости фразеологической единицы // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967. – С. 207-211.

Федосов И.А. Вариантность и функционально-стилистическая синонимия // ВЯ, 1974. – № 6. – С. 119-124.

Федуленкова Т.Н. Библейская фразеология в диалоге культур: виды вариантов // Россия и Запад: диалог культур: Сб. материалов 4-й международ. конф. Вып. 5. – М., 1998. – С. 461-473;

Федуленкова Т.Н. Вариантность редуцированного деривата коммуникативной фразеологической единицы как показатель тождества ФЕ (на материале совр. англ. яз.) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 9. – Том 2. – С.140-144.

Федуленкова Т.Н. Виды вариантности компаративных фразеологизмов современного английского языка // Современные технологии обучения иностранным языкам: Материалы Всероссийской науч.-метод. конф. – Пенза, 2003. – С. 248-250;

Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. – М.: ИД АЕ. – 146 с.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. – М.: ИД АЕ, 2012. – 220 с.

Федуленкова Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии. – Архангельск, 2015. – 216 с.

Федуленкова Т.Н., Игнатович Я.П. Характеристика вариантов английских фразеологических единиц с компонентом *give* // Европейский журнал социальных наук (European Social Science Journal). – Рига, Москва, 2012. – № 7(23). – С. 226-232.

Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В.Я. Дерягина. М.: Издательство ЛКИ, 2008. Изд. 2-е. – 176 с.

Ширнина О.А. Механизмы фразеологической вариативности (на материале глагольных фразеологизмов современного немецкого языка): Автореф. дис... канд. филол наук. – М., 1989. – 21 с.

Fedulenkova T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. – Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. – Vol. 36. – P. 11-22.

Fedulenkova T. Biblical Phraseology and its Variability in the English Language / T. Fedulenkova, N. Isakova // Россия и Европейский Север в начале XXI века: Сб. докл. и материалов междунаро. науч.-практ. конф. студентов. – Архангельск: Философское общество РФ, 2000. – С. 344-350.

ГЛАВА V

ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

(на материале немецкого, нидерландского
и английского языков)

Дмитрий Олегович ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Проблема моделирования во фразеологии стоит на стыке ряда наиболее актуальных вопросов современной лингвистики. Путём её изучения может быть раскрыта специфика фразеологизмов как знаков косвенной номинации в синхронном и диахронном аспектах. Моделирование во фразеологии непосредственно связано с проблемой фразеологических универсалий, так как основные пути фразообразования, типы и приёмы смысловой модификации представляются универсальными в своей основе. В сфере моделирования выделяется широкий спектр фразеологических универсалий: от системно-имманентных универсалий на поверхностном уровне презентации до понятийно-фразеологических, экстралингвистически обусловленных на глубинном уровне.

Помимо теоретической значимости, проблема моделирования приобрела в последнее время большую практическую релевантность, в частности, в связи с созданием фразеологического подфонда Машинного фонда русского языка и с перспективой разработки подобных фондов других языков [Добровольский 1987].

Тот факт, что фразеологизмы строятся в основном по регулярным и продуктивным структурно-синтаксическим моделям языка, практически никогда не вызывал сомнения исследователей [Fedulenkova 2003: 313; Мелерович 2007]. Более сложный и дискуссионный вопрос представляет собой мотивационная структурно-семантическая моделируемость фразеологизмов, т.е. фразообразовательная моделируемость [см. тж. Федуленкова 2015: 87]. Под фразообразованием мы понимаем процессы перехода сверхсловных конструктивных единиц языка в сверхсловные инвентарные (единицы лексикона).

Проблема регулярности фразообразовательных процессов обрела ясность в последние годы, в частности, благодаря работам В.Г. Гака, В.М. Мокиенко, И.И. Чернышевой, А.Д. Райхштейна, А.Г. Назаряна, А.В. Кунина, В. Фляйшера, Ю.Н. Солодуба, Э.М. Солодухо и др., показавших, что о фразообразовательной моделируемости можно говорить только в дескриптивном, а не в генеративном плане. Если понимать моделируемость в плане порождения, то фразеология является немоделируемой подсистемой языка, так как при фразеологизации невозможно предугадать семантический результат, так же как невозможно предугадать, какие переменные словосочетания подвергнутся фразеологическому переосмыслению, а какие нет. Если же понимать фразообразовательное моделирование в плане описания, то моделируемость фразеологической системы представляется бесспорным фактом.

Весьма глубоко и детально проблемы понимаемого таким образом фразообразовательного моделирования разработаны в трудах А.Д. Райхштейна (см., например: [Райхштейн 1980; 1981]).

Исходя из наблюдений Ю.А. Гвоздарева [1977: 74-75], А.Д. Райхштейн выделяет в содержании фразеологизма три различных

аспекта: 1) исходные (прямые) значения конstituентов; 2) исходный смысл всего переменного словосочетания; 3) совокупное значение фразеологизма. Так, например, фразеологизмы (нем.) *jmdm platzt der Kragen*, *jmdm platzt die Hutschnur*, *jmdm geht der Hut hoch*, *bei jmdm ist der Riemen runter*, *jmdm geht der Knopf auf* обнаруживают инвариантное значение конstituентов ‘чей-либо предмет одежды приходит в беспорядок’ (компонентный инвариант) и одинаковое ситуационное значение всего словосочетания ‘такое не выдерживает даже одежда’ (ситуационный инвариант). На этой семантической базе формируется общее для этой группы фразеологизмов переносное значение ‘кто-либо теряет терпение, приходит в ярость’ (фразеосемантический инвариант).

В каждом из этих трёх аспектов определённой группе фразеологизмов может быть приписано своё инвариантное значение. Установление типичных корреляций между этими тремя инвариантами (компонентным, ситуационным и фразеосемантическим) А.Д. Райхштейн понимает как фразообразовательное моделирование. Причем эти корреляции могут быть установлены на различных уровнях абстракции, что делает возможным выделение как макро-, так и микромоделей. Например, макро модель: ‘воздействовать на предмет (относящийся к объекту-лицу)’ ==> ‘оказывать отрицательное физическое воздействие (на объект)’ ==> ‘оказывать отрицательное нефизическое воздействие (на объект-лицо)’; микро модель: ‘портить какой-л. предмет, явление’ ==> ‘приводить в негодность’ ==> ‘причинять неприятность’.

Поскольку фразообразовательное моделирование играет большую роль для структурно-типологического исследования фразеологических систем различных языков с выходом в теорию языковых универсалий, необходимо выработать наиболее адекватную этим целям и результативную методику моделирования.

Покажем принципы этой методики на примере фразеосемантического поля «порицать V наказывать» в трёх германских языках. Суть предлагаемой нами методики заключается в сведении оппозиций «макро модель – микро модель» и «компонентный инвариант – ситуационно-сценарный инвариант» (об этом понятии см. ниже) в единый

интегративный формат описания избранного фразеосемантического поля. Общая семантика поля (т.е. фразеосемантический инвариант) кладётся в основу анализа. Далее ставится задача выделить на основе ситуационно-сценарных инвариантов относительно объёмные группы фразеологизмов (т.е. макромоделей, по нашей терминологии).

Так, удалось установить, что фразеологическое значение «порицать V наказывать» может формироваться на основе следующих ситуационно-сценарных инвариантов:

1. причинять кому-л. неприятные физические ощущения;
2. снабжать кого-л. чем-л. неприятным;
3. готовить кому-л. что-л. неприятное;
4. сообщать кому-л. что-л. неприятное;
5. мешать кому-л., сдерживать кого-л.;
6. приводить кого-л. в порядок (неприятным способом);
7. приводить кого-л. в несвойственное ему состояние,

подвергая качественным изменениям;

8. перемещать кого-л. в пространстве (неприятным образом).

Внутри каждой макромоделей возможно выделение микромоделей, т.е. более малочисленных групп фразеологизмов, на основе компонентных инвариантов. Так, например, внутри макромоделей 1. ‘причинять кому-л. неприятные физические ощущения’ возможно выделение микромоделей:

- 1.1. воздействовать на чью-л. часть тела;
- 1.2. воздействовать на чей-л. предмет одежды;
- 1.3. воздействовать на кого-л. с помощью какого-л. предмета;
- 1.4. воздействовать на кого-л. путём какого-л. процесса;
- 1.5. воздействовать на кого-л. каким-л. иным образом.

Фразеологизмы трёх исследуемых языков распределились в рамках фразеосемантического поля «порицать V наказывать» по следующим макро- и микромоделям:

Макромодель 1. Причинять кому-л. неприятные

физические ощущения

Микромодели:

1.1. воздействовать на чью-л. часть тела: нем. jmdm den Zahn Ziehen; jmdm eins auf die Pfoten geben; jmdm übers Maul fahren; нидерл. iem. de tong schrapen; iem. op zijn vacht komen; англ. snap off smb's head; rap smb over the knuckles; bite smb's nose off; give it smb in the neck; whip smb's backside;

1.2. воздействовать на чей-л. предмет одежды: нем. jmdm eins auf den Hut geben; jmdm eins auf die Haube geben; нидерл. iem. knopen draaien; iem. op zijn baadje geven; iem. op zijn falie komen; iem. wat op het jak geven; англ. take off the pants of smb.

1.3. воздействовать на кого-л. с помощью какого-л. предмета: нем. jmdm durch den Wolf drehen; jmdm mit dem Holzhammer bearbeiten; нидерл. met een opgestreken / opgestoken zeil naar iem. toekomen; iem. de / een pen op de neus zetten; iem. over de hekel halen; iem. door de tanden wrijven; англ. lower the boom on smb, lay it on smb with the towel;

1.4. воздействовать на кого-л. путём какого-л. процесса: нидерл. iem. een schrobbering geven; iem. een aframmeling geven; iem. een afraffeling geven; англ. pick (knock) holes in smb; give smb a roasting; give smb down the banks; give smb a good dressing-down; give smb a lathering;

1.5. воздействовать на кого-л. каким-л. иным образом: нидерл. iem. een standje geven; iem. een hak zetten; англ. come the old soldier over smb; come down like a ton of bricks; come heavy father over smb; give it smb hot and strong; blow up smb sky-high;

Макромодель 2. Снабжать кого-л.

чем-л. неприятным

Микромодели:

2.1. дать кому-л. что-л.: нем. jmdm Saures geben; jmdm eine Zigarre verpassen; jmdm. sein Teil geben; jmdm eine Pille geben; нидерл. iem. een koopje leveren; iem. zijn soep geven; iem. zijn vet geven; iem. zijn haver

geven; iem. een lik uit de pan geven; iem. een snuifje geven; англ. give smb beans; give smb the elbow; give smb the business;

2.2. воздействовать на предмет, относящийся к объекту (в том числе на часть тела): нем. jmdm etw auf den Schild schreiben; jmdm etw aufs Butterbrot schmieren; нидерл. iem. iets onder zijn neus wrijven; iem. iets in de baard wrijven; iem. iets op zijn brood geven; iem. zijn maatje vullen; англ. lay smth in smb's dish; cast smth in smb's teeth;

Макромодель 3. Готовить кому-л.

что-л. неприятное

Макромодель 3 на микромоделю не делится.

нем. jmdm ein Licht aufstecken; нидерл. iem. een poets bakken; iem. een vijg koken; iem. een kool stoven / bakken; англ. settle a business for smb; make things living for smb; make it hot for smb; give smb (merry) hell;

Макромодель 4. Сообщать кому-л. что-л. неприятное

Микромоделю:

4.1. говорить / читать кому-л. что-л.: нем. jmdm die Paten sagen; jmdm die Leviten lesen; jmdm eine Privatmesse lesen; jmdm eine Gardinenpredigt halten; нидерл. iem. de les lezen; iem. de levieten lezen; iem. de wacht aanzeggen; iem. de metten lezen; iem. een kapittel lezen; англ. read smb the Riot act; tell smb what is what; give / read smb a lesson; give smb a talking-to;

4.2. показывать кому-л. что-л.: нем. jmdm den Spiegel vorhalten; jmdm Vorstellungen machen; jmdm eine Szene machen; jmdm einen Tanz aufführen (machen); jmdm zeigen, was eine Harke ist; jmdm zeigen, wo der Pfeffer wächst; jmdm zeigen, wo Barthel den Most holt;

4.3. сыграть кому-л. что-л. (на музыкальном инструменте): нем. jmdm den Marsch blasen; jmdm die Meinung geigen.

Макромодель 5. Мешать кому-л.,

сдерживать кого-л.

Микромоделли:

5.1. схватить кого-л. за что-л. (и удерживать): нем. jmdn beim Schlafittchen fassen (halten, nehmen); jmdn beim Krips nehmen; jmdn beim Kragen nehmen; нидерл. iem. bij de kladden grijpen / pakken; iem. bij de lurven grijpen / pakken; iem. bij de vodden krijgen; iem. in / bij zijn kraag vatten / pakken;

5.2. физически воздействовать на кого-л. каким-л. иным образом: нем. jmdm Mas nehmen; jmdm einen Dämpfer aufsetzen; нидерл. iem. voor de rode deur hebben.

Макромодель 6. Приводить кого-л. в порядок
(неприятным способом)

Микромоделли:

6.1. воздействовать на чью-л. часть тела (с целью привести в порядок: очищать, мыть и т.п.): нем. jmdm den Bart putzen; jmdm den Kopf zwischen die Ohren setzen; jmdm die Kolbe lausen; jmdm den Kopf waschen; jmdm den Kopf zurechtrücken; нидерл. iem. het hoofd wassen; iem. de oren wassen; англ. comb smb's hair for him.

6.2. воздействовать на чей-л. предмет одежды (с целью привести в порядок; чистить, выколачивать, чинить и т.п.): нем. jmdm etw am Zeuge flicken; нидерл. iem. de mantel (uit)vegen / uitborstelen / afschuiëren; iem. de jas uitkloppen;

6.3. физически воздействовать на кого-л. каким-л. иным образом: нем. jmdn gerade stellen; jmdn kalt rasieren; jmdn in die Kur nehmen; нидерл. iem. laten snuiven;

Макромодель 7. Приводить кого-л. в несвойственное
ему состояние, подвергая качественным изменениям

Микромоделли:

7.1. превращать кого-л. в одушевлённое существо: нем. jmdn zur Sau machen; jmdn zur Schnecke machen; jmdn zur Minna machen; jmdn zum Otto machen;

7.2. превращать кого-л. в неодушевлённый предмет: нем, jmdn zu Mus zerdrücken; англ. tear smb to bits; pick smb to pieces; reduce smb to jelly;

Макромодель 8. Перемещать кого-л. в пространстве (неприятным образом)

Микромодели:

8.1. помещать кого-л. куда-л.: нем. jmdn in die Pfanne hauen; jmdn auf die Matte legen; jmdn in seine Schranken zurückweisen; нидерл. iem. op de strang rijden; iem. op zijn plaats zetten; iem. op zijn nummer zetten; англ. bring smb to book; bring smb to his bearings; have smb on the carpet; put smb in his (proper) place;

8.2. удалять кого-л. откуда-л.: нем. jmdn aus dem Anzug schütteln; jmdn aus den Lumpen schütteln.

На базе предложенной интегративной версии фразообразовательного моделирования в работе [Dobrovolskij 1988] были получены результаты, релевантные в плане типологии внутренней формы фразеологизмов в различных языках, выявлено принципиальное сходство механизмов образного переосмысления, продемонстрировано межъязыковое типологически обусловленное варьирование семантической техники фразообразования (включая квантитативную параметризацию). По описанной методике в схеме машинного фонда может быть успешно осуществлено ономаσιологическое описание фразеологии. Понимаемое таким образом моделирование задаёт основные параметры зоны фразеологической идеографии, которая безусловно должна являться неотъемлемой составной частью формальной схемы машинного фразеологического фонда. При условии последовательной организации ономаσιологической информации на входе, на выходе могут быть получены иерархически структурированные фразеологические словари

типа «от понятия к фразеологизму», на основе которых возможно разработать классификацию фразеологического корпуса по понятийно-семантическому основанию, что является одной из главных задач современной теории фразеологии.

Однако избранная версия моделирования, абстрагирующаяся от индивидуальных смысловых нюансов отдельных единиц в пользу выявления интегративных тенденций, не может решить ряда проблем, реально стоящих перед фразеобразовательным моделированием.

Так, например, в создании немецкого фразеологизма *jmdn auf die Matte legen* решающую роль играет не сема 'перемещение объекта в пространстве' (= имя ситуационного инварианта соответствующей макромоделю), а ассоциация с победой в спортивной борьбе. Следовательно, для адекватного описания фразеобразовательных процессов, приведших к созданию данного фразеологизма, релевантным является не только прямое значение его конstituентов и прямой ситуационный смысл соответствующего переменного словосочетания, но и семантика всей возникающей в сознании носителей языка «картинки». Речь идёт, таким образом, об элементах семантики, называемой в современной лингвистике фреймовой. В терминологии искусственного интеллекта динамичную «картинку», возникающую на экране памяти при реализации соответствующей языковой единицы, принято называть пакетом организации памяти или МОП (*memory organization package*), а отдельные гнёзда пакета – сценами (ср., например: [Шенк, Хантер 1987: 23]). С учетом перспектив создания машинных фондов использование термина сцена для обозначения фразеологически релевантных элементов фреймовой семантики представляется наиболее целесообразным.

Яркими примерами релевантности охвата всей сцены при моделировании могут служить такие пришедшие из мира спорта фразеологизмы, как нем. *das Handtuch werfen / schmeißen* или англ. *play ball*. Причем семантика сцены подлежит обязательной фразеографической кодификации, так как это проясняет мотивацию фразеологизма и наиболее кратким и естественным образом эксплицирует его коннотацию. Так, например, прямое значение комплекса *play hall* (как по

компонентному, так и по ситуационному инварианту) допускает весьма разнообразные семантические денотативно-коннотативные интерпретации (ср., например, русский глагол «отфутболить»). Из всех потенциально возможных направлений смысловой модификации реальное воплощение в языке нашло лишь одно, приведшее к семантическому результату (coll) 'to act in accordance with the wishes of another or others, so that things go along without difficulty'. Выбор этого семантического направления мотивирован сценой, зафиксированной в словаре Longman DEI: '<Referring to a hall game and to players who are playing together on the same team'. Эта часть словарной статьи эксплицирует коннотацию фразеологизма, т.е. те его признаки, которые лежат в основе переосмысления, но «не выходят из игры, а устойчиво сопровождают переосмысленное значение» [Телия 1981: 260]. Отказ от кодификации сцены привёл бы в этом случае к стиранию внутренней формы фразеологизма, отчего пострадал бы образный параметр коннотации в личностном тезаурусе пользователя.

В исследованных языках существует также ряд фразеологизмов, для которых вообще невозможно постулирование компонентных и ситуационных инвариантов, например, нем. Bahnhof verstehen 'überhaupt nichts verstehen', фразеологизация осуществляется здесь на базе отдельных конституентов, а не на основе переменного словосочетания в прямом значении, следовательно, единственно возможный путь фразеобразовательного моделирования – раскрытие семантики сцены 'акустически неразборчивые объявления на вокзале'. Ср. также фразеологизмы типа den Paragraphen 51 haben 'geistesgestört sein', для которых фоновая лингвострановедческая информация, не вычитываемая непосредственно на уровне прямого значения знака, является основой фразеологизации.

Фразеобразовательное моделирование с учетом семантики сцены обладает большой объяснительной силой для экспликации таких феноменов фразеологического значения, как образность, внутренняя форма, коннотация, скрытые и специализирующие элементы значения, прагматические правила, накладывающие ограничения на употребление,

казалось бы, логически не мотивированные ядром значения, и т.п. (см., например: [Добровольский 1983а; 1983б; 1983в; 1983г; Телия 1986; Cernyseva 1984; Леонтович 1987] и др.).

Так, например, немецкий фразеологизм *jmdm eine Gardinenpredigt halten*, помимо ядра значения ‘отчитывать кого-л.’, обладает дополнительными семами ‘nachdrücklich’, ‘verärgert’, ‘lange’, ‘zwecklos’ ‘geht meist von einer Frau aus’. Источником всех этих сем является семантика сцены, вычитываемая из этимологии слова *Gardinenpredigt*: ‘nächtliche Strafrede, mit der die Ehefrau den vom Wirtshaus heimkehrenden Mann hinter dem Bettvorhang empfing’ (GWDS). Причем, как видно из этого примера, пакет ожиданий, индуцируемый сценой, обладает значительно большим потенциальным объемом, чем семантическая реализация. Так, опрос информантов показал, что входящие в пакет ожиданий семы ‘наедине’, ‘по отношению к мужу’ и даже просто ‘по отношению к мужчине’ полностью погашены в современном узусе.

Важно отметить, что семантика сцены далеко не всегда выводима из этимологии и ассоциируема скорее с живой внутренней формой. Это можно показать на следующем примере. Фразеологизм *jmdn auf den Besen laden* вызывает в сознании носителей языка, по свидетельству Г. Крамера, абсурдную «картинку» ‘jmdn auf das Spottgefährt des Besens laden, um ihn als lächerliche Figur anderen vorzuführen’ [Kramer 1986: 295]. Эта сцена, репрезентирующая живую внутреннюю форму фразеологизма, не имеет ничего общего с его этимологией < идиш *besaion* ‘Verachtung’.

Также и прагматические правила употребления фразеологизма (такие, как, например, ‘в качестве выражения благодарности’, ‘в качестве извинения’, ‘только по отношению к женщине’ и т.п.), формулируемые на основе скрытых сем и имеющие особенно большое значение для учебной фразеографии, эксплицируются на основе оживления соответствующей сцены.

Из сказанного следует необходимость включения семантики сцены в единый формат описания фразеобразовательных моделей. Однако практическая реализация этой новой версии моделирования наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, сцена представляет собой

как бы индивидуальный паспорт каждого фразеологизма, концентрируя в себе в свёрнутом виде его неповторимую образность, внутреннюю форму и коннотацию. Следовательно, установление на этом уровне какого бы то ни было инварианта практически неосуществимо, так как это погасило бы неповторимость образного элемента семантики каждого конкретного фразеологизма. Во-вторых, даже при установлении огрубленных инвариантов на этом уровне (типа ‘на ринге’: *etw. in den Griff bekommen / kriegen, in den Klinsch gehen, das Handtuch werfen / schmeißen, einen Tiefschlag erhalten, ein Schlag unter die Gurtellinie*) подобные рубрики не впишутся в единый формат, поскольку, как видно из примеров, нарушается важнейший принцип моделирования – сохранение фразеосемантического инварианта внутри каждой рубрики. В-третьих, даже если бы удалось найти способ описания, удовлетворяющий этому условию, целесообразность открытия отдельной рубрики для семантики сцены в едином формате остаётся сомнительной, поскольку у многих фразеологизмов (в первую очередь, у «прозрачно» мотивированных) сцена полностью совпадает с ситуационным инвариантом и, следовательно, эта рубрика часто будет пустовать. Ср., например:

нем. *jmdm eins auf die Pfoten geben, jmdm eine Pille geben;*

нидерл. *iem. op zijn bast geven, iem. de benen breken;*

англ. *bite smb's nose off, snatch smb bald-headed.*

Решить эту проблему можно следующим образом. Формат фразообразовательного моделирования должен специализироваться в зависимости от целей исследования. Для структурно-типологических исследований целесообразным представляется сохранение предложенной нами для этих целей версии моделирования по трём ступеням: фразеосемантическое поле \Rightarrow макро модель \Rightarrow микро модель. В качестве модификации этой версии, необходимость и целесообразность которой вытекает из изложенных здесь соображений, мы предлагаем учитывать на уровне макро модели (там, где это необходимо и возможно) элементы семантики сцены и формулировать имена макро моделей, таким образом, на основе ситуационно-сценарного инварианта (как это было сделано при анализе фразеосемантического поля ‘по- ричать V

наказывать' в начале этой главы, где в качестве элемента семантики сцены фигурирует сема 'неприятно', не представленная в прямом значении прототипа). Так, если ситуационный инвариант в версии А.Д. Райхштейна формулировался на основе ситуационного смысла переменного словосочетания, то ситуационно-сценарный инвариант включает в себя элементы семантики, не выраженные данным словосочетанием, но ассоциируемые с ним в рамках соответствующей сцены.

Иная версия фразообразовательного моделирования предлагается для целей индивидуальной паспортизации фразеологизмов в словаре активного типа и / или в машинном фонде. В данном случае формат описания может вообще отказаться от ситуационного инварианта, заменив его рубрикой «сцена», которая будет заполняться строго индивидуально для каждого фразеологизма без последующего сведения в инвариантные фрагменты и модули. Фразообразовательное моделирование должно пониматься в данном случае не как установление инвариантных закономерностей фразеологизации, а как экспликация всех (в том числе и неповторимо-индивидуальных) признаков, представлений и ассоциаций, участвующих в образовании данного фразеологизма.

Причем, как видно из примеров, здесь следует различать этимологически-диахроническое моделирование, восстанавливающее реальные процессы фразообразования, и синхронное моделирование, ориентированное на живую внутреннюю форму. Количество рубрик в индивидуальном формате может варьировать, так как разные единицы проходят при фразеологизации разное количество шагов, что отражается в различной степени выраженности внутренней формы.

В индивидуальной версии фразообразовательного моделирования следует также учитывать различия между первичной и вторичной фразеологизацией (см. работы А.В. Кунина [1964-1996] по этой проблематике), так как вторичная фразеологизация содержит по крайней мере на один шаг больше, чем первичная. Далее следует учитывать специфику деривационной базы фразообразования, а также тип смысловой модификации (прежде всего, метафора или метонимия).

Предлагаемый здесь дифференцированный подход к фразообразовательному моделированию в зависимости от задач исследования позволит, на наш взгляд, в значительной степени преодолеть то сопротивление языкового материала, с которым сталкивается каждый лингвист, занимающийся практической рубрикацией фразеологии.

Целесообразность рассмотрения проблематики фразообразовательного моделирования в рамках главы, посвященной фразеологическим универсалиям, обуславливается тем, что моделирование является одним из наиболее сильных методов поиска и исследования универсалий в процессе фразообразования, т.е. самых общих закономерностей образования фразеологизмов в языке.

Библиография

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. Гос. ун-та, 1977. – 184 с.

Добровольский Д.О. Изучение фразеологии в высшей школе (на материале немецкого языка) // Филологические науки. – 1983а. – № 3. – С. 81-83.

Добровольский Д.О. Прагматические правила и фразеологическое значение: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1983б. – Вып. 213. – С. 3-11.

Добровольский Д.О. Прагматические правила как языковая универсалия // Прагматические аспекты функционирования языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул, 1983в. – С. 3-13.

Добровольский Д.О. Специализирующие и скрытые семы во фразеологической номинации: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1983г. – Вып. 208. – С. 93-111.

Добровольский Д.О. Структурно-типологический анализ фразеологии и фразеографическая параметризация (на материале русской и германской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка: Материалы IV Международ. симпоз. в рамках заседания

Международ. комиссии по проблемам славянской фразеологии при Международ. комитете славистов. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 24-26.

Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964. – 1229с.

Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. – 344 с.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: Изд-во «Международ. отношения», 1972. – 288 с.

Кунин А.В. О трактовке проблем фразеологии в «Общем языкознании» // Вопросы фразеологии: Сб. науч. тр. / Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои. – Новая сер. – Вып. 277. – Самарканд, 1976 (7). – С. 283-293.

Кунин А.В. Первичная фразеологизация в коммуникативном аспекте // Коммуникативные единицы языка: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – М., 1984. – С. 75-76.

Кунин А.В. Имплицитность – один из системообразующих факторов фразеологической семантики (Об имплицитном компоненте фразеологического значения): Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Горького. – М., 1986. – Вып. 262. – С. 20-28.

Кунин А.В. Асимметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. – М., 1988. – № 3. – С. 98-107.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

Леонтович О.А. Проблема внутренней формы фразеологических единиц: (На материале глагольных фразеологизмов англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 23 с.

Мелерович А.М. Роль структурно-семантических моделей фразеологических единиц в категоризации и концептуализации действительности // Мир русского слова и русское слово в мире:

материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, 21-25 сентября 20078 г. – Варна, 2007.

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1980. – 143 с.

Райхштейн А.Д. Тексты лекций по фразеологии современного немецкого языка. Вопросы фразеологической семантики. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореца, 1981. – 77 с.

Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке: М.: Наука, 1981. – 268 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

Федуленкова Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: монография. – Архангельск: САФУ, 2015. – 216 с.

Шенк Г., Хантер Л. Познать механизмы мышления: Пер. с англ. // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. – М.: Мир, 1987. – С. 15-26.

Černyševa I.I. Aktuelle Probleme der deutschen Phraseologie // Deutsch als Fremdsprache. – 1984. – № 1. – 17-22.

Dobrovol'skij D. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. – Leipzig: Enzyklopädie, 1988. – 264 S.

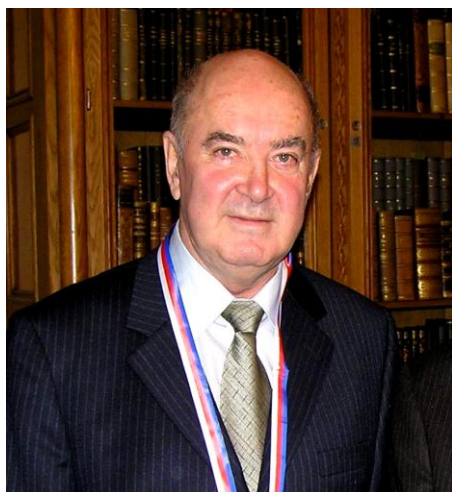
Fedulenkova T.N. Frequent Structural Patterns in Biblical Phraseology // Language and Culture: Proceedings of the Second International Scientific Conference. – М.: Отделение лит. и яз. РАН, науч. журнал «Вопросы филологии», ИИЯ, 2003. – С. 313-315.

Kramer G. Bildhafte Ausdrücke als lexikalische Einheiten mit ausgestalteter Konnotation // Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache. – Leipzig: Bibl. Institut, 1986. – Bd. 6. – S. 291-302.

ЧАСТЬ II

ОПЫТЫ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ РУССКОЙ РЕЧИ

*Алина Михайловна
МЕЛЕРОВИЧ*

*Валерий Михайлович
МОКИЕНКО*

ОТ АВТОРОВ

Созданные нами и представленные здесь в соответствующей последовательности словари, Словарь фразеологии в русской речи (СФРР) 1997, школьный словарь «Жизнь русской фразеологии в

художественной речи» (ЖРФХР) 2010, словарь «Фразеология в русской поэзии XIX – XXI вв.» (СФРП) 2015, принадлежат к словарям нового типа, включающим и репрезентирующим систематизированную разработку индивидуально-авторских употреблений ФЕ в различных функциональных стилях и речевых жанрах.

На современном этапе развития фразеологии наблюдается все возрастающая тенденция синтеза теории и фразеографической практики. Углубленное изучение семантической структуры фразеологических единиц на материале целого ряда языков органически связано с накоплением опыта лексикографической разработки фразеологического материала, с исследованием проблематики словарного описания.

Разносторонний анализ фразеологической семантики и морфолого-синтаксической структуры ФЕ, исследование системности фразеологического состава русского языка, разработка русской диалектной и исторической фразеологии представляют необходимую базу для фразеологических словарей разного типа и назначения. Как отмечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «Соединение чисто научного исследования и словарной работы – это характерная черта российской лексикографии, причем в исторической перспективе относительно недавняя» [2008: 363].

Широкое изучение фразеологической вариантности и синонимии, а также всестороннее исследование стилистического употребления ФЕ в художественной литературе и публицистике убедительно продемонстрировали динамический характер фразеологии, ее открытость к различным структурно-семантическим изменениям.

Во фразеологических словарях русского языка обычно окказиональные стилистические изменения ФЕ, разнообразные приемы трансформированного употребления ФЕ специально не отмечаются. По

вопросу о включении индивидуально-авторских употреблений ФЕ во фразеологический словарь до сих пор не сложилось единого мнения¹.

Вместе с тем практика работы со словарем требует фиксации и последовательной систематизации случаев типичных перевоплощений ФЕ в тексте. Лишь при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления в конкретном языке.

Лексикографирование разнообразных индивидуально-авторских употреблений ФЕ необходимо для выявления особенностей их функционирования и тенденций исторического развития. Фразеологизмы в разнообразном речевом применении дают весьма объективное представление о фразеологической системе нашего языка. Словарное описание употреблений ФЕ выявляет семантико-стилистические потенции этой системы, дает ценные материалы для исследователей языка различных функциональных стилей, – прежде всего художественной литературы и публицистики. Словарная разработка индивидуально-авторских употреблений ФЕ поможет оценить художественное мастерство писателей, проявляющееся в творческом применении языковых образов. Обращение писателей, публицистов и всех любителей русского языка к такому словарю активизирует разнообразные стилистические приемы, которыми владеют мастера нашей словесности, что несомненно будет способствовать повышению культуры речи.

¹ Ср., например: Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.-Л., 1964, с. 35 и Абрамович И.М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря [Проблемы фразеологии 1964: 213]. См. о выделении в словарных статьях фразеологического словаря особой зоны нестандартных употреблений, в которую «включаются нестандартные употребления, отражающие случаи осознаваемого или неосознаваемого отклонения от стандартной формы описываемых идиом и правил их использования, а также контексты, в которых нарушаются те или иные нормы ведения коммуникации» [Баранов, Добровольский 2008: 445].

Лексикографическое описание индивидуально-авторских трансформаций имеет большое значение и для выявления объективных закономерностей общезыковой фразеологической системы. Повторяемость трансформаций, достаточно строгая моделируемость их основных типов, перекличка с диалектно-просторечным варьированием в зеркале лексикографии убедительно показывают, что их «индивидуальность» и «авторство» сильно преувеличиваются исследователями. С психолингвистической точки зрения такой подход привлекает возможностью глубже проникнуть в тайники фразео- и словотворчества. Образование индивидуально-авторских ФЕ и слов во многом опирается на структурно-семантические модели, свойственные конкретному языку.

Посредством фразеографического описания индивидуально-авторских трансформаций ФЕ выявляются многообразные особенности их функционирования в различных литературных жанрах, отношение смысловой и лексико-грамматической структуры ФЕ в индивидуальном употреблении к их значению и форме в системе языка. Эти задачи был призван решить первый фразеологический словарь особого (нового) типа – словарь-справочник «Фразеологизмы в русской речи»².

В 2010 году в Костроме в изд-ве КГУ им. Н.А. Некрасова был издан школьный словарь «Жизнь русской фразеологии в художественной речи», представляющий новый фразеографический опыт описания идиом и пословиц в их речевой динамике в контексте художественной

² См.: А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. Фразеологизмы в русской речи. М.: «Русские словари», «Астрель» (1997, 2001, 2005). См. об основном назначении СФРР: В.А. Козырев, В.Д. Черняк [2004: 111]: «К фразеологическим словарям нового типа относится словарь «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко. ... Он представляет собой первый в мировой лексикографической практике опыт описания идиом и пословиц в их вариантном многообразии и речевой динамике. ... Обращаясь к словарю, читатель знакомится с реальной жизнью фразеологизма, с его речевыми потенциями, со своеобразием индивидуальных употреблений фразеологических единиц».

литературы и публицистики (разработанный А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко). В 2015 г. теми же авторами подготовлен к изданию словарь «Фразеология в русской поэзии XIX – начала XXI вв.» (СФРП).

Построение данных словарей основывается на принципах, разработанных авторами для СФРР, но также предполагает разработку специальных принципов построения, главным образом связанных с дидактической направленностью (ЖРФХР), со своеобразием формы и содержания поэтических произведений (СФРП).

ГЛАВА I

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЛОВАРЕ «ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ»

§ 1. Назначение и задачи Словаря

СФРР представляет собой первый опыт систематизированного лексикографического описания особенностей семантической структуры ФЕ в контексте произведений различных функциональных стилей, литературных жанров. Словарь предполагает полную функционально-семантическую характеристику ФЕ. Такая характеристика включает детальное истолкование значений и разнообразных употреблений ФЕ в современном русском литературном языке, определение основных типов трансформаций и стилистических приемов преобразования ФЕ в тексте.

В задачу Словаря как словаря-справочника входит фиксация основных видов контекстов, представляющих типовые ситуации функционирования ФЕ в различных речевых сферах, преимущественно в художественной литературе и публицистике. Такие типовые контексты обладают свойством прогнозировать разнообразные индивидуальные употребления ФЕ, моделировать их. В Словаре устанавливаются различные виды «контекстуальных сдвигов значения», «приращений смысла» у ФЕ в художественной речи³.

Систематизация употреблений ФЕ в Словаре послужит базой для психолингвистического эксперимента, нацеленного на выявление определенного механизма ассоциативно-образного мышления. Этот способ ментального освоения действительности отражается в узуальных и окказиональных употреблениях фразеологизмов, их конфигураций,

³ Ср., например, с задачами Словаря языка русской советской поэзии: Поэт и слово. Опыт словаря. Под ред. В.П. Григорьева. М., 1973, с. 49.

фиксация которых необходима для репрезентации различных фрагментов языковой картины мира.

Словарная разработка употреблений ФЕ в художественных идиостилиях, в публицистике, в разговорной речи служит основой для выявления регулярных моделей их структурно-семантического преобразования, для установления определенных структурно-семантических типов ФЕ, обладающих своим особым преобразовательным потенциалом.

В соответствии с поставленными задачами семантическая структура ФЕ в Словаре представляется как динамическая модель смысла, отражающая возможности структурно-семантических преобразований ФЕ при их функционировании в речи. Динамические модели смысла ФЕ выявляются на основании сопоставления их многочисленных употреблений в разнообразных текстах. В Словаре впервые широко представлены индивидуально-авторские употребления ФЕ русского языка. Эти употребления реализуют возможности конкретизации типовых ситуаций, которые обозначаются фразеологизмами. Индивидуально-авторские употребления, включаемые во все словарные статьи Словаря, даются в определенной системе, в последовательности, позволяющей установить наиболее распространенные, типичные для каждой ФЕ способы преобразования значения и формы.

Каждая включенная в Словарь ФЕ рассматривается прежде всего как элемент системы языка, как определенная смысловая схема, структурно-семантическая модель, наполняющаяся в различных контекстах индивидуализированным смысловым содержанием. Это содержание конкретизируется применительно к разнообразным ситуациям в границах, определяемых параметрами смысловой схемы фразеологизма, его семантической структурой в системе языка.

Важнейшей задачей Словаря является определение закономерных связей между значением и формой ФЕ в системе языка и речи, установление внутрифразовых значений слов-компонентов, выявление различных типов членимости значения фразеологических единиц в

соотношении с элементами их материальной формы (словами-компонентами, сочетаниями компонентов, морфемами в составе компонентов ФЕ).

§ 2. Принципы отбора фразеологических единиц. Источники Словаря

Поставленными задачами определяются принципы отбора ФЕ для Словаря. В Словарь включаются главным образом устойчивые сочетания слов, основанные на полном переосмыслении, относимые в соответствии с классификацией акад. В. В. Виноградова к разрядам фразеологических единств и фразеологических сращений, – иными словами, русская идиоматика. Закономерная членимость значения данных ФЕ в соотношении с элементами их материальной формы может быть выявлена во всем своем своеобразии только на основании специального семантического анализа. Данный семантический анализ ФЕ базируется на таком лексикографировании фразеологизмов, которое наиболее адекватно отражает соотношение структур их планов выражения и содержания, их смысловую сущность (см.: [Мелерович, Мокиенко 2008: 167-229]).

В Словарь включены лишь ФЕ, широко распространенные в современном литературном языке и зафиксированные в ряде индивидуально-авторских употреблений.

Словарь включает также и пословицы, которые, подвергаясь трансформациям, становятся фразеологизмами или сближаются с ними функционально.

В художественных и публицистических текстах широко употребляются слова и словосочетания, являющиеся частями, часто трансформированными, подобных устойчивых фраз. Их смысловое содержание устанавливается только в соотношении с устойчивыми фразами, из которых они извлечены (ср., например, следующие зафиксированные в Словаре употребления: «ложка дегтя в бочке меда и «припасать ложку дегтя, не кормить одним медом» В. Стариков. Память; «В хорошее дело опрокинули бочку дегтя» И. Вергасов. Останется с тобою навсегда; «Твой мед дегтем оборачивается» В. Тендряков.

Шестьдесят свечей; «ставка на ложку меда в бочке дегтя» А. Макаренко. Педагогическая поэма; «выловить каплю меда для подслащения бочки дегтя» Н. Грибачев. На пороге; «подлить дегтя в фимиам» В. Маяковский. Выступление на диспуте о постановке «Д.Е.»).

В корпус Словаря включено лишь «фразеологическое ядро» русского языка – около 700 ФЕ в нормативных и окказиональных (индивидуально-авторских) употреблениях общей численностью свыше 30 тысяч.

Основным источником Словаря послужила фразеологическая картотека (свыше 100 тысяч карточек), которая собиралась авторами более 25 лет. Выборка производилась из произведений более чем 700 авторов (художественная, публицистическая, мемуарная, эпистолярная, научно-популярная литература).

Широко использовались периодические издания (газеты, литературно-художественные журналы). Большая часть иллюстраций отобрана из произведений художественной литературы и публицистики последних десятилетий, не нашедших отражения во фразеологических и толковых словарях. Публицистический материал здесь особенно важен не только большей «свободой» индивидуально-авторского трансформирования, но и тем, что он отражает разнообразные вариации новых, злободневных для нашей современности сочетаний, еще не нашедших широкого отражения в нормативных словарях, но уже известных благодаря средствам массовой информации (см.: *политика выкручивая рук*).

В Словаре представлены различные типы трансформированного употребления ФЕ, наблюдающиеся в русском литературном языке нашего времени. Многие из этих типов употреблений свойственны и литературному языку XIX-XX вв. Об этом свидетельствуют цитаты из литературных произведений классиков, включенные в Словарь.

§ 3. Принципы и способы толкования фразеологических единиц

В задачи Словаря входит формулировка семантических определений ФЕ, наиболее адекватно отражающих структуру их значения в системе языка и речи. Семантические определения ФЕ строятся на основании синтезирования их дефиниций, представленных в различных словарях, и создаются авторами Словаря в соответствии с разработанными принципами анализа значения и формы ФЕ⁴.

Семантические определения ФЕ в Словаре представляют собой модели фразеологических значений, отражающие особенности их смысловой структуры и функционирования в речи. Именно они способствуют выявлению закономерных связей между значением и формой ФЕ, установлению внутрифразовых значений слов-компонентов в их системных связях с различными лексическими единицами языка.

Выбор определений ФЕ в Словаре основывается на дифференциации типов семантических определений ФЕ в зависимости от степени адекватности определяемым значениям: 1) определения, моделирующие структуру фразеологического значения в соответствии с формой его выражения и семантические функции ФЕ; 2) определения, моделирующие только семантические функции ФЕ.

Определения первого типа являются сочетаниями слов, наиболее сходными с определяемыми ФЕ по грамматической структуре (т. е. в той или иной степени изоморфными определяемым). Такие определения отражают различные проявления изоморфизма между значением и формой ФЕ; они наиболее адекватны определяемым ФЕ в структурно-смысловом отношении. Ср., например: *валить с больной головы на здоровую* – «перекладывать вину с виноватого на невиновного».

⁴ Мокиенко В.М. Славянская фразеология М, 1980; Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль, 1979. О принципах построения словарных дефиниций ФЕ, отражающих соотношение их формы и содержания, см.: Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011, главы 3-4.

Определения второго типа не отражают изоморфизм значения и формы ФЕ. Они неизоморфны определяемым ФЕ по синтаксической структуре и моделируют лишь семантические функции ФЕ в речи, являясь синонимичными им выражениями. Такие определения формируются для ФЕ, у которых смысловая и синтаксическая структура неизоморфны. Ср., например: **метр с кепкой** *Прост. Ирон.* – «о низкорослом человеке». Подобные дефиниции в той или иной степени отражают структуру понятийного содержания (сигнификатов) ФЕ, но не их грамматическую структуру

Для всех ФЕ, которым в той или иной степени свойствен изоморфизм значения и формы, в Словаре используются определения первого типа, моделирующие семантическую структуру ФЕ. Учитывается, что семантические определения ФЕ не могут полностью передать особенности их семантической структуры. Выбор семантического эквивалента ФЕ всегда в какой-то степени субъективен. Но изоморфные фразеологическим единицам семантические определения позволяют сформулировать наиболее общие особенности структуры значения ФЕ в соотношении с формой его выражения и потому детализировано характеризуют те «обертоны смысла» (Б.А. Ларин), которыми фразеологическое значение отличается от лексического.

Ср., например, толкование значения следующей ФЕ во Фразеологическом словаре русского языка под ред. А.И. Молоткова (ФСРЯ) с семантическим определением её в Словаре: *Делить шкуру неубитого медведя*. В ФСРЯ: «распределять прибыль от еще не осуществленного дела, предприятия»; в Словаре «распределять блага, которые могли бы быть получены при осуществлении трудновыполнимого или невыполнимого дела»

Семантическая разработка ФЕ в Словаре совмещает обобщение и конкретизацию: формулировка инвариантного значения эксплицирует «семантический стержень» разнообразных употреблений ФЕ – объединяющие их семантические компоненты; в применении к

отдельным употреблением значение ФЕ конкретизируется⁵. См., например, формулировку значения в Словаре ФЕ *вертеться как белка в колесе* – «вынужденно, беспрестанно заниматься какими-либо хлопотными делами, изнурительной, однообразной работой» и определение ее смыслового содержания, зафиксированного в некоторых употреблениях: «беспрестанно заниматься какой-либо бесплодной деятельностью, подчиняясь обстоятельствам, не будучи в состоянии что-либо изменить». Иллюстрация индивидуально-авторского употребления в тексте:

Белый *кружился белкой в колесе суеты и суесловия*. В его нервных, неумеренно восторженных письмах нет-нет да пробивалась нота недоумения и раздражения. (В. Орлов. Гамаюн).

Толкованиями снабжаются такие употребления ФЕ, для определения смыслового содержания которых недостаточно знания их узуального значения в соотношении с контекстом приводимого предложения или сверхфразового единства. Необходим более широкий контекст. Такой контекст может быть представлен определенной композиционной частью или текстом произведения, а иногда контекстом творчества писателя.

Толкования употреблений ФЕ в тексте, систематически вводимые в Словарь, базируются на выявлении психолингвистического механизма спонтанного семантического анализа ФЕ в речи. Для выявления этого механизма важны основные принципы теории понимания текста, в соответствии с которой понимание текста трактуется как «процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму закрепления...» [Леонтьев 1997: 141-142]. Наиболее адекватными формами перевода и закрепления смысла ФЕ являются синонимичные словосочетания и слова; перифразы; параллельные конструкции, представляющие собой более или менее изоморфные фразеологизмам семантические определения.

⁵ Ср. с принципами семантизации слов в словаре писателя: Инструкция Словаря автобиографической трилогии М. Горького. В кн.: Словарь автобиографической трилогии М. Горького, выпуск 1. Л., 1974, с. 9, 16 и др.

При определении семантики ФЕ в художественной речи и ее формулировке в словарных дефинициях авторы Словаря руководствовались рядом положений.

Учитывалось, что семантические определения употреблений ФЕ, как и слов, необходимо ориентировать на их семантическую специфику, реализующуюся в тексте всего произведения или в составе фрагментов текста.

Семантические определения должны с максимальной полнотой передавать контекстуальное осмысление ФЕ, отражая его обусловленность особенностями стиля, мировоззрением автора⁶. Построение словарных дефиниций должно ориентироваться на содержательность их формы, что необходимо для адекватного формулирования содержания определяемого.

Словарные дефиниции, уподобляемые по форме определяемым фразеологическим единицам, способствуют выявлению специфики их семантики в контексте. Приведем примеры определений смыслового содержания индивидуально-авторских употреблений ФЕ в художественном тексте, построенных с учетом сформулированных принципов.

Так, окказионализм *карета прошлого*, образованный от крылатого афоризма М. Горького *В карете прошлого далеко не уедешь* (БМШ 2000, 79), в стихотворении Б. Окуджавы получает осмысление «радужные воспоминания о минувшем, былом; возврат к прежним надеждам, мечтам, ко всему дорогому и близкому»:

В карету прошлого сажусь.

Друзья в восторге...

Как сладостно к пенатам возвращенье!

Да не покинем дома своего,

Чтоб с нами не случилось бы чего.

⁶ См. о требованиях к дефинициям ФЕ в художественных текстах, сформулированных в главе 4, §2 монографии А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.

(Б. Окуджава. В карете прошлого).

Ср. также ФЕ *голубая кровь* в общеязыковом значении «аристократическое происхождение» с его смысловым содержанием в следующем употреблении:

Вы не дорожили головою,
И за доблесть вечный вам почет.

Это вашей *кровью голубою*

Наша Волга-матушка течет.

(Е. Евтушенко. Казанский университет).

Смысловое содержание ФЕ в данном контексте передается в Словаре формулировкой «истинное благородство, высота духа».

В следующем контексте представлено индивидуальное (в принципе народно-этимологическое) истолкование внутренней формы оборота *днем с огнем не найдешь*, обуславливающее буквализацию ФЕ:

Да, шпорник теперь в Мещере, пожалуй, и *днем с огнем не найдешь*. «*Днем с огнем*» – какие хорошие слова. Для детей. Потому что только ребенок может поверить, что по зарослям бродят *днем* какие-то чудаки и *светят сильными фонарями* в гущу трав, чтобы в их укромной тени найти синий вдвое более яркий и темный, чем небо – цветок. (К. Паустовский. Книга скитаний).

Приведенный текст раскрывает яркий и неожиданный образ, возникший и функционирующий в индивидуальном сознании как образная мотивировка, как деривационная база фразеологического значения оборота *днем с огнем не найдешь*. Не исключено при этом, что этот индивидуальный образ навеян у К. Паустовского имплицитным ощущением этимона выражения. Ведь по мнению некоторых историков языка ФЕ *днем с огнем* связано с преданием о греческом философе-кинике Диогене, расхаживавшем в толпе народа *днем с зажженным фонарем* в руках и отвечавшем на вопрос, чего он ищет, фразой: «Человека ищущего!» – т. е. *ищу настоящего человека среди испорченного общества*. Древние греки, вероятно, знали подобную поговорку, но история о Диогене не имеет к русскому выражению прямого отношения.

Оригинальность его доказывается как его рифмованным характером, так и наличием вариантов *искать днем с фонарем* и *искать днем со свечой*.

Одно и то же сочетание слов в сознании разных людей может вызвать самые разные образные представления, фреймы, сценарии, имплицитно ассоциирующиеся с целостным фразеологическим значением оборота. Как показывает рассмотренный текст, эти ассоциативные образы могут получать вербальную экспликацию в границах определенных единиц текста и осознаваться как смысловая мотивация, приобретая статус народной этимологии.

Все речевые трансформации ФЕ основаны на их спонтанном, подсознательном семантическом анализе. В ряде психолингвистических исследований специально рассматривается вопрос разложимости (анализируемости) идиом на составляющие словные компоненты в процессе их восприятия и осмысления (Р. Гиббс и О'Брайен, А.А. Залевская, О.С. Шумилина и др.). На основании детального анализа ментальных образов, связанных с идиомами, Р. Гиббс и О'Брайен показывают, что у людей имеется неявное, подсознательное знание метафорической базы идиом [Gibbs, O'Brien 1991: 523-530].

Посредством специальных экспериментов О.С. Шумилина выявила, что при идентификации иноязычных фразеологизмов индивид осознанно или непроизвольно опирается на значения составляющих фразеологическую единицу компонентов, опознаваемых как слова свободного употребления. Это сопровождается актуализацией устойчивых ассоциативных связей родного языка [Шумилина 1997].

Таким образом, психолингвистические исследования выявляют определенные закономерности функционирования ФЕ, сопряженного с их семантическим преобразованием.

Разработка разнообразных употреблений ФЕ в Словаре позволяет выявить их текстообразующие потенции, проявляющиеся в способности функционировать в качестве семантических центров, образных и смысловых доминант предложений, сверхфразовых единств, формировать определенные звенья в структуре текста, объединять в экспрессивно-смысловом плане композиционные части текста, создавать

лейтмотивы в выражении различных сторон идейно-художественного, концептуального содержания произведения.

§ 4. Стилистическая характеристика ФЕ

Стилистическая характеристика ФЕ в Словаре должна способствовать максимальному раскрытию особенностей их употребления. Стилистическая характеристика ФЕ представлена двояко: системой помет и описательно, путем включения в текст толкования оценочных слов, слов, характеризующих эмоциональное восприятие, своеобразие переносного, образного употребления. Примеры подобных толкований: **с жиру беситься** – «привередничать, совершать нелепые, сумасбродные поступки от пресыщения жизненными благами, от безделья», **бросать на ветер что** – «тратить, расходовать без всякой пользы, безрассудно, легкомысленно (деньги, имущество, силы)».

Посредством стилистических помет выделяются коннотации эмотивно-оценочные, экспрессивные, функционально-стилистические. В Словаре используются пометы экспрессивно-оценочного характера (груб., ирон., ласк., неодобр., презр., пренебр., саркаст., фам., шутл., шутл.-фам.); пометы, совмещающие обозначение принадлежности фразеологизма к тому или иному функциональному стилю современного русского языка и экспрессивную характеристику ФЕ (высок., книжн., кн.-поэт., нар.-поэт., прост., разг.). Если при одной ФЕ даются две (или более двух) стилистических пометы, то они подаются в определенной последовательности: Разг. (или прост.) (1); неодобр. (или одобр., шутл., ирон. и т. п.). Разг., неодобр. Экспрессивно-оценочная характеристика ряда ФЕ и отдельных употреблений ФЕ дается описательно, в тексте толкований.

Если помета относится к одному из значений ФЕ, оттенку значения или к отдельному употреблению ФЕ, она ставится соответственно после цифры данного значения, за выделенной формой употребления ФЕ (перед формулировкой смыслового содержания ФЕ в этом употреблении, если индивидуально-авторское употребление

сопровождается семантическим определением). См., например, систему стилистических помет при различных употреблениях ФЕ *голубая кровь*:

П р е з р. Они его из квартиры выжили, с дачи выжили, обирали – аристократки, верующие, *белая кость, голубая кровь*. (М. Рощин. Бабушка и внучка. В кн.: Южная ветка).

Н е о д о б р. «Зачем, зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним» – негодует Чехов в письме О.Л. Книппер 13 февраля 1902 года. И в этих резких словах – трогательная обида за хорошего, широкого душой человека, над чьей простотой свысока иронизируют *люди «голубой крови»*. (А. Турков. Рождение «Вишневого сада»).

ГОЛУБЫХ КРОВЕЙ кто. И р о н. – Не менее ярко изобразили авторы и других подсудимых – ультраправого идеолога Окаву, великолепного дипломата Мануоку, *голубых кровей* маркиза Кидо... (И. Цехоня. Перед судом истории).

В ЖИЛАХ чьих ТЕЧЕТ ГОЛУБАЯ КРОВЬ. Ш у т л. Мальчуган – Он страшно любит всех животных, а в Ю-Ю прямо влюблен. Но Ю-Ю не позволяет ему даже прикоснуться к себе. Надменный взгляд – и прыжок в сторону. Она горда! Она никогда не забывает, что в ее жилах течет *голубая кровь* от двух ветвей: великой сибирской и державной бухарской. (А.И. Куприн. Ю-Ю).

Историко-языковые и историко-культурные коннотации даются описательно в разделе «Историко-этимологические сведения в словаре». Разграничиваются узуальные и окказиональные коннотации, обусловленные особенностями индивидуального использования ФЕ. Последние выделяются посредством описательного определения индивидуального осмысления ФЕ, а также графическим выделением в цитатах слов, представляющих контекстуальный фон, необходимый для раскрытия индивидуальных особенностей употребления ФЕ. Приведем пример экспликации внутренней формы ФЕ *гордиев узел* при употреблении производного от нее окказионализма *разрешить загадку гордиева узла*:

Многие старые мифы уже забыты. Но одну из легенд помнит каждый, кто изучал мифологию: как Александр Македонский *разрешил* загадку «*гордиева узла*». Он развязал его мечом. Постромки кареты фригийского царя, *завязанные в искусный узел*, он *разрубил* одним сильным ударом. Что это за решение! – правда о силе, с помощью которой люди, обладающие властью, с незапамятных времен пытались решить проблемы, которых они не понимают и которые стоят на пути их стремления к господству. (Правда, 1986, 10 марта).

Экспликация внутренней формы ФЕ базируется на известном факте, мифе, легенде. Эта ситуация в индивидуальном ее изложении может получать различную интерпретацию, что вносит в смысловое содержание ФЕ окказиональные коннотации. Так, в приведенном употреблении оборота *разрешить загадку «гордиева узла»* не только вербально эксплицируется его внутренняя форма посредством изложения содержания мифа, но и дается субъективная отрицательная оценка поступка Александра Македонского, символизирующего решение проблемы насильственным путем.

В отличие от экспликации внутренней формы ФЕ, которая допускает лишь субъективизм оценки репрезентируемой ситуации, экспликация народно-этимологического осмысления образа, выполняющего деривационную функцию по отношению к ФЕ, изначально является «плодом воображения», порождением индивидуального творчества.

В задачи фразеологического словаря академического типа входит демонстрация реального функционирования ФЕ в языке и их стилистическая характеристика. Однако, последняя остается ахиллесовой пятой современной фразеологии: большинство специальных фразеологических словарей отражает ее непоследовательно, а многие (в том числе и пока наиболее полный фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И. Молоткова) отказываются от нее вообще. Попытка стилистической характеристики ФЕ в нашем Словаре поэтому является в какой-то степени экспериментальной.

В кругу работ, связанных с изучением функционирования ФЕ, особо выделяются многочисленные исследования стилистического использования фразеологизмов, их индивидуально-авторских преобразований.

В речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы ФЕ, обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации, способных отражать в своей смысловой структуре специфику единичных предметов и ситуаций. Стилистические приемы, используемые для усиления экспрессивности, видоизменения предметно-понятийного содержания ФЕ, приводят к окказиональному преобразованию их семантической структуры. Системность и нормативность приемов преобразования ФЕ, выявляемая в аспектах языка и речи, сочетается с индивидуально-авторской, творческой реализацией их, обусловленной стилистическими, художественно-изобразительными функциями.

Определение принципов словарного описания функциональных свойств ФЕ основывается на детальной разработке фразеологической стилистики⁷.

§ 5. Иллюстративная часть

Для полного, углубленного истолкования ФЕ необходим иллюстративный материал Словаря. При выборе литературных иллюстраций учитывалась степень полноты отражения структуры инвариантного значения ФЕ; наличие контекстов, способствующих раскрытию разнообразных смысловых оттенков фразеологической единицы, отражающих индивидуальное восприятие ее внутренней

⁷ См. раздел «Фразеологическая стилистика» в кн.: Библиографический указатель по фразеологии и общему языкознанию. Профессор Александр Владимирович Кунин / Под ред. А.М. Бушуя. Самарканд, 1984; Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона) М., 1983 и др.

формы, образной мотивировки. Подбирались такие контексты, которые показывают особенности лексической и синтаксической сочетаемости ФЕ, демонстрируют различные формы употребления ФЕ, выявляют продуктивные способы индивидуально-авторского преобразования. Из ряда однотипных употреблений ФЕ для Словаря отбирались употребления в текстах, имеющих наибольшую художественно-познавательную ценность.

Тексты, включенные в словарные статьи Словаря в качестве иллюстраций функционирования ФЕ, широко эксплицируют закономерные для идиом многообразные текстовые семантические поля. Входящие в их состав ФЕ реализуют внутритекстовые ассоциативно-семантические связи с различными элементами текста (парадигматические, синтагматические, деривационные). Это убедительно иллюстрирует положение о том, что идиомы хранятся в языковом сознании в виде ассоциативно-семантических сетей⁸. Воспроизведение в речи фрагментов таких полей выявляет их национально-языковую специфику: сами сочетания образов-концептов, представляемые текстовыми конфигурациями ФЕ, идиоматичны, уникальны для данного языка, специфичны для идиостиля. Приведем пример лексико-фразеологического микрополя в стихотворении Б. Слуцкого «Не за себя прошу»:

За себя никогда никого не просил.
Но просить за других, унижаться, терпеть,
Даже Лазаря петь,
Даже Лазаря петь и резину тянуть.
Спину гнуть,
Спину гнуть и руками слегка разводить,
Лишь бы как-нибудь убедить,
Убедить тех, кому все равно,
Это я научился давно.

⁸ См.: А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008, см. 392 и след.

Лексико-фразеологическая парадигма здесь манифестирует определенный поведенческий стереотип, выработанный условиями социального существования, совмещающий бескорыстную целеустремленность и приспособленчество – «лишь бы как-нибудь убедить тех, кому все равно».

Иллюстративная часть многих словарных статей Словаря в совокупности с историко-этимологическим комментарием представляет собой своеобразный интертекст, отражающий преемственность в использовании стилистических приемов окказионального преобразования ФЕ, в интуитивном привлечении аналогичных фразеологических образов, обусловленном идейно-тематической общностью произведений, воздействием идиостиля писателя на формирование стилистических систем других авторов, литературных направлений. Разностороннее сопоставление однотипных употреблений ФЕ поможет устанавливать прототипические употребления, даст возможность проследить эволюцию ряда фразеологических образов-концептов. Например, в словарной статье *святая святых* представлено употребление этой ФЕ и ее трансформов в применении к художественному творчеству преимущественно в художественном и художественно-публицистическом стилях: в произведениях А.П. Чехова и И.Н. Потапенко, принадлежавшего к литературному окружению Чехова; в рассказе И.А. Бунина «В ночном море» и в очерке А. Горелова, при анализе этого рассказа, а также в произведении В. Катаева «Алмазный мой венец» при обращении к творчеству Бунина:

В учительской комнате, в этой таинственной *святая святых*, сидят сама Жевузем и учитель математики Дырявин (А. Чехов. В пансионе). Картина, как и поэма, лишь с того момента становится общественным достоянием, когда представлена всей публике. Это значит, наступило мгновение, когда сам художник сознал зрелость своего произведения и сказал: приходите и любуйтесь! Пока она в мастерской, это *святая святых*, это тайна, которую разглашать преступно (И. Потапенко. Не герой. В кн.: Спутники Чехова). Да и потом еще долго одна мысль о вас и о ней, о вашей с ней близости обжигала меня точно каленым железом. ---

Вы меня, говоря без всякого преувеличения, просто пополам переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежнего меня все равно уже не было, да и не могло быть. Ведь в какую *святая святых* всего моего существования вы вторглись! (И. Бунин. В ночном море). Примечателен рассказ «В ночном море». – Быть может, именно в этом рассказе с наибольшей трагической силой предстало *тайное тайных* Бунина: представление, что все проходит, что все тленно (А. Горелов. Звезда одинокая). Но, видно, поэзии Бунина удалось проникнуть в *тайное тайных* Ключика; – Ключик прочитал мне новое стихотворение под названием «В степи», посвященное мне и написанное «под Бунина» (В. Катаев. Алмазный мой венец).

Иллюстративная часть дает представление о характерности определенных ФЕ в различных употреблениях для тех или иных литературных жанров, направлений, авторов.

При цитировании литературных произведений авторы Словаря ориентировались прежде всего на демонстрацию различных употреблений ФЕ, способов их индивидуально-авторского применения. При этом литературные произведения цитировались в определенной последовательности: 1. Цитаты, в которых ФЕ представлены в основных формах и наиболее отчетливо выявляется структура значения ФЕ как элемента системы языка; 2. Иллюстрации различных нормативных употреблений ФЕ; 3. Цитаты, показывающие различные способы индивидуально-авторского применения ФЕ.

Окказиональные употребления ФЕ последовательно размещаются с учетом степени и общего характера их отклонения от узусных употреблений.

В некоторых иллюстрирующих цитатах произведены небольшие сокращения, отмеченные знаком --- (в отличие от многоточия). При некоторых цитатах в скобках даны краткие примечания авторов Словаря, уточняющие содержание текста. См., например, примечание при следующем употреблении ФЕ *голубая кровь*:

«Да, мы с вами вместе когда-то воровали (в детстве, в период немецкой оккупации – А.М., В.М.). Я прямо шарахнулась от него. – Я

репетирую Ростана «Сирано де Бержерак», борюсь со своим «харьковским диалектом», успешно, вот уже полгода, выращиваю в себе «голубую» кровь и на тебе! Какой-то ненормальный. «Мы с вами, – говорит, когда-то воровали» (Л. Гурченко. Мое взрослое детство. – Наш современник, 1980, № 3, с. 120).

Любой авторский текст, представляющий фразеологическую конфигурацию (ФК), так или иначе семантизирует употребление ФЕ. В Словаре выделены следующие функциональные разновидности ФК: 1) фразеологические конфигурации, служащие семантизации, определению смыслового содержания употреблений ФЕ; 2) фразеологические конфигурации, служащие определению видоизменений семантико-стилистической тональности ФЕ, и 3) ФК, совмещающие функции семантизации употреблений ФЕ и определения их семантико-стилистической тональности. Для ФК в художественном тексте характерно совмещение данных функций.

Многие употребления ФЕ, зафиксированные в материалах Словаря, сопровождаются семантизирующими комментариями, раскрывающими смысловое содержание и своеобразие их стилистического употребления, связи с системой языковых образов, концептуальное содержание единиц текста, среди которых рассматриваемые ФЕ играют доминирующую роль.

Так, примером семантизации в Словаре употреблений ФЕ, основанных на структурно-семантической аналогии по контрасту (одноструктурных антонимов), служит сопоставление окказионализма *слабые мира сего* с его языковым одноструктурным антонимом *сильные (мира сего)* в следующем тексте стихотворения:

Я сижу в своем саду, горит светильник.

Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.

Вместо *слабых мира этого* и *сильных* –
лишь согласное гуденье насекомых.

(И. Бродский. Письма римскому другу. Из Марциала).

Книжное выражение *сильные (великие) мира сего*, восходящее к Ветхому Завету (2 Цар., 7, 9), имеющее сейчас значение «влиятельные,

высокопоставленные лица» (БМШ 2000, 68-69), поэт «перелицовывает» подстановкой антонимического прилагательного, сталкивая при этом антонимы в одном микроконтексте. Тем самым ФЕ приобретает глобальное расширительное значение – «все люди, независимо от их социального статуса», что дает возможность перейти к еще более общей имплицитной антитезе: «люди – животный мир» (т.е. гудящие насекомые).

Вероятно, потенциальная противопоставленность семантики заложена в самом энергетическом ядре библеизма. Искусству диалектического сопряжения силы, величия «сильных мира сего» с человеческими слабостями и пороками поддаются и другие художники слова. Такое сопряжение, например, сделал характеристикой своего героя В. Астафьев в повести «Зрячий посох»:

И какой же гнусный, подлый человек открылся мне, а ведь Ермилов был не просто человек, он ходил в *«сильных мира сего»*, правил моралью и влиял на духовную жизнь, пусть не страны, не всего народа, но на часть литературной публики, и часть немалую.

В данном контексте представлена развернутая семантизация употребления ФЕ *ходил в сильных мира сего* посредством следующих за ним глагольных словосочетаний.

Повторная номинация концепта, репрезентируемого ФЕ в составе фразеологической конфигурации, также может выполнять семантизирующую функцию, которая достигается посредством определений фразеологизмов, содержание которых раскрывает, уточняет элементы индивидуального смыслового содержания. Подобные семантические повторы графически выделяются во включенных в Словарь иллюстрациях употребления ФЕ и часто сопровождаются специальным комментарием. Так, в словарную статью *обетованная земля* включена цитата из стихотворения Ю. Левитанского «Кровать и стол, и ничего не надо больше...»:

Мой старый стол, мой отчий край, мой дальний берег,
моя земля *обетованная*, мой остров,
мой утлый челн, моя спасительная шлюпка,

сопровождая комментарием: ФЕ *земля обетованная* употреблена в ряду образных перифраз, характеризующих роль творчества в жизни поэта как самого важного, необходимого, как предмета заветных устремлений.

Разнотипная и многоаспектная семантизация ФЕ в Словаре служит определению их роли в вербализации и структурировании концептов как базовых понятий культуры, мировосприятия, формирующихся и получающих дальнейшее развитие в сознании носителей языка.

Иллюстративная часть словарных статей Словаря содержит совокупности употреблений ФЕ, отражающих дискурс их функционирования. Чем разнообразнее представленные в Словаре употребления фразеологизмов, репрезентирующие видоизменения их актуального значения и формы их выражения, тем многоаспектнее раскрытие концептуального содержания ФЕ.

§ 6. Историко-этимологические сведения в Словаре

В конце словарных статей дается историко-этимологический комментарий ФЕ, цель которого – установить исходную мотивировку ФЕ как источника всех зафиксированных позднейших трансформаций, выявить и репрезентировать историко-культурный и культурно-языковой коннотативный потенциал ФЕ. С этой целью определяются источники происхождения исконных и заимствованных ФЕ, описывается их возникновение на основе пословиц, крылатых выражений, сюжетов художественных произведений, библейских и мифологических текстов. Для прояснения внутренней формы, исходной образной мотивировки ряда ФЕ разъясняются входящие в их состав лексические и семантические архаизмы и историзмы, устаревшие грамматические формы слов. Объяснение происхождения ФЕ, их образной мотивировки поможет читателям Словаря глубже вникнуть в смысловое содержание ФЕ, наглядно представить различные грани фразеологического образа, оценить изобразительные возможности ФЕ, осознать мотивировку включения ФЕ в текст и окказионального преобразования. На фоне

исходной мотивировки и структуры, реконструированных в историко-этимологической справке, современные индивидуально-авторские трансформы выделяются еще более рельефно.

Здесь используются пометы историко-этимологического характера; пометы, обозначающие источник происхождения, территориальную принадлежность ФЕ: нов., устар.; библ., диал.; англ., греч., итал., нем., лат., польск., укр., фр.; дон., кубан., курск. и т. п.

Историко-этимологическая справка способствует и повышению культуры речи, ибо дает ориентацию на истинное, «правильное» и внутренне осмысленное употребление ФЕ.

§ 7. Словарная статья

Каждая словарная статья призвана отразить функционирование фразеологической единицы в современном русском литературном языке, своеобразие ее индивидуально-авторских употреблений, смысловых и эмоционально-экспрессивных нюансов. Основные разделы словарной статьи: 1) заголовочная ФЕ; 2) варианты и индивидуально-авторские употребления ФЕ; 3) экспрессивно-стилистическая характеристика; 4) семантическое определение; 5) иллюстративная часть; 6) историко-этимологические данные.

Специфика большинства перечисленных компонентов словарной статьи в Словаре состоит в том, что они взаимопроникаемы. Рассмотрение каждого компонента выявляет характер их взаимопроникновения.

Отличительной особенностью словарной статьи СФРР является последовательное включение в иллюстративную часть зафиксированных в картотеке Словаря форм употребления с указанием особенностей семантики, связей с контекстом, индивидуально-авторских преобразований значения и формы ФЕ в тексте. В составе иллюстрирующих цитат выделяются: 1) парадигматические формы ФЕ (члены грамматической парадигмы); 2) лексические и формальные варианты ФЕ; 3) индивидуально-авторские употребления ФЕ,

оказиональные слова, образные словосочетания, образованные или переосмысленные на базе ФЕ; 4) фразеологические конфигурации, в которых реализуется то или иное употребление ФЕ.

В заголовке словарной статьи прежде всего выделяется вокабула – знаменательное слово – наиболее константный, «стержневой» компонент ФЕ (преимущественно имя существительное). Вокабула и заголовочная ФЕ даются полужирными прописными буквами в исходной форме или в основной (или единственно употребляемой) форме. Например: *ворона – белая ворона; собака – собаку съесть на чем, в чем; молодой – из молодых да ранний; мозг – до мозга костей.*

§ 8. Расположение фразеологических единиц.

Определение компонентного состава фразеологизмов

Расположение ФЕ. в Словаре основывается на выделении в их составе знаменательных слов, являющихся стержневыми компонентами, семантическими центрами ФЕ. Фразеологические единицы размещаются по алфавиту преимущественно первого субстантивного компонента⁹. Преимущественная ориентация на субстантивные компоненты, входящие в состав преобладающего большинства ФЕ, включенных в Словарь, обусловлена тем, что они, как правило, являются центрами фразеологических образов, семантически наиболее существенны, наиболее константны, чаще других знаменательных компонентов сохраняются при имплицировании ФЕ.

Стержневая подача позволяет более последовательно отразить семантическую общность целых фразеологических рядов, «нанизанных» на стабильную символику одного компонента. Это также дает возможность не повторять отдельные стилистико-коннотативные характеристики ФЕ и историко-этимологические комментарии.

⁹ См. об этом подробнее в разделе «Как пользоваться Словарем» (§1): Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997.

Настоящий Словарь отличается от ФСРЯ под ред. А.И. Молоткова и ряда других фразеологических словарей¹⁰ подходом к определению компонентного состава и грамматической характеристики (категориального значения) многих ФЕ (*держат в ежовых рукавицах, оставлять с носом, откладывать в долгий ящик, камня на камне не оставить, приставать с ножом к горлу, разбираться как свинья в апельсинах* и др.). В этих словарях грамматически опорные глаголы подобных оборотов, а также слова *денег* (*денег куры не клюют*), *не видно* (*не видно ни зги*) и т. п. (т. е. так называемые слова-сопроводители) не включены в состав ФЕ. Это мотивируется аналитичностью значения данных оборотов, тем, что слова, не включаемые в компонентный состав ФЕ, сохраняют все признаки слова, в том числе и «свое самостоятельное лексическое значение и свою самостоятельную синтаксическую функцию» [Молотков 1987: 10]. Членимость значения на элементы, соотносящиеся с отдельными словами-компонентами, свойственная многим идиомам, не может служить основанием для отграничения этих слов от компонентного состава ФЕ. Лексические компоненты ФЕ данного типа, сохраняющие семантическую отдельность, наряду с остальным компонентным составом, участвуют в формировании и выражении фразеологического значения, возникшего в результате семантического преобразования словосочетания. При фразеологизации подобных словосочетаний семантическое преобразование одного из компонентов оказывается неявным, не отражающимся в обычных словарных дефинициях.

Учетом аналитичности значения ряда идиом, особенностей семантического преобразования их компонентного состава обусловлено включение в Словарь двухкомпонентных ФЕ *сизифов труд, медвежья услуга, холодная война* и под., которые авторы ФСРЯ не включили в словарь, не считая их фразеологизмами.

¹⁰ Например: Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка М., 1980; Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Под ред. В.П. Жукова. М., 1987.

**§ 9. Описание зафиксированных в Словаре преобразований
фразеологических единиц.
Фиксация фразеологических конфигураций.**

В Словаре выделяются и графически обозначаются в основных разновидностях два типа индивидуально-авторских преобразований: 1) семантические и 2) структурно-семантические преобразования.

Дифференциация структурно-семантических и семантических преобразований ФЕ в значительной степени условна, так как «семантические преобразования» сопряжены с изменением (трансформацией) семантической структуры ФЕ. Однако при семантических преобразованиях изменение семантической структуры ФЕ остается внешне не выраженным, имплицитным.

Все структурно-семантические преобразования базируются на психолингвистических механизмах смысловых замен и поиска субъективных эквивалентов¹¹. Смысловые замены и поиск субъективных эквивалентов обусловлены стремлением постичь, усвоить смысл языковых знаков, единиц текста и адекватно его интерпретировать, часто в применении к единичной ситуации.

В исследованиях последних лет рассматриваются различные виды и функции смысловых замен¹². Смысловые замены интерпретируются как «переход на более высокую ступень понимания», характеризующийся освобождением от скованности словесной формулировкой¹³. Стремление индивида к экстериоризации значения языковых единиц трактуется как

¹¹ Принципы (механизмы) смысловых замен, субъективной эквивалентности принадлежат к числу фундаментальных принципов работы речевого механизма человека. См. об этом: Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000, с. 56.

¹² Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992, с.116-117.

¹³ Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М., 1966, с.169.

одна из ведущих стратегий человеческой деятельности, как перцептивная универсалия¹⁴.

В представленном описании преобразований фразеологизмов даны наименования основных их видов и разновидностей.

1. Семантические преобразования.

К преобразованиям этого типа относятся семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ.

1. 1. **Приобретение фразеологизмом дополнительного семантического оттенка.** Разнообразные семантические оттенки часто возникают в индивидуальном употреблении ФЕ. Характерно в этом отношении употребление оборота *беситься с жиру*, в котором неудовлетворенность существующим, благородные стремления принимаются за проявление сумасбродства, привередливости. Контекст передает авторское резко отрицательное отношение к смысловому содержанию ФЕ *беситься с жиру* в этом употреблении:

О, какое мерзкое выражение!... Им так удобно одергивать всякое желание, стремление, мечту. Гасить любую неудовлетворенность, недовольство, порыв. – *С жиру бешишься* – и баста! (Ю. Нагибин. Берендеев лес).

1.2. **Переосмысление ФЕ.** Под переосмыслением понимается коренное преобразование смыслового ядра, «семантического стержня» фразеологической единицы, полное изменение ее смыслового содержания. См., например, в Словаре формулировку значения ФЕ *седьмая вода на киселе* и определение ее смыслового содержания в одном из употреблений «крайне нечеткие, неопределенные, расплывчатые рассуждения, имеющие самое отдаленное отношение к обсуждаемому»:

А твои рассуждения – это *седьмая вода на киселе*. Ведь ничего конкретного у тебя нет, только понятия и фразы. (А. Ананьев. Годы без войны).

1.3. Изменение коннотативного содержания ФЕ.

¹⁴ Задорожный М.И. Семантизация как доминанта вербального общения // Экспериментальный анализ смысла. Фрунзе, 1987, с. 98-102.

Следует различать количественное и качественное изменение компонентов коннотации. Количественные изменения проявляются в интенсификации или ослаблении эмоциональности, оценки, экспрессивности. Качественные изменения – в преобразовании, обновлении эмотивно-оценочного плана. Таково, например, уже проанализированное употребление ФЕ *беситься с жиру*.

1.4. Особо выделяются семантические преобразования, базирующиеся на образности ФЕ.

На образности ФЕ, на внутренней форме, образной основе фразеологизмов базируются следующие виды семантических преобразований:

1.4.1. Двойная актуализация (двойной семантический план).

Под двойной актуализацией понимается совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и/или внутренней формы. Пример:

...Кассиус Клей забыл о нем (о тяжеловесе Васюшкине – А.М., В.М.). Кто *бросит в него камень*? Да *камни* и не пробивают броневой завесы славы. Отскакивая от нее, они поражают тех, кто осмелился бросать. (Г. Бакланов. Новый мир 1971).

В этом контексте словесно выраженное представление о символическом действии является внутренней формой ФЕ *бросить камень*. Это представление сочетается с образом, выражаемым словосочетанием *бросить камень* в его прямом значении. Именно на прямом значении этого словосочетания базируется представление о непробиваемой «броневой завесе славы» и отскакивающих от нее камнях. Тем самым происходит значительное семантическое дистанцирование от исходного образа ФЕ, восходящей к древней традиции и известному эпизоду из Евангелия.

1.4.2. Буквализация значения ФЕ. При буквализации значения исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой образную основу ФЕ, не только актуализируется, но выступает на первый план, часто противопоставляясь фразеологическому значению оборота.

Пример:

Кстати говоря, мы с мальчишками недавно *изобрели-таки велосипед*. Не улыбайтесь – велосипед без кавычек, настоящий. Его отличает необыкновенная задняя втулка, в которой заключена коробка передачи скоростей новой конструкции. (А. Иванов. Не изобретать «велосипед»).

В сопоставлении с фразеологическим значением оборота *изобретать велосипед* в данном употреблении прямое, буквальное значение сочетания получает смысловое приращение, которое может быть передано формулировкой «усовершенствовать, преобразовывать ранее созданное».

1.4.3. Народноэтимологическое переосмысление внутренней формы ФЕ.

У целого ряда ФЕ современного русского языка наблюдается обновление внутренней формы в связи с переосмыслением их компонентного состава по принципу народной этимологии. Суть народной этимологии заключается в сведении непонятной единицы языка к понятной, в стремлении осмыслить новые знаки языка через сопоставление их с внешне сходными, известными. При забвении этимологического значения фразеологизмов между их компонентами и сходными или совпадающими по звучанию словами свободного употребления устанавливаются семантические ассоциации, определяющие новую внутреннюю форму ФЕ. Например, действия, обозначаемые оборотами, употребленными в прямом значении, *бросать камень, бросать перчатку, перемывать косточки* и т. п., могли иметь ранее символический смысл. Фразеологическое значение таких оборотов базируется на символическом содержании, обусловленном определенной ситуацией. При забвении символического смысла оборота, как и породившей этот смысл ситуации, внутренняя форма переосмысливается: между буквальным значением оборота и его фразеологическим значением в сознании носителей языка устанавливаются непосредственные деривационные связи. Таким образом, изменяется внутренняя форма ФЕ. Прямые значения ее лексических компонентов воспринимаются как элементы внутренней формы. Например, переосмысленная внутренняя

форма ФЕ **бросать перчатку** явственно обнаруживается при каламбурном употреблении, основанном на совмещении буквального и фразеологического значений оборота:

Ломоносов *швырнул ему перчатку* из далекого Фрейберга *и угодил метко* – прямо в лицо не ждущему нападения противнику. Третьяковский ведать не ведал, чем навлек на себя гнев даровитого помора. (Ю. Нагибин. Остров любви).

1.4.4. **Экспликация внутренней формы (образной основы) ФЕ.**

Под экспликацией внутренней формы (образной основы) ФЕ понимается раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой фразообразования. При этом фразеологическое значение, его индивидуальное употребление сопоставляется с мотивирующей его, «порождающей» ситуацией. Таким образом прослеживается, выявляется процесс переноса значения, охватывающий определенную композиционную часть текста. Пример:

Статья «Освобождение», что называется, *из ряда вон выходящая*. Но *выходить из ряда* – значит *быть в определенном ряду, сначала надо попасть в определенный ряд, чтобы там выделиться, наиболее резко выразив особенности данного ряда*. (Ю. Суровцев. Полемические маргиналии).

На экспликации образной основы ФЕ **из ряда вон выходящий** здесь базируется развёрнутая метафора.

2. **Структурно-семантические преобразования ФЕ.**

Структурно-семантические преобразования ФЕ представляют собой смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ.

Разграничиваются два основных типа структурно-семантических преобразований ФЕ: 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества ФЕ; 2) преобразования, в результате которых возникают окказиональные (индивидуально-авторские) фразеологизмы или слова.

В Словаре выделены основные разновидности структурно-семантических преобразований обоих типов.

В результате структурно-семантических преобразований первого типа создаются различные индивидуально-авторские употребления ФЕ, конкретизирующие и развивающие смысловое содержание, усиливающие экспрессивность, видоизменяющие эмотивно-оценочный план в пределах тождества ФЕ.

В число преобразований первого типа включены:

1.1. Изменение компонентного состава ФЕ:

1.1.1. **Расширение компонентного состава ФЕ.** См., например, окказиональные употребления ФЕ, в которых отдельные компоненты или сочетания компонентов распространены словами свободного употребления:

Если правительства перестанут *держат* за пазухой ядерный камень, человечество уверенно вступит в третье тысячелетие и земная цивилизация будет сохранена. (В. Катаев. Душа и слово) – Ср.: *держат* камень за пазухой.

«Ты откуда будешь-то?» – спросил его сосед, *весьма потертый, весьма и весьма, видно стреляный воробей*. (В. Шукшин. А поутру они проснулись). – Ср.: *стреляный воробей*.

1.1.2. **Замена компонента ФЕ словом или словосочетанием**

На спектакль приехала публика даже из далекого Лагоса. *Банану негде упасть*. (Ю. Нагибин. Нигерийская тетрадь). – Ср. *яблоку негде упасть*.

В романе «Игорь Саввович» вина за нарушение законности упорно *перекладывается с больной головы на здоровую*. (В. Молчанов. С больной головы на здоровую). – Ср.: *валить с больной головы на здоровую*.

1.1.3. **Сокращение компонентного состава (эллипсис ФЕ).** При этом смысловое содержание ФЕ сохраняется, но часто становится менее интенсивной экспрессивность, менее яркой – образность:

Хотел было начать рассказывать о процессе над Мигулиным, но почувствовал после первой же фразы, что особого интереса ни у кого нет, и умолк внезапно. Ни к чему все это. *Метать бисер*. (Ю. Трифонов. Старик). – Ср. *метать бисер перед свиньями*.

Подошел Галкин, брат не брат, *«седьмая вода»*. (Ф. Ветров Картошка в натюрморте). – Ср.: *седьмая вода на киселе*.

1. 2. **Изменения в расположении компонентов**

1.2.1. **Дистантное расположение компонентов**, связанное с их смысловым выделением, обособлением:

Ученый-экономист давал, что называется, *экономического маху*. (А. Суконцев. Пряник за экзамен). – Ср.: *дать маху*.

1.2.2. **Синтаксическая инверсия** как средство усиления экспрессивности, смыслового выделения компонентов:

– Я и дома-то в ту ночь не был. – Это кто-нибудь может подтвердить? – Э-э, уважаемый, на такой крючок меня не подденешь. Я *воробей стреляный*. (А. Адамов. Петля). – Ср.: *стреляный воробей*.

Нет, брат, нас не надуешь. Мы тоже *волки травленные*. – Ср.: *травленный волк*.

При выделении морфологических и синтаксических трансформаций ФЕ учитываются как преобразования семантической структуры путем изменения грамматической формы компонентов в пределах морфологической и синтаксической парадигмы ФЕ (ср.: *накалять атмосферу, накаляющаяся атмосфера, накалившаяся атмосфера, атмосфера накалена* и т. п.), так и морфологические и синтаксические варианты ФЕ. Морфологическое и синтаксическое варьирование имеет место в единицах, в которых изменение грамматической формы компонентов, их синтаксической сочетаемости не влечет изменения значений грамматических категорий ФЕ (ср.: *плечо в плечо, плечо к плечу*).

1.3. Дифференцируются внутренние и внешние синтаксические и морфологические преобразования ФЕ.

1.3.1. Внешние морфологические преобразования ФЕ – нормативные видоизменения грамматической формы компонентов ФЕ в пределах морфологической парадигмы (ср.: *сдавать в архив кого, что – сдающий в архив* и т. п.; *затвориться в башне из слоновой кости – затворяться в башне (в башнях) из слоновой кости*).

1.3.2. Внутренняя морфологическая трансформация ФЕ – изменения грамматической формы ФЕ, не входящие в разряд нормативных реализаций членов морфологической парадигмы ФЕ, выражающие семантику индивидуальных употреблений ФЕ (ср.: *белая ворона – белый ворон, козел отпущения – коза отпущения, поросло быльем – порастет быльем, комар носа не подточит – комар носа не подточил*).

1.3.3. Внешние синтаксические преобразования ФЕ – нормативные синтаксические видоизменения ФЕ в рамках синтаксической парадигмы (ср.: *накалять атмосферу, накаляющаяся атмосфера, атмосфера накалена*), изменение синтаксических функций ФЕ и синтаксической сочетаемости (ср.: *работать спустя рукава – работа спустя рукава*)

1.3.4. Внутренняя синтаксическая трансформация ФЕ – изменения внутренней синтаксической структуры ФЕ (Ср.: *мерить на аршин* какой – *мерить аршином* каким; см. также изменение внутренней синтаксической структуры ФЕ в связи с расширением и сокращением компонентного состава и др.).

Внешние морфологические и синтаксические преобразования ФЕ являются наиболее частыми (стандартными), в наименьшей мере способными отражать своеобразие употребления ФЕ в тексте.

1.4. Переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.

(Ф. Тютчев. Умом Россию не понять...) – Ср.: *мерить на один аршин* кого, что.

В конце концов он может завтра пойти работать! Да и без должности *не бьет баклуши*. (И. Шамякин. Снежные зимы).

1.5. Изменение, расширение лексико-семантической и синтаксической сочетаемости ФЕ и компонентов ФЕ. Часто эти виды преобразования встречаются в комбинации с другими структурно-семантическими трансформациями:

Важно паять взор спецы на критическую моду, – дескать, пойте, крит-певцы, *языком толчите воду*. (В. Маяковский. Критика самокритики). – Ср.: *толочь воду в ступе*.

Сокращение компонентного состава ФЕ здесь совмещается с ее необычной сочетаемостью как в лексико-семантическом, так и грамматическом планах. Обычно эта ФЕ не употребляется в сочетании с управляемым словом. См. также расширение лексико-семантической сочетаемости глагольного компонента *толочь*, выражающееся в замене компонента *воду* словом *комплименты*:

Толча комплименты, как *воду в ступке*, люди совершают благородные поступки. (В. Маяковский. Маруся отравилась).

1.6. Полная деформация. При этом отдельные компоненты ФЕ могут употребляться обособленно, не вступая в синтаксические связи, или употребляются в качестве смысловых центров сочетаний, коренным образом отличающихся структурой и лексическим составом от исходной ФЕ:

Его принял начальник общевоинского управления – генерал Ольбрихт «Тоже ворона», – решил после встречи Эрих, подразумевая белую. (Ю. Слепухин. Сладостно и почетно). – Ср.: *белая ворона*.

...лучше такая компания, чем вынужденное одиночество, доводящее до черной тоски. Короче, это *тот самый рак, который на безрыбье...* (Л. Жуховицкий. Компания). – Ср.: *на безрыбье и рак рыба*.

1.7. Использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения.

Заварили кашу главари, *расхлебывать* же приходится всей нации. (О. Смирнов. Эшелон).

Но надо же такому случиться: едва руководитель группы П.В. Полчанинов ступил на казанскую землю, как заблудился в трех соснах. Правда, заблудиться ему помогли местные автобоги, которые повадились ходить к нему в гостиницу и возить на загородные пикники. (И. Шатуновский. Сто раз по экватору).

Слова *расхлебывать* и *зablудиться*, употребленные вне ФЕ, выражают элементы значения ФЕ, в составе которых они употребляются.

1.8. *Народно-этимологическое переоформление ФЕ.*

Переосмысление внутренней формы ФЕ на основе народной этимологии может приводить к изменению материальной формы фразеологизма. Примером структурно-семантического преобразования ФЕ по принципу народной этимологии может служить употребление пословицы *не так страшен черт, как его малюют* в рассказе Н.С. Лескова «Зимний день». Этот оборот употреблен одной из собеседниц в применении к Льву Толстому и приверженцам его идей:

Ну, к Толстому, знаете, молодежь к нему теперь уже совсем охладевает. Я говорила всегда, что это так и будет, и нечего бояться: *«не так страшен черт, как его малютки»*.

Слово *малютки* употреблено здесь как собирательное прозвище не только приверженцев учения Толстого, но всех, кто восстает против укоренившихся застарелых обычаев и предрассудков. «Малютки» для сплетничающих обывательниц – воспитанники «черта», зараженные его (Толстого) идеями. Значение пословицы *не так страшен черт, как его малюют* – «то, что представляется страшным, угрожающим, в действительности не так страшно, преодолимо». Замена глагола *малюют* существительным *малютки* вызывает перемещение смыслового центра на слова, обозначающие противопоставленные субъекты действия (черт – малютки). Трансформация образного плана пословицы приводит к переосмыслению ее актуального значения. Оборот *не так страшен черт, как его малютки* приобретает смысл «не так опасен наставник, несущий зловредные идеи, как его ученики, последователи».

2. *Преобразования, в результате которых возникают окказиональные (индивидуально-авторские) слова и ФЕ, авторские афоризмы.* Окказиональные ФЕ, в отличие от окказиональных (индивидуально-авторских) вариантов ФЕ, служат не смысловой заменой языковых эквивалентов, а средством вербализации индивидуально-авторских концептов, как и возникающие на базе ФЕ окказиональные слова. Выделяются следующие виды окказиональных единиц, являющихся дериватами фразеологизмов:

2.1. *Окказиональные слова, образованные на базе ФЕ:*

А ведь неудачнейшая жизнь при этом: протез, *бельмесость*, окрутившая его вокруг пальца распутная баба, заставившая платить алименты на чужого ребенка. (А. Курчаткин. Гамлет из поселка Уш).

Здесь *бельмесость* – «полная невозможность разобраться в окружающем, осмыслить, понять что-либо» – ср.: *не смыслить ни бельмеса*:

...за все годы своего существования ни разу не сумели представить на выставку какое-либо настоящее изобретение. *Велосипедоизобретательство*, как видите, и тут сыграло роковую роль. (И. Иванов. Не изобретать «велосипед»).

2.2. Окказиональные ФЕ, образованные на базе ФЕ языка (окказиональные дериваты ФЕ) характеризуются признаками, свидетельствующими о нарушении тождества фразеологизма: изменением предметно-понятийного содержания, категориальной семантики, нетождественностью образной основы. В Словаре графически выделяются следующие разновидности окказиональных ФЕ:

2.2.1. Окказиональные ФЕ, вычлененные из состава устойчивых сочетаний.

Опыт совместной советско-итальянской комедии Эльдара Рязанова при всех издержках *«первого блина»* оказался сравнительно удачным. (Н. Богословский. Вариации на вечную тему).

Первый блин – «первая попытка осуществить какое-либо нововведение». Ср.: *Первый блин комом* – «Первый опыт в каком-либо деле оказывается неудачным».

2.2.2. Окказиональные ФЕ, образованные по структурно-семантическим моделям синонимичных ФЕ. Например, окказиональный синоним ФЕ *пускать козла в огород* употреблен в контексте:

...администрация ПМК-390 подбирает и расставляет кадры вопреки давним хорошим традициям. И по этим традициям не рекомендуется *пускать козла в огород*, а лису назначать заведующей курятником. (А. Круглов. А. Пржиалковский. Ждите Фомкина!).

2.2.3. Оказиональные ФЕ, образованные в результате структурно-семантической аналогии по контрасту (одноструктурные антонимы ФЕ языка). Ср., например, ФЕ *оборотная сторона медали* в значении «неявные отрицательные свойства чего-либо, противоположные явным, положительным» и *лицевая сторона медали* в значении «явные, положительные свойства чего-либо, обладающего и скрытыми отрицательными свойствами»:

... писателю показывают лишь *лицевую сторону медали*. (О. Берггольц. Крепить боевую дружбу).

2.2.4. Оказиональные ФЕ, основывающиеся на структурно-семантической (ролевой) инверсии. Особую модель образования okazjiональных одноструктурных антонимов представляют фразеологические антитезы, типовое значение которых основывается на противопоставлении в каком-либо плане двух логически неравноправных понятий в рамках предложения или словосочетания (ср.: *старая погудка на новый лад, волк в овечьей шкуре, ложка дегтя портит бочку меда, делать из мухи слона* и т. п.). От данных ФЕ образуются антонимы посредством структурно-семантической (ролевой) инверсии. Это особый тип структурно-семантического преобразования ФЕ, основывающийся на взаимозамене компонентов, выражающих контрастирующие элементы фразеологического значения и занимающие разные синтаксические позиции в структурной схеме ФЕ. Взаимозаменяемые компоненты обозначают лиц, неодушевленные предметы, явления, как бы меняющиеся ролями. Таким образом, происходит «ролевая инверсия».

Примеры: Ср.: *сделать из мухи слона* и *сделать из слона муху*. Ср. также okazjiональную ФЕ *овца, натягивающая на себя шкуру волка*, употребленную в сопоставлении с ФЕ *волк в овечьей шкуре*.

2.2.5. Оказиональные ФЕ, основывающиеся на конверсии ситуации. К этой группе фразеологических okazjiонализмов относим в основном глагольные okazjiональные ФЕ, базирующиеся на конверсной

трансформации¹⁵, при которой глагольные компоненты заменяются глаголами, передающими обратные отношения. Ср. глагольные ФЕ и производные от них окказионализмы, образованные по той же модели, но обозначающие разнонаправленные действия: *заходить в тупик* – *заводить в тупик*; *держат в ежовых рукавицах* – *попадать в ежовые рукавицы*. Таким образом, происходит замена ситуации, отражающей действие, производимое определенным субъектом, ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производимое другим субъектом. Конверсная трансформация, отражающая подобную замену ситуации, обусловленную изменением субъекта действия, может быть названа «конверсией ситуации» или «ролевой инверсией» (ср. с другим типом ролевой инверсии (перестановки), выделенным при рассмотрении предыдущей трансформации).

2.2.6. Окказиональные ФЕ, основывающиеся на преобразовании категориального значения ФЕ. Ср., например, включенные в Словарь глагольные ФЕ и образованные от них субстантивные ФЕ *камня на камне не оставит* и «неоставление камня на камне» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки), *перегибать палку* и «перегиб палки» (В Маяковский. Выступление на диспуте «Пути и политика Совкино» 15 ноября 1927 г.), *вертеться (кружиться) как белка в колесе* и «четвертьвековое кружение в беличьем колесе землевладельческих забот» (Ю. Нагибин. Запертая калитка). Последний окказиональный фразеологизм основан на сложном преобразовании ФЕ посредством ряда приемов. В этом случае сочетаются преобразование категориального значения ФЕ, расширение компонентного состава, словообразовательные изменения, изменение синтаксической структуры.

Если окказиональный фразеологизм отличается от производящей ФЕ рядом преобразований, один из приемов преобразования является ведущим, обуславливающим возникновение данной ФЕ. Для окказиональной ФЕ *четвертьвековое кружение в беличьем колесе*

¹⁵ О термине см. книгу: Экспериментальные исследования семантики русского глагола. М., 1967, с. 63-64.

землеуладельческих забот ведущим приемом преобразования является изменение категориальной семантики ФЕ.

2.2.7. Контаминация ФЕ. Контаминация ФЕ представляет собой объединение частей двух или более ФЕ, в результате которого может возникнуть новая ФЕ.

Пример из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Что ни на есть отчаянный был Клим мужик: и пьяница, и на руку нечист... Горазд орать, балясничать, гнилой *товар показывать с казового конца*.

В данном случае на основе двух ФЕ, выражающих понятие показной стороны (*товар лицом показать* и *казовый конец*), и изменения компонентного состава одной из них создан оборот с совершенно иным содержанием — «в корыстных целях обманывать, выдавая плохое за хорошее, показывая только то, что может внешне произвести положительное впечатление».

2.2.8. Оказиональные ФЕ, возникшие в результате коренного преосмысления ФЕ языка. При этом утрата смысловых связей, нарушение семантического тождества с производящей ФЕ сочетается с полным или частичным сохранением лексического состава и грамматической структуры прототипа. Ср.: например, в Словаре *выносить сор из избы* — «разглашать неблагоприятные дела, конфликты, касающиеся узкого круга лиц, служебных отношений» и *вымести сор из нашего общего дома* — «решительно, полностью устранить какие-либо недостатки, помехи, отрицательные явления».

2.2.9. Оказиональные ФЕ, образованные по моделям ФЕ языка, на базе образа ФЕ при частичном изменении значения и образной основы. Ср.: *за тридевять земель* — «очень далеко; в чрезвычайно отдаленном месте (местах)» и окказионализмы: *за тридевять лет* — «через очень длительный срок»; *из-за тридевять буйных веков* — «из очень давних времен; *за тридевять земель и двадцать лет* — «очень далеко и через длительное время»; *строить воздушные замки* — «задумывать, планировать что-либо неосуществимое, нереальное; предаваться несбыточным мечтам» и *торговать воздушными замками* —

«с целью наживы выдавать за реальное что-либо вымышленное, несуществующее».

2.2.10. Окказиональные ФЕ – образные сравнительные обороты, в которых образ сравнения возникает на базе образной основы ФЕ: *толочь комплименты как воду в ступке* (ср.: *толочь воду в ступе*); *ответ положить как на блюде* (ср.: *подносить на блюдечке*).

2.2.11. Окказиональные ФЕ, возникающие на основе определенных литературных сюжетов. См., например, при ФЕ *голый король* окказионализмы, восходящие к сказке Г.Х. Андерсена «Новое платье короля»: *крикнуть королю, что он голый* – «разоблачить мнимый авторитет»; *роль мальчика из «Голого короля»* – «искренние, непредвзятые суждения, обнаруживающие истину»; *одеть короля, которого не существует* – «создать иллюзии, скрывающие неприглядную действительность». Ни одно из приведенных сочетаний не употреблено в сказке Андерсена. Они возникли в различных художественных текстах как метафорические обороты, смысловое содержание которых абстрагировано от сюжета сказки, к которому они восходят. Но прозрачная внутренняя форма, образная основа этих оборотов содержит явную аллюзию на первоисточник.

Кроме выделенных разновидностей окказиональных ФЕ, в Словаре зафиксирован целый ряд не входящих в данные разряды образных словосочетаний, созданных в тексте разными способами на базе ФЕ языка. Эти словосочетания также квалифицируются в Словаре как окказиональные ФЕ. Многие из них включают основные компоненты семантики и образной основы производящих фразеологизмов, видоизменяя, развивая фразеологическое значение и образный план: *брат жены седьмого киселя* (ср.: *седьмая вода на киселе*); *положиться на русское авось* (ср.: *на авось*); *дружба, просоленная двенадцатью пудами вместе съеденной соли* (ср.: *пуд соли съесть с кем-либо*); *перевернуть медаль и посмотреть, что там с другой стороны* (ср.: *оборотная сторона медали*), *приоткрывать дверцу в тайное святых* (ср.: *святая святых*).

2.2.12. К структурно-семантическим преобразованиям второго типа примыкает образование авторских афоризмов, основывающихся на фразеологических единицах. В составе таких афоризмов обычно актуализируется не только семантика, но форма (звуковая, внутренняя форма) фразеологических единиц языка.

Примеры:

С народом я лучше тебя столкнуться смогу. Ни народ тебя не понимал, ни ты его. Так что *баш на баш менять, только время терять*. (В. Тендряков. Кончина). – Ср.: *баш на баш*.

Люди большой цели, пренебрегая опасностями, служебной карьерой, удобствами, рвались в тот же Китай, в Тибет, на Новую Гвинею. – И ничто не могло их остановить, ибо в жизни может быть лишь одна большая цель ...*Большую цель не подносят на праздничном блюде*. (М. Колесникова. Гадание на иероглифах). – Ср.: *подносить на блюдечке*.

Люди не любят тех, кто не похож на них, – сказала Лариса. – Кто лучше, красивее – особый вид зависти – самый опасный ... Не пойму я, хмурясь проговорил он. – Чего ж тут не понимать? *Если в стае ворон попадает одна белая ворона, ее заклевают черные*, – сказала Лариса. (Г. Березко. Присутствие необычайного). – Ср.: *белая ворона*.

Словарную статью завершает историко-этимологический комментарий.

Обзор разрядов индивидуально-авторских преобразований ФЕ в русской речи, систематизировано представленных в СФРР, демонстрирует их многообразие и разнонаправленность, генератором которых является неисчислимая комбинаторика проявлений формы и содержания в тексте. При всех ограничениях, накладываемых устойчивостью ФЕ как ее категориального свойства, эта комбинаторика динамизирует фразеологическую систему, разрушает стереотипизированную структуру и семантику, способствуя тем самым неологизации и индивидуализации общего.

Само построение словаря «Фразеологизмы в русской речи» ориентировано на выделение базовых вербальных образов, являющихся аккумуляторами исторической памяти, на фиксацию продуцируемых

базовыми символами парадигм речевых образов, присутствующих в вербализованном тезаурусе языковой личности.

Об этом свидетельствует уже выбор в качестве вокабул в заголовках словарных статей имен существительных компонентов фразеологизмов, в своем большинстве восходящих к базовым предметным символам, семантика которых отражается во внутренней форме, а зачастую «просвечивает» и сквозь фразеологическое значение. Многообразные связи с исходной символикой интерпретируются во входящих в состав словарных статей историко-этимологических комментариях.

Система расположения трансформированных употреблений ФЕ в Словаре способствует выявлению отфразеологических символов, которые в соответствии с разработанной для Словаря классификацией трансформаций ФЕ помещены в специальных рубриках, включающих окказиональные слова и фразеологизмы, производные от данных ФЕ. Как правило, они сопровождаются иллюстрирующими их употребление цитатами и часто – семантизирующими комментариями. Если цитируемые тексты включают целые парадигмы отфразеологических окказионализмов, эти парадигмы частично или полностью фиксируются в иллюстративной части соответствующих словарных статей. Такая фиксация парадигм отфразеологических символов в Словаре позволяет проследить закономерное проявление в их семантике сквозных сем, создающих внутритекстовую когезию, обеспечивающих выражение концептуальной информации, идеи текста; отражает образные константы идиостиля, литературного направления, вербализованного тезауруса языковой личности.

См. образец словарной статьи в СФРР, данной в сокращении:

<p>АЛЬФА И ОМЕГА. <i>Книжн.</i> Самое главное, самое существенное, основа чего-л. <i>Говорится, чтобы подчеркнуть значимость, важность чего-л.</i></p>

...единство и целостность бытия есть не просто некое похвальное свойство пушкинского мироощущения, а поистине фундамент, реальная и живая сущность, **альфа и омега** художественного мира Пушкина, та

основа, на которой только и можно построить более или менее адекватную научную концепцию его творчества. (В. Непомнящий. Пророк.)

Смысловые и формальные преобразования

ГРАНДИОЗНАЯ АЛЬФА И КОЛОССАЛЬНАЯ ОМЕГА

Расширение компонентного состава ФЕ. Формальное вычленение двух параллельных, одноструктурных синтагм. Патет., Шутл.- ирон.

Человек – это примат! ...Гм... Примат? – Да еще какой! Универсальный примат! **Альфа и омега!** ...человек посложнее космических лучей и в миллион раз сложнее атома! Потому что в нем – все! В нем даже вдохновение есть. Он – **альфа и омега! Грандиозная альфа и колоссальная омега!** (Н. Нароков. Могу!)

АЛЬФА ТВОЯ И ОМЕГА. Основы жизни человека, его индивидуального существования.

Расширение компонентного состава ФЕ

– *в контексте, характеризующем основы вневременного существования «победителя над родом своим» – капитана, одиноко странствующего в бескрайнем космосе, живущего вне законов земного времени и пространства.*

В темно-синей душе латимерий

Так безоблачен, юн океан...

И с улыбкою зрит капитан

Смутный образ отпавших империй.

<...>

Победитель над родом своим,

Где же **альфа твоя и омега?**

Думу думает он – нелюдим

И последним ступает с ковчега.

(А.И. Аргутинский-Долгорукий. Победитель)

НИ АЛЬФЫ, НИ ОМЕГИ. Ни начала, ни конца – ничего

Переход утвердительной формы в отрицательную.

– *в иносказании. – ирон.*

Не глушь, а слепь,

Не темь, а пустота.
Где глубина, где высота,
Где долгота, где широта –
Не разберешь: ни вехи, ни отметки.
И в небесах **ни Альфы, ни Омеги**.
И на земле не больше, *ни черта*.
(Б. Слуцкий. Ночь)

Семантическое преобразование
АЛЬФА И ОМЕГА.

Буквализация значения ФЕ

– в сочетании с актуализацией идеи конца и отчуждения, отстранения от «жизни земной». См. аллюзию на образ **ФЕ лебединая песня** посредством поэтического перифраза этого оборота («лебяжья смертная нега»).

– в основе развернутой метафоры.

По такому белому снегу
Белый ангел **альфу-омегу**
Мог бы крыльями написать
И **лебяжью смертную негу**
Ниспослать мне как благодать.
(А. Тарковский. Мартовский снег)

● Источник выражения – библейская новозаветная книга «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь» (гл. 1, 8); «Я есмь Альфа и Омега, первый и последний» (гл. 1, 10). Символика оппозиции «первый: последний» связана с названием первой (**α** «альфа») и последней (**ω** «омега») букв греческого алфавита. В европейских языках этому обороту соответствует калькированное и трансформированное «от а до зет», соответствующее наименованиям первой и последней буквы латиницы. В старославянском употреблялось подобное выражение *от аза до ижицы*, а в современном русском языке – *от а до я*.

ГЛАВА II

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ШКОЛЬНОМ СЛОВАРЕ «ЖИЗНЬ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ»

§ 1. Важнейшие задачи Словаря

Построение школьного фразеологического словаря «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» (ЖРФХР) основывается на принципах, разработанных авторами для словаря «Фразеологизмы в русской речи», но также предполагает разработку специальных принципов построения, связанных с его дидактической направленностью, с его адресованностью в первую очередь учащимся общеобразовательных школ, колледжей, лицеев, изучающим русский язык и литературу.

Словарь представляет собой один из первых опытов систематизированного лексикографического описания особенностей смысловой структуры ФЕ в контексте произведений различных функциональных стилей, литературных жанров. Словарь предполагает полную функционально-семантическую характеристику ФЕ. Такая характеристика включает детальное истолкование значений и разнообразных употреблений ФЕ в современном русском литературном языке, определение основных типов трансформаций и стилистических приемов преобразования ФЕ в тексте.

Словарная разработка употреблений ФЕ в художественных идиостилиях, в публицистике, в разговорной речи послужит основой для выявления регулярных моделей их структурно-семантического преобразования, для установления определенных структурно-семантических типов ФЕ, обладающих своим особым преобразовательным потенциалом. Сопоставление фразеологических систем разных языков по характеру трансформируемости в речи будет способствовать определению фразеологических универсалий,

характеризующих динамику фразеологических систем, и в то же время позволит полнее выявить национально-языковое своеобразие идиоматики.

Семантическая структура ФЕ в Словаре представляется как динамическая модель смысла, отражающая возможности структурно-семантических преобразований ФЕ при их функционировании в речи. Динамические модели смысла ФЕ выявляются на основании сопоставления их многочисленных употреблений в разнообразных текстах.

К важнейшим задачам Словаря относится определение закономерных связей между значением и формой ФЕ в системе языка и речи, установление внутрифразовых значений слов-компонентов, выявление различных типов членимости значения фразеологических единиц в соотношении с элементами их материальной формы (словами-компонентами, сочетаниями компонентов, морфемами в составе компонентов ФЕ), на которых базируются различные типы структурно-семантических преобразований ФЕ в речи.

Современный уровень развития фразеологии как науки и ее фразеографического применения позволяет создать школьный фразеологический словарь, преследующий определённые дидактические задачи: выработать у школьников достаточно обширный активный фразеологический запас, навыки свободного владения фразеологическим запасом – способность и умение определять смысловое содержание и оценивать стилистическое применение фразеологизмов в художественной литературе и публицистике, употреблять фразеологические единицы в различных жанрах устной и письменной речи.

Словарь призван явиться особым справочным пособием, которое будет способствовать лучшему усвоению и запоминанию многих широко распространенных русских фразеологизмов, крылатых фраз и пословичных выражений. Этому содействует фразеографическая репрезентация фразеологического фонда русского языка в историко-лингвистическом и социолингвистическом аспектах. Не менее важной задачей Словаря является фиксация идиом и пословиц в их вариантном

многообразии и речевой динамике, а также в их историко-этимологической ретроспективе.

Впервые индивидуально-авторские употребления ФЕ в прозе и поэзии широко представлены в предлагаемом школьникам фразеологическом словаре. Эти употребления реализуют возможности конкретизации типовых ситуаций, которые обозначаются фразеологизмами. Индивидуально-авторские употребления, включаемые во все словарные статьи Словаря, даются в определенной системе, в последовательности, позволяющей воспринять, выявить и оценить возможности применения наиболее распространенных, типичных для рассматриваемых ФЕ способов их преобразования в речи, индивидуально-авторского их трансформирования.

В задачи Словаря как словаря-справочника входит фиксация основных видов контекстов, представляющих типовые ситуации функционирования ФЕ в различных речевых сферах, преимущественно в художественной литературе и публицистике. В Словаре устанавливаются различные виды «контекстуальных сдвигов значения», «приращений смысла» у ФЕ в художественной речи.

Обращение к Словарю призвано способствовать активизации разнообразных стилистических приемов, которыми владеют мастера нашей словесности, что несомненно будет содействовать повышению культуры речи, выработке языкового чутья, овладению словарными, фразеологическими богатствами русского языка.

Словарь адресован учащимся школ, гимназий, лицеев, колледжей, изучающим русский язык и русскую литературу, студентам гуманитарных вузов, а также всем, кто проявляет интерес к русской фразеологии.

Словарь включает фразеологию в широком понимании. В его состав вошли собственно фразеологизмы (фразеологические единицы / ФЕ), крылатые выражения, пословицы. Последние два разряда устойчивых оборотов в основном законченные изречения (устойчивые фразы), которые, подвергаясь трансформациям, становятся фразеологизмами или сближаются с ними функционально.

В Словарь включаются главным образом устойчивые сочетания слов, основанные на полном переосмыслении, относимые в соответствии с классификацией акад. В.В. Виноградова к разрядам фразеологических единств и фразеологических сращений, – иными словами, русская идиоматика.

В Словарь включены лишь ФЕ, широко распространенные в современном литературном языке и зафиксированные в ряде индивидуально-авторских употреблений.

Решение поставленных задач базируется на данных и опыте лексикографической разработки русской фразеологии в целом ряде толковых, фразеологических словарей, прежде всего словарей: А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» (ФРР); А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник».

§ 2. О принципах отбора фразеологических единиц

Словарь основывается на материале около 30000 употреблений ФЕ, наиболее распространенных в произведениях художественной литературы и *публицистики*, изучаемых в средней школе на уроках литературы и включенных в круг внеклассного чтения. Вслед за СФРР Словарь представляет разработку трансформированных, индивидуально-авторских употреблений ФЕ, выявляющую своеобразие функционирования ФЕ в художественной речи, в идиостилиях писателей прозаиков и поэтов, произведения которых представляют лучшие образцы русской художественной литературы XIX – начала XXI вв.

В соответствии с учебной направленностью Словаря каждая словарная статья должна отражать своеобразие «жизни», бытования фразеологической единицы, должна помочь читателю получить представление о семантических, эмоционально-экспрессивных, грамматических свойствах ФЕ, об особенностях ее стилистического употребления, дать её характеристику в историко-этимологическом и социолингвистическом аспектах, часто мотивирующих своеобразие

индивидуально-творческого использования фразеологизмов. Раскрытие исходного образа многих из описываемых ФЕ даёт представление об основных культурологических концептах, запечатлевших их национальную специфику и общеевропейские истоки.

Основные компоненты словарных статей и структура Словаря полностью совпадают с соответствующими компонентами СФРР. Используется аналогичные системы словарных дефиниций и экспрессивно-стилистических, экспрессивно-оценочных помет.

Чтобы правильно использовать определенные фразеологизмы, важно знать не только их языковое значение, но и те типовые ситуации, в которых они могут быть употреблены. С учетом этого в Словаре наряду с дефинициями значения для ряда ФЕ даются ситуативные подтолкования, т. е. указание на типовую ситуацию или ситуации, в которых ФЕ обычно употребляется. См., например, толкование в Словаре ФЕ **ни аза (не знать, не понимать, не смыслить)**: *Устаревашее. Совершенно ничего (не знать, не понимать). Говорится неодобрительно, чтобы подчеркнуть полное незнание чего-л., даже самого простого. См о семантических толкованиях ФЕ в СФРР.*

Стилистическая характеристика ФЕ в Словаре должна способствовать максимальному раскрытию особенностей их употребления. Стилистическая характеристика ФЕ представлена двояко: системой помет и описательно, путем включения в текст толкования оценочных слов, слов, характеризующих эмоциональное восприятие, своеобразие переносного, образного употребления. Примеры подобных толкований: **Куда Макар телят не гонял. Разг.** Чрезвычайно далеко, в самые отдалённые, неизвестные места (уехать, попасть и т. п.). *Говорится об очень далёких, неизвестных местах, куда кто-л. уезжает, чаще не по своей воле; Сеять разумное, дробное, вечное. Книжно-поэтич. Высок.* Распространять просвещение, внушать идеи добра, справедливости, любовь к ближнему. Сначала приводятся примеры использования ФЕ в нормативном, узуальном значении и форме, затем – трансформированные фразеологизмы. В конце словарной статьи со знаком* приводится историко-этимологический комментарий, например: *Выражение **Сеять**

разумное, доброе, вечное восходит к стихотворению Н.А. Некрасова «Сеятели» (1877), обращённому к «сеятелям знания на ниву народную»:

Сейте разумное, доброе, вечное,

Сейте! Спасибо вам скажет сердечное

Русский народ ...

ГЛАВА III

ОПЫТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(Задачи и принципы построения словаря «Фразеология в русской поэзии»)

§ 1. Словари нового типа

Словарь «Фразеология в русской поэзии XIX – начала XXI вв.» (СФРП) принадлежит к словарям нового типа, последовательно и систематизировано включающим разработку индивидуально-авторских употреблений ФЕ в различных функциональных стилях и речевых жанрах

Последние десятилетия ознаменованы становлением и активным развитием поэтической лексикографии (словарной разработкой языка поэзии). Среди словарей поэзии особо выделились сводные словари, фиксирующие слова в множестве употреблений в творчестве ряда поэтов: Словарь языка русской поэзии (СЯРП); Шестакова 2006: 321-327). При этом имеются лишь немногие словари, в которых единицами описания служат фразеологизмы, поговорки, крылатые выражения. Это словари, описывающие фразеологию в творчестве отдельных поэтов (Крылов 2004; Мокиенко, Сидоренко 1997; Ничик, Ронгинский 1991 и др.).

Словарь «Фразеологизмы в русской поэзии XIX – начала XXI веков» (СФРП), является первым сводным фразеологическим конкордансом, представляющим не только контексты употреблений фразеологических единиц, но и их разностороннюю интерпретацию. СФРП может быть квалифицирован как сводный толковый фразеологический словарь русской поэзии XIX- начала XXI вв. Его основная цель – зафиксировать употребления ФЕ в составе контекстов (фразеологических конфигураций) и объяснить их. Разработка в Словаре

употреблений ФЕ в поэзии отражает специфику их функционирования в поэтическом тексте.

СФРП характеризуется наличием тезаурусного плана. Об этом свидетельствует построение словарных статей, в которых фиксируются системы языковых образов поэзии как особого вида словесного творчества, конструируемые рядами слов, сочетаний слов, фразеологизмов в разнообразии их вариантов, языковых и индивидуально-авторских, объединяющихся в свои особые микросистемы, концептуальные парадигмы, представляющие фрагменты единой поэтической картины мира этноса.

Построение СФРП основывается на принципах, разработанных авторами для словаря «Фразеологизмы в русской речи». Фиксируемые в словарных статьях употребления ФЕ в поэзии нуждаются также в специальной интерпретации, которая основывается на сформулированных авторами принципах лексикографической разработки употреблений ФЕ в поэтических жанрах [Мелерович, Мокиенко 2006: 67-79].

В число основных задач СФРП входит лексикографическая систематизация материалов типичного для поэзии и индивидуально-авторского употребления ФЕ, служащая выявлению своеобразия поэтических идиостилей в их сложном взаимодействии.

Словарная разработка ФЕ в поэзии поможет выделению ключевых образов в творчестве разных поэтов, обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира (см., например, высокочастотные в поэзии ФЕ *земной шар*, *белый свет*, *запретный плод*, *смертный час*, *час пробил*, *кануть в лету*, *порасти быльем*, *нести крест*, *истить чашу (до дна)*, *сходить с ума*, *оставить след*, *парить в облаках*, *витать в эмпиреях*, *строить воздушные замки*).

Важно с помощью лексикографических приемов фиксировать и систематизировать характерные для поэзии способы преобразования значения и формы ФЕ.

§ 2. Принципы и способы толкования ФЕ в СФРП

Фразеографическая разработка ФЕ в СФРП включает формулировку дефиниций ФЕ, отражающих их концептуальное содержание в лексико-фразеологической системе языка, дефиниций окказиональных вариантов ФЕ и окказиональных ФЕ в ПТ.

Многие употребления ФЕ, зафиксированные в материалах Словаря, сопровождаются семантизирующими комментариями, раскрывающими не только смысловое содержание ФЕ в тексте, но и своеобразие ее стилистического употребления, связи с системой языковых образов в данном тексте, концептуальное содержание единиц текста, структурируемых языковыми образами, среди которых рассматриваемая ФЕ играет доминирующую роль.

Так, в словарной статье *Слово – серебро, а молчание – золото* цитируется следующая фразеологическая конфигурация, выделенная в стихотворении А. Галича «Старательский вальсок»:

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере... к эдакой матери.
Но поскольку **молчание - золото**,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи - попадешь в богачи!

Промолчи, промолчи, промолчи!

Процитированному тексту предшествует ряд характеристик: **ПРОМОЛЧИ – ПОПАДЕШЬ В БОГАЧИ.** Авторский афоризм; **МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО** Окказиональная ФЕ, являющаяся частью пословицы; Двойная актуализация ФЕ, в основе развернутой метафоры; Фразеологический и лексический повтор; Саркастически.

См. также употребление окказиональной ФЕ *золотом молчанье* *покупать* в составе следующей конфигурации в стих. Д. Кугультинова

«Молчанье – золото...» и его анализ, основанный на рассмотрении многосторонней контекстуальной семантизации лексемы *молчание*, раскрывающей её концептуальное содержание в данном поэтическом тексте:

«Молчанье – золото»... Молва
Нам донесла из дальней дали
Сверхосторожные слова...
Иль смысл пословицы таков,
Что *золотом во тьме веков*
Порой молчанье покупали?..
«Молчанье – золото»... Не так!
Молчанье – ложь! Молчанье – враг!
Молчать о виденном не смейте!..
Ломая немоты печать,
Суровый голос из бессмертья
Взывает: «Не могу молчать!»

Данному тексту предшествуют следующие характеристики: *золотом молчанье покупать* – окказиональная ФЕ; авторская перифраза оборота *молчание – золото*; образование окказиональных антонимов оборота *молчание – золото* по его модели: *молчанье – ложь, молчанье – враг*. – антитеза *бесстрашно, прямо высказываемой правды и «сверхосторожного», лживого умолчания*. Саркаст., презр.

Семантизация входных единиц и разнообразных трансформов ФЕ, образованных на базе заголовочных ФЕ, окказиональных отфразеологических лексем и фразеологизмов производится посредством синонимических рядов и развернутых описательных дефиниций, репрезентирующих системные связи определяемых единиц в языке и в тексте, формулирующих концептуальное содержание ФЕ в системе поэтического текста, в контексте поэтического цикла.

Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Без меня» основную текстообразующую функцию выполняет градационный ряд образных перифраз, параллельных синтаксических конструкций, продуцируемых ФЕ *капля в море*, созданных по ее модели. Здесь слово компонент ФЕ

капля и его контекстуальные корреляты *секунда, слезинка, снежинка* служат выражению ощущения поэтом своей сопричастности огромному, необъятному миру:

Можно обойтись и без меня.
Но зачем? Секундой в толще дня,
каплей в океане моря
и слезинкою в рыданье горя
пригодиться я еще могу.
И еще – снежинкою в снегу.

Подобные ряды оборотов, характерные для ПТ, Б.А. Ларин назвал «синонимами поэтической речи». Они означают не тождественные, но сводимые к одному смысловому фокусу представления. Таким образом, на семантических ассоциациях, своеобразных в поэтической речи, основывается разработка определенной темы. Б.А. Ларин подчеркивает, что «в поэтической речи очень важно *это введение семантических параллелей*, дающее сложный, дробящийся, но четкий в этой множественности образ (одно многоименное, потому что многогранное «видение поэта» [Ларин 1974: 86].

Многогранное «видение поэта» анализируется в Словаре посредством определения синонимических рядов, ассоциативно-семантических связей слов-компонентов ФЕ, рядов образных перифраз, дающих возможность воспринять различные грани концепта-символа. Среди ряда синонимов, перифраз необходимо выделить ключевой образ лексему или фразеологизм и его перифразы, дающие разностороннее представление об образной доминанте, о её концептуальном содержании и текстообразующей роли рассматриваемого семантического ряда, образуемого определенным звеном вербализованных образов-символов.

Г.О. Винокур писал, что в поэтическом языке в принципе нет слов и форм немотивированных, с произвольно-условным значением: любое слово здесь может входить в определенный смысловой ряд в зависимости от того образа, созданию которого оно служит [Винокур 1959: 391].

Слово в поэзии многомерно. В системе ПТ содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэтическом

произведении создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные смыслы слов и сочетаний слов компонентов. Наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

В СФРП найдёт отражение характерная для поэзии идиоматизация неидиоматической фразеологии, употребление в ПТ серий окказиональных идиом.

Так, в контексте поэтического цикла М. Цветаевой «Стол» номенклатурное наименование *письменный стол* преобразуется в символ творческого труда поэта. Это преобразование отражают своеобразные, неожиданные трансформы оборота *письменный стол – мой письменный верный стол, мой письменный вьючный мул, стол – вечный – на весь мой век*. Исходный поэтический символ порождает парадигму метафорических перифраз, которые разворачиваются в динамические образы-аллегии, служа выражению единой темы-идеи – смысл жизни поэта – в творчестве, все жизненные перипетии освещаются, преодолеваются им, все – во имя творчества:

Строжайшее из зеркал!

Спасибо за то, что стал

(Соблазнам мирским порог)

Всем радостям поперек,

Всем низостям – наотрез!

Дубовый противовес

Льву ненависти, слону

Обиды – всему, всему.

Мой заживо смертный тес!

Спасибо, что рос и рос

Со мною, по мере дел

Настольных – большал, ширел...

Фразеологизм *письменный стол* в поэтическом цикле М. Цветаевой функционирует как многогранный символ, доминанта серии употребляемых по аналогии с ним в символической функции

номенклатурных наименований с грамматически опорным существительным *стол*, сопоставляемых с доминантным символом и противопоставляемых ему: *садовый (стол)*, *бильярдный (стол)*, *обеденный (стол)* и т. д. Целый ряд слов и словосочетаний, фонетически и семантически ассоциирующихся с символическим образом «письменный стол» (*живой ствол, престол, простор, столп столпника, уст затвор, горящий столп* – см.: *огненный столп* [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 551]), является образными перифразами, создающими представление о роли творчества в жизни поэта. В силу паронимической аттракции они обуславливают смысловую глубину и перспективу доминантного образа-символа.

Идиоматичное в данном употреблении словосочетание *письменный стол* служит в СРФП заголовочной единицей в словарной статье, посвященной анализу его функционирования (ср. приведенные примеры репрезентации фразеографического анализа ФЕ в словарной статье *Слово – серебро, а молчание – золото*).

Основные компоненты словарной статьи в СРФП те же, что и в СФРР. Последовательно даются семантические определения ФЕ и их индивидуальных употреблений; иллюстративная часть, включающая характеристику системных связей фразеологической единицы в тексте, образуемых на ее основе тропов и стилистических фигур. Историко-этимологические данные, завершающие словарную статью, служат комплексному исследованию языкового строя поэтических произведений в структурно-семантическом, системно-функциональном, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

Разностороннее фразеографическое исследование ПТ ведет к выявлению своеобразия преломления картины мира различных социальных, этнических групп и индивидов в семантическом пространстве поэзии, к обнаружению языковых образов, наиболее рельефно отражающих как индивидуально-авторскую, так и национальную поэтические картины мира.

В СФРП обобщается анализ употреблений ФЕ в русской поэзии. При этом каждое употребление ФЕ рассматривается как элемент системы

ПТ, поэтического творчества автора, его идиостиля. Такой анализ ориентирован на перспективу сопоставления фразеологии поэтических идиолектов, конструируемых ею тропов и фигур, на выявление характерных для разных поэтических идиостилей особенностей употребления ФЕ.

Дефиниции в Словаре часто относятся к фразеологическим конфигурациям в целом, характеризуя доминантные черты их художественной формы, их концептуальный смысл. Многие употребления ФЕ в Словаре снабжены комментариями, включающими вкрапления, цитацию тех компонентов контекстуального окружения, которые передают наиболее существенные элементы смыслового содержания анализируемого употребления ФЕ. См., например, следующую характеристику фразеологической конфигурации, образуемой авторским употреблением ФЕ **смотреть со своей колокольни** на что в стихотворении Ю. Визбора «Цена жизни»:

СО СВОИХ НА МИР ГЛЯДИТ КОЛОКОЛЕН.

*– в основе развёрнутой метонимии, в которой слово **колокольни** служит обозначением храмов, церквей. Олицетворённый образ старинного русского города («Словно старец, он велик и спокоен») является способом выражения представления о преисполненном мудрым, величавым спокойствием взгляде на мир.*

Этот город называется Полоцк...

Он расколот на две части рекою,

Полной тихого лесного покоя,

Словно старец, он велик и спокоен,

Со своих на мир глядит колоколен.

При цитировании ПТ в Словаре соблюдается графическая форма стиха (печатание стихов в колонку, по строфам, с выделением коротких и длинных строк и т. п.), которая придаёт тексту зрительную выразительность, помогающую процессу восприятия. По возможности воспроизводится авторская графическая форма поэтических произведений.

Поскольку художественный текст представляет собой сложный симбиоз общеязыкового и индивидуально-авторского восприятия Слова, далеко не всегда можно полностью отразить все «обертоны смысла» (Б.А. Ларин) фразеологизма, гармонизированные творческой фантазией писателя. Особенно такая задача сложна для семантизации поэтических употреблений ФЕ, семантика компонентов которых многозначна, ассоциативно полифонична. Понятно, что полного «расклада по словарным полочкам» в таких сложных случаях добиться нельзя и потому следует стремиться к выявлению доминантных вариаций формы и значения ФЕ в авторском употреблении, отказавшись от некоторых периферийных. Особая роль здесь принадлежит самим контекстным иллюстрациям, ибо в них читатель и найдет стилистические смещения толкуемого фразеологизма.

§ 3. О словных компонентах ФЕ в поэзии в контексте фразеологических конфигураций

Выражение идейно-художественного, концептуального содержания произведения лексико-фразеологическими полями, рядами тропов, образующими разнообразные стилистические фигуры, наиболее типично для поэзии.

Основная единица языковой номинации – слово в поэзии приобретает особую смысловую и экспрессивную значимость. В поэтическом контексте актуализируются потенциальные ассоциативные смыслы слов, в других контекстах приглушенные или не проявляющиеся: «в центре поэтического искусства в конечном счете стоит слово со всей совокупностью его прямых и косвенных смыслов» [Эткинд 1998: 86]. Б. В. Томашевский пишет о специфической для поэзии формальной и смысловой актуализации слов: «Слово в поэзии как бы выпирает, выходит на передний план <...> развитие стиховой речи ведется главным образом по тесным словесным ассоциациям, от слова к слову, от предложения к предложению, от “образа” к “образу”» [Томашевский

1927: 73]. Слова в поэтическом контексте (в том числе и словные компоненты ФЕ) стремятся к автономности, которая достигается посредством выделения их такими характерными или специфическими для стиха средствами, как ритм, рифма, повторение слова, неожиданные звуковые ассоциации, поэтический синтаксис, трансформация ФЕ.

Ведущим приемом трансформации ФЕ в ПТ является двойная актуализация смысла, создающаяся посредством семантического и звукового сопоставления компонента ФЕ со словом (словосочетанием) в свободном употреблении:

Ах, оборотистый народец –
поэты! Бедный оборотец
и тот пускаем в оборот:
бросаешь камешек соседу,
а он булыжник – мельче нету,
– как говорится, общий счёт.

(О. Чухонцев. Прощанье со старыми тетрадями).

Здесь актуализирован компонент *камешек* (узуальная форма ФЕ *бросать камешки в огород чей*) благодаря его сопоставлению со словом *булыжник*. На первом плане оказывается буквальное значение сопоставляемых слов. Однако здесь буквализация сочетается с развернутой метафорой, распространяющейся и на слово *булыжник*.

Часто наблюдается семантическая актуализация компонента ФЕ, возникающая в результате сопоставления его с однозвучным компонентом другой ФЕ. При этом сопоставление основывается в первую очередь на звуковых ассоциациях:

Ум – домосед.
А дурь живет на воле.
Свирепствующий в глупой голове
Известный ветер – ищет ветра в поле;
Два ветра сшиблись; дури стало две.
(Н. Матвеева. Этапы глупости).

Здесь словосочетание *известный ветер* является актуализированной частью оборота *свирепствующий в глупой голове*

известный ветер, представляющего собой трансформ ФЕ **ветер в голове**. На основе его сопоставления с ФЕ **ищи ветра в поле** создан афористический каламбур: *Два ветра сибились; дури стало две*, в котором обыгрывается ассоциативный смысл слова *ветер* «легкомыслие, непостоянство, несерьезность», сопряженный также с такими словами и оборотами, как *ветренность, ветреник, бросать на ветер, болтать на ветер*.

Слово в поэзии многомерно. В системе ПТ содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст (фразеологическую конфигурацию), в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов компонентов ФЕ. Наиболее полное, глубокое осмысление ФЕ и их словных компонентов сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

§ 4. О семантических определениях фразеологизмов и фразеологических конфигураций

Иллюстрации употреблений ФЕ в поэтическом тексте в Словаре представлены фразеологическими конфигурациями, образуемыми строфами, рядами строф, текстами стихотворений, в которых реализуется то или иное употребление фразеологизма. Фиксируемые таким образом формы употребления ФЕ сопровождаются семантическими определениями (в случаях существенных смысловых новаций), стилистическими пометами, указаниями особенностей связей с различными элементами языка в системе ПТ, видов и способов индивидуально-авторских преобразований значения и формы ФЕ.

Для поэзии характерно базирование фразеологической конфигурации на повторной номинации концептуального содержания, репрезентируемого ФЕ. Повторная номинация в контексте фразеологической конфигурации выполняет семантизирующую функцию.

Определение смыслового содержания ФЕ в составе фразеологических конфигураций в ПТ часто достигается посредством авторских дефиниций ФЕ и отдельных компонентов ФЕ, слов и сочетаний слов, которые раскрывают, уточняют, детализируют элементы индивидуального концептуального смысла ФЕ в тексте. Подобные употребления ФЕ в Словаре снабжены комментариями, лаконично характеризующими структуру и семантику фразеологических конфигураций.

Так, в словарную статью **обетованная земля** включена цитата из стихотворения Ю. Левитанского «Кровать и стол, и ничего не надо больше...»:

Мой старый стол, мой отчий край, мой дальний берег,
моя земля *обетованная*, мой остров,
мой утлый челн, моя спасительная шлюпка,

– сопровождающаяся комментарием: «ФЕ **земля обетованная** употреблена в ряду образных перифраз, характеризующих роль творчества в жизни поэта как самого важного, необходимого, как предмета заветных устремлений». Таким образом, семантические определения могут пояснять не только отдельные употребления ФЕ. Дефиниции часто относятся к фразеологическим конфигурациям в целом, характеризуя доминантные черты их художественной формы, их концептуальный смысл.

На базе народной речи возникают такие поэтические употребления фразеологизмов, которые служат основой неожиданных ярких словесных образов, раскрывающих, детализирующих элементы индивидуального концептуального смысла ФЕ в тексте. См. трансформированное употребление ФЕ **бред сивой кобылы** и его дефиницию: *КОБЫЛА СИВАЯ С ЕЁ ТЯЖЕЛЫМ БРЕДОМ. Шутл.-ирон. Не только вздорные речи, «пасущиеся в нашем языке» вопреки здравому смыслу, но и фольклор с его необузданной фантазией, народным юмором, питавшими в прошлом творчество прекрасных сатириков и фантастов и остающимися невостребованными современностью. См.: «Она бы Гоголю понравилась такая: Упрямство жуткое и дикое враньё...».*

В основе развернутой метафоры:
Кобыла сивая с ее тяжелым бредом
Пасется в нашем языке.
Происхождения ее секрет неведом.
Пришла понурая, стоит невдалеке.
Она бы Гоголю понравилась такая:
Упрямство жуткое и дикое вранье,
Копытом здравый смысл лягая.
У Даля нет еще ни слова про нее.
(А.С. Кушнер. Кобыла сивая с ее тяжелым бредом...)

Иллюстративная часть многих употреблений ФЕ в ПТ в составе словарных статей представляет собой своеобразный интертекст¹⁶, отражающий преемственность в использовании стилистических приемов окказионального преобразования Е, в интуитивном привлечении аналогичных фразеологических образов, обусловленном идейно-тематической общностью произведений, воздействием идиостиля поэта на формирование стилистических систем других авторов, литературных направлений. Разностороннее сопоставление однотипных употреблений ФЕ поможет устанавливать прототипические употребления, даст возможность проследить эволюцию ряда фразеологических образов. Например, в словарной статье ФЕ глаголом **жечь сердца людей**, восходящей к стихотворению «Пророк» А.С. Пушкина, представлены трансформированные употребления данного оборота, сопровождаемые в ряде случаев словарными дефинициями и комментариями лингвостилистического характера:

Вот Пушкина свободный стих.
Он угрожающе свободен.
Он оттого и неугоден

¹⁶ К *интертекстам* принадлежат единицы, воспринимаемые как производные, созданные на базе определенного текста или представляющие собой его фрагменты, цитаты из него, смысловое содержание которых обогащается за счет семантических связей с произведением-источником.

Царям и раздражает их...
Но вы смотрите, как он **жжет**
Сердца глаголами своими!
Как он свободно правит ими!
И не лукавит! И не лжет!

(Ю. Левитанский. О свободном стихе)

ГРЕТЬ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ. *Словом, силой словесного творчества поддерживать веру в добро, приносить радость людям.*

– в сопоставлении, в контексте развернутой метафоры: глаголы **жечь** и **греть** здесь образно передают характер воздействия поэтического творчества.

Я прожил жизнь в скитаниях без срока,
Но и теперь еще сквозь грохот дней
Я слышу глас, я слышу глас пророка
«Восстань! Исполни волею моей!»
И я встаю, бреду слепой от вьюги,
Дрожу в просторах Родины моей,
Еще пытаюсь в творческой потуге
Уже не жечь, а греть сердца людей.

(А. Вертинский. Отчизна)

См. также следующее трансформированное, стилизованное употребление фразеологизма **за тридевять земель**, снабженное дефиницией и лингвостилистическим комментарием:

ИЗ-ЗА ТРИДЕВЯТЬ БУЙНЫХ ВЕКОВ. *Из очень далёких, давних времён., нар. – поэт. стилизация*

Из-за тридевять буйных веков,
Из-за тьмы, из-за мглы непролазной,
Из-под спуда седых валунов
Вылезает корягой неладной...
И наверх, осерчавший и злой,
Продирается Вий, вылезает.
(С. Городецкий. Вий)

Формулировка концептуального содержания ФЕ в словарных дефинициях предполагает и вербализацию их коннотативного ореола, включая культурные, социально, исторически маркированные компоненты коннотации. Семантизация, толкование разнообразных авторских употреблений ФЕ часто производится посредством синонимических рядов и развернутых описательных дефиниций, репрезентирующих системные связи определяемых единиц в языке и в тексте, формулирующих концептуальное содержание ФЕ в системе поэтического текста, в контексте поэтического цикла, творчества поэта, литературного направления.

Такая разносторонняя интерпретация поэтического текста в Словаре ведет к выявлению своеобразия преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии. Тем самым во фразеологическом словаре может быть обобщен опыт анализа употреблений ФЕ в русской поэзии, способов преобразования значения и формы ФЕ. При этом каждое употребление ФЕ рассматривается как элемент системы поэтического текста, поэтического творчества автора, его идиостиля. Такой анализ ориентирован на перспективу сопоставления фразеологии поэтических идиолектов, конструируемых ею тропов и фигур, выявление характерных для разных поэтических идиостилей особенностей употребления ФЕ.

Отличительной особенностью иллюстративной части СФРП, как и предыдущих словарей данного типа (включающих и объясняющих трансформированные употребления ФЕ), является фиксация трансформированных, индивидуально-авторских употреблений ФЕ, сопровождающаяся определением основных видов трансформации, стилистических приемов употребления, часто – толкованием смыслового содержания ФЕ в том или ином контексте. Такое построение и содержание иллюстративной части способствует выявлению многообразных особенностей функционирования ФЕ в художественной речи, связанных с концептуальным содержанием, литературным жанром, системой художественных образов, композицией произведения. При выборе литературных иллюстраций учитывается степень полноты

отражения узуального значения ФЕ; наличие контекстов, способствующих раскрытию разнообразных смысловых оттенков фразеологической единицы, отражающих индивидуальное восприятие ее внутренней формы, образной мотивировки. Подбираются такие контексты, которые показывают особенности лексической и синтаксической сочетаемости ФЕ, демонстрируют различные формы употребления ФЕ, выявляют продуктивные способы индивидуально-авторского преобразования.

Словарная разработка употреблений ФЕ в поэтических текстах будет способствовать более глубокому проникновению в концептуальное содержание поэтических произведений, более полному описанию их структурной, формальной организации, поможет выявлению, восприятию эстетической функции ФЕ в поэзии, восстановлению забытых поэтических произведений по сохранившимся в памяти употреблениям ФЕ, уточнению авторства поэтических строк.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемых нами фразеологических словарях нового типа, словарях индивидуально-авторских употреблений фразеологизмов (СУФЕ), авторские употребления ФЕ, включаемые в словарные статьи, даются в определённой системе, в последовательности, позволяющей воспринять, выявить и оценить возможности применения наиболее распространенных и типичных для рассматриваемых ФЕ способов их преобразования в речи, индивидуального трансформирования. Фразеология рассматривается в пределах художественного и публицистического дискурсов. Соответственно наш дискурсивный анализ ФЕ ориентирован на речевую специфику этих функциональных сфер, прежде всего на выявление своеобразия функционирования ФЕ в русской прозе и поэзии XIX-XXI вв.

Как показывает наше исследование, словарная разработка индивидуальных (окказиональных) употреблений фразеологических единиц в художественной литературе и публицистике, в разговорной речи

необходима для установления регулярных моделей их структурно-семантического преобразования.

Сопоставление фразеологических систем разных языков по характеру трансформируемости ФЕ в речи будет способствовать определению фразеологических универсалий, характеризующих динамику фразеологических систем, и в то же время позволит полнее выявить национально-языковое своеобразие идиоматики.

Словари употреблений фразеологических единиц призваны служить особыми справочными пособиями, которые послужат лучшему усвоению и запоминанию распространённых фразеологизмов, крылатых фраз и пословиц, их функциональных свойств. Этому будет содействовать словарная разработка фразеологического фонда русского языка в историко-лингвистическом и социолингвистическом аспектах.

Не менее важной задачей СУФЕ является фиксация идиом и пословиц в их вариантной многообразии и речевой динамике. В задачу СУФЕ как словарей-справочников входит фиксация основных видов контекстов, представляющих типовые ситуации функционирования ФЕ в разных речевых сферах. В словарях фиксируются различные виды «контекстуальных сдвигов значения», «приращений смысла» у ФЕ в художественной литературе и публицистике.

Представленная в словарных статьях наших словарей «жизнь русской фразеологии в речи» будет способствовать восприятию художественного мастерства писателей. Обращение к Словарю поможет оценить творческое применение языковых образов, оно призвано способствовать активизации разнообразных стилистических приемов употребления фразеологизмов, что несомненно послужит повышению культуры речи, развитию языкового чутья, овладению словарными, фразеологическими богатствами русского языка.

Главное же заключение, которое мы, авторы этих словарей, можем сделать на основе более чем тридцатилетнего лексикографического описания ФЕ в художественной, публицистической и поэтической речи, – это парадоксальный взгляд на креативное соотношение «ФЕ – Язык писателя». Приступая к разработке этой психолингвистической темы, мы,

вслед за многими исследователями употребления фразеологии у различных авторов, считали большинство трансформаций так называемыми «индивидуально-авторскими преобразованиями», диктуемыми творческой личностью пишущего. Сейчас, сконцентрировав такие преобразования в единую словарную систему, мы пришли к выводу – пусть и парадоксальному, – что *не писатели преобразуют ФЕ, а – ФЕ преобразуют художественный текст*. И действительно: материал наших словарей показывает, что есть достаточно чётко ограниченный набор идиом и паремий, которые «провоцируют» мастеров слова на творческое использование. Тем самым креативность исходит от этих единиц языковой системы, а пишущие в меру своего языкового инстинкта и предпочтений поддаются такому искусству и следуют моделям тех трансформаций, которые подсказаны самой фразеологической системой. Такого рода модели фразеологических преобразований и описываются нами в словарях употребления фразеологизмов в речи.

Такие словари адресованы преподавателям и студентам гуманитарных вузов, учащимся школ, гимназий, лицеев, колледжей, изучающих русский язык и русскую литературу, а также всем, кто проявляет интерес к русской фразеологии и образному русскому Слову.

Библиография

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-пресс, [1998] 1999. – С. 556-558.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: АСТ-Пресс книга, [1998] 2009. – 450 с.

Бушуй А.М. Библиографический указатель по фразеологии. Основные вопросы теории фразеологии. – Самарканд, 1987. – Вып. 6.

Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 175 с.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.

Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1980. – 427 с.

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.

Задорожный М.И. Семантизация как доминанта вербального общения // Экспериментальный анализ смысла. – Фрунзе, 1987. – С. 98-102.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2000. – 382 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 134 с.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. – М.: «Дрофа», 2004. – 288 с.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Вступит, статья А.В. Федорова. – Л.: Ху-дож. лит., 1974. – 283 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в художественной речи. Проспект школьного фразеологического словаря. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 245 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 455 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. – М.: «Русские словари», «Астрель», [1997] 2005. – 864 с.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980. – 207 с.

Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка. – М., 1987. – С. 7-23.

Поэт и слово: Опыт словаря / Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1973. – 456 с.

Проблемы фразеологии. Материалы и исследования / Под ред. А.М. Бабкина. – М.-Л.: Наука, 1964. – 317 с.

Словарь автобиографической трилогии М. Горького. – Выпуск 1. – Л., 1974, 1975. – 104 с.

Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. – М.: Просвещение, 1966. – 423 с.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, [1927]1999. – 334 с.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1997.

Эткинд Е. Г. Материя стиха / предисл. Д. С. Лихачева. – Репринт. изд. – СПб.: Гуманитар. союз, 1998. – 506 с.

Gibbs R.W., O'Brien J.E. Psychological aspects of irony understanding // Journal of Pragmatics. – 1991. – 16(6). – Pp. 523-530.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
------------------------------	---

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I. ФРАЗЕМОПОРОЖДАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНО-ПРОВЕРБИАЛЬНОГО КОДА

Н.Ф. Алефиренко	7
---------------------------	---

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ РОЛИ ОБРАЗА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В.И. Зимин	32
----------------------	----

ГЛАВА III. ВИДЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В ДУХЕ ТЕОРИИ СИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (на материале русского и французского языков)

А.П. Василенко	52
--------------------------	----

ГЛАВА IV. ПРОБЛЕМА ВАРИАНТА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (на материале английского, немецкого и шведского языков)

Т.Н. Федуленкова	74
----------------------------	----

ГЛАВА V. ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ (на материале немецкого, нидерландского и английского языков)

Д.О. Добровольский	106
------------------------------	-----

ЧАСТЬ II

ОПЫТЫ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ РУССКОЙ РЕЧИ

А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко	123
---	-----

ОТ АВТОРОВ.....	123
 ГЛАВА I. ФРАЗЕОЛОГИЯ В СЛОВАРЕ «ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ»	
§ 1. Назначение и задачи Словаря	128
§ 2. Принципы отбора фразеологических единиц. Источники Словаря ...	130
§ 3. Принципы и способы толкования фразеологических единиц ...	132
§ 4. Стилистическая характеристика ФЕ	138
§ 5. Иллюстративная часть	141
§ 6. Историко-этимологические сведения в Словаре	147
§ 7. Словарная статья	148
§ 8. Расположение фразеологических единиц. Определение компонентного состава фразеологизмов	149
§ 9. Описание зафиксированных в Словаре преобразований фразеологических единиц. Фиксация фразеологических конфигураций. <i>Образец словарной статьи в словаре «Фразеологизмы в русской речи» ..</i>	151
 ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЯ В ШКОЛЬНОМ СЛОВАРЕ «ЖИЗНЬ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ»	
§ 1. Важнейшие задачи Словаря	170
§ 2. О принципах отбора фразеологических единиц	173
 ГЛАВА III. ОПЫТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ (Задачи и принципы построения словаря «Фразеология в русской поэзии»)	
§ 1. Словари нового типа	176
§ 2. Принципы и способы толкования ФЕ в СФРП	178
§ 3. О словных компонентах ФЕ в поэзии в контексте фразеологических конфигураций	184
§ 4. О семантических определениях фразеологизмов и фразеологических конфигураций	186
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 191
 НАШИ АВТОРЫ	 198

НАШИ АВТОРЫ

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (БелГУ), г. Белгород

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика Ивана Георгиевича Петровского, г. Брянск

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук (ИРЯ РАН), г. Москва

Зимин Валентин Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и прикладного языкознания филологического факультета Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Мелерович Алина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, г. Кострома

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, г. Санкт-Петербург

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, член Европейской ассоциации англистов, член-корреспондент РАЕ, г. Владимир

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Алефиренко Николай Федорович
Зимин Валентин Ильич
Василенко Анатолий Петрович
Федуленкова Татьяна Николаевна
Добровольский Дмитрий Олегович
Мелерович Алина Михайловна
Мокиенко Валерий Михайлович

**СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Монография

Компьютерный набор авторов

Подписано в печать 24.05.16 Формат 70 х 100 1/16
Печать офсетная Бумага офсетная
Усл. п.л. 12,5 Тираж 500 экз. Заказ 106

*Отпечатано в ООО «Новый проект»
г. Брянск, ул. Калинина, 81
тел.: (4832) 74-47-86*